

Б. И. Гаврилов

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Б. И. Гаврилов

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Восстание
на броненосце
«Потемкин»

Москва
«Мысль»
1987

ББК 63.3(2)522

Г 12

Редакции
исторической литературы

Рецензенты:

доктор исторических наук,
профессор *Н. В. Блинов*
доктор исторических наук,
профессор *А. В. Ушаков*

Гаврилов Б. И.
Г12 В борьбе за свободу: Восстание на броненосце
«Потемкин».— М.: Мысль, 1987.—222,[2] с., [16]
л. ил.

В пер.: 1 р. 30 к.

Книга посвящена одному из ярких эпизодов революционной борьбы в России — восстанию на броненосце «Потемкин» в период первой российской революции 1905—1907 гг. Автор исследует выступление потемкинцев как одно из важнейших проявлений развития революции, показывает социальный и партийный состав команды броненосца, выявляет взаимосвязи и взаимовлияние восстания с революционными событиями в Одессе и Феодосии, наличие условий для образования революционной армии.

Издание рассчитано на широкие читательские круги.

Г 0505030100-098
004(01)-87-79-87

ББК 63.3(2)522

Введение

Революция 1905—1907 гг. в России явилась первой народной революцией эпохи империализма. Она пробудила к активной политической жизни и подняла на борьбу с самодержавием широчайшие массы народа. В эту борьбу была вовлечена и армия. Значение армии и флота в революции определяется самим фактом их существования как вооруженных сил государства. Отдельные случаи перехода представителей войск на сторону народа имели место на протяжении всего периода освободительной борьбы. Но только с наступлением и развитием ее пролетарского этапа такой переход принял массовый характер, что способствовало успеху социалистической революции. Условия и возможности для перехода армии на сторону народа обеспечивает пролетариат, втягивая вооруженные силы в политическую борьбу. Кроме того, в эпоху империализма в армии и особенно на флоте возрастает пролетарская прослойка, что способствует укреплению движущих сил революции. В авангарде освободительной борьбы в русской армии и на флоте шли моряки — наиболее революционная часть войск, тесно связанная по условиям службы с пролетариатом судостроительных заводов, баз и портов.

Переход армии на сторону народа совершается под руководством и при непосредственном участии революционной марксистской партии. Вопрос о превращении армии в активную революционную силу — составная часть ленинской теории социалистической революции. «...Если революция не станет массовой и не захватит самого войска,— указывал В. И. Ленин,— тогда не может быть и речи о серьезной борьбе»¹.

Жизнь подтвердила правоту ленинских идей, правильность стратегии и тактики большевизма. Революция 1905—1907 гг. явилась «генеральной репетицией» Октября 1917 г.² В постановлении ЦК КПСС

«О 80-летию революции 1905—1907 годов в России» отмечается, что «полученный в ходе первой российской революции опыт сражений с эксплуататорами за свободу и демократию существенно обогатил теорию и практику классовой борьбы, помог народу свергнуть в феврале 1917 г. ненавистный царизм, а в октябре — уничтожить господство буржуазии. Этот опыт и поныне сохраняет непреходящее значение для народов, выступающих за социальное и национальное освобождение, социализм и мир»³.

Во время первой революции в России огромное значение имела деятельность пролетарской партии по привлечению войск на сторону народа. Важной вехой в развитии революции 1905—1907 гг., одним из наиболее значительных революционных событий явилось вооруженное восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Оно положило начало новому этапу революционного движения — переходу отдельных частей царской армии на сторону народа. В. И. Ленин придавал восстанию на «Потемкине» важнейшее значение и использовал его опыт в разработке проблемы создания революционной армии. Восстание потемкинцев ускорило развитие революции, оно стало ядром комплекса выступлений, названного позднее потемкинским или июньским восстанием.

Начало марксистскому изучению восстания на броненосце «Потемкин» положили работы В. И. Ленина. Он рассмотрел это восстание и события в Одессе в ряде своих произведений, в которых впервые подчеркнул огромную роль борьбы потемкинцев в развитии революционного движения и указал на необходимость изучать и использовать их опыт для проведения революции. В. И. Ленин определил значение восстания на «Потемкине» для развития российской революции как первой «попытки образования ядра революционной армии». На его примере вождь революции опроверг утверждения бундовцев о невозможности в условиях лета и осени 1905 г. поднять народные массы на восстание. В. И. Ленин видел в попытке потемкинцев установить единство действий с революционными рабочими и солдатами Одессы одну из их главных заслуг в развитии революции⁴.

Международное значение потемкинского восстания В. И. Ленин показал в статье «Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана». «...Пе-

реход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами...— писал он.— *Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом.* Фактически, русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России»⁵.

Дореволюционная русская буржуазная историография восстания представлена работами Е. Маевского и И. А. Горелика. Статья Е. Маевского «1905 год. Очерк революционного движения» была опубликована в 1910 г., а после Февральской революции вышла отдельным изданием⁶. С меньшевистских позиций рассматривая восстание на «Потемкине», ее автор свел все действия потемкинцев к стихийным бунтарским порывам матросской массы, даже не упомянув о судовой комиссии как руководящем органе восстания.

Брошюра И. А. Горелика «Потемкинские дни» вышла в Одессе в 1917 г. Ее автор, корреспондент либеральной газеты «Русское слово», во время событий находился в Одессе. Однако восстание описано им поверхностно и с фактическими ошибками.

Советские историки в изучении восстания на «Потемкине» исходят из ленинской революционной теории и концепции первой российской революции. Первый период советской историографии события (1920—1930-е гг.) характеризуется выявлением фактического материала и восстановлением общей картины восстания. К 20-летию революции 1905 г. вышло много популярных книг и статей, в которых освещались основные моменты восстания на «Потемкине»⁷. Однако в деле изучения и популяризации восстания большую роль сыграли, пожалуй, не эти первые работы, а вышедший в 1925 г. фильм С. М. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»». Художественная достоверность фильма в показе восстания в целом, его сути и исторического значения создавала у зрителей впечатление хроникальной точности воспроизведения отдельных событий, на что фильм, разумеется, не претендовал. Его эмоциональное воздействие оказалось столь велико, что даже участники восстания в своих мемуарах стали отражать события так, как они показаны в фильме (например, писать о брезенте, которым якобы накрыли группу матросов в начале восстания). В качестве фотодоку-

ментов о восстании нередко стали использоваться кадры из фильма⁸.

В литературе 1920—1930-х гг. при обилии популярных версий истории восстания почти не было попыток научного исследования его событий. Исключением явилась книга П. П. Грипина, попытавшегося показать ход восстания на «Потемкине» в свете ленинской теории революции⁹.

Более глубокое изучение событий восстания началось со второй половины 1940-х гг., когда появилась возможность шире привлечь архивные источники. В этот период были опубликованы монографии А. В. Федорова и С. Ф. Найды¹⁰. Авторы обобщили результаты предыдущих работ, подробнее осветили ход восстания, показали его связь с другими революционными событиями на флоте и общим развитием революционного движения. В 1940—1950-х гг. вышли в свет обобщающие и обзорные работы, в которых затрагивались отдельные вопросы истории восстания¹¹.

По мере изучения революции 1905—1907 гг. и накопления материала выявилась необходимость внесения корректив и в освещение восстания на «Потемкине». Прежняя разработка его фактической стороны и основных проблем уже не соответствовала достигнутому уровню изучения революции. С 1960-х гг. началась публикация статей, посвященных выяснению подлинных событий восстания и отдельных его аспектов с привлечением новых материалов. Ход восстания, используя новые источники, описал в своей монографии, посвященной истории броненосца «Потемкин», Р. М. Мельников¹². Для последних лет характерно то, что авторы популярных работ тоже стали привлекать новый фактический материал. Так, М. А. Столяренко и С. А. Томилов, популярно излагая историю восстания, сумели внести в ее освещение немаловажные дополнения и уточнения¹³.

Историография 50—60-х гг. социалистических стран представлена популярной работой румынских историков Т. Жоржеску и Г. Марку «Потемкинцы в Румынии»¹⁴. Ее авторы в основном ограничились изложением событий, связанных с пребыванием потемкинцев в эмиграции.

О позиции современной зарубежной буржуазной историографии восстания можно судить по двум популярным работам — книге американского историка

Р. Хоу «Потемкинский мятеж» и статье французского автора А. Дероша «Восстание на «Потемкинё»»¹⁵. Книга Р. Хоу получила широкое распространение на Западе, она переведена на многие европейские языки. Ее автор стремился всячески принизить значение тех героических событий, свести на нет роль революционной партии в подготовке и проведении восстания. Поэтому он изобразил восстание на «Потемкине» как выступление темных масс, случайный бунт, не связанный с общим ходом революции. По мнению А. Дероша, восстание на «Потемкине» было одним из главных событий революции, которое ослабило позиции царизма. Автор восхищался героями-матросами, а поведение офицеров назвал «более чем подлостью»¹⁶. Он подчеркнул закономерность восстания, представил его как неизбежный результат революционизирования армии вследствие антинародной политики самодержавия.

Даже такой весьма краткий обзор историографии восстания на «Потемкине» показывает, что советская историческая наука занимает в ней центральное место. Во все периоды ее развития обогащение знаний шло за счет привлечения новых, в основном документальных архивных источников. Советскими исследователями проделана большая работа по изучению восстания на «Потемкине» в свете ленинской теории революции. Ими выявлен основной ход событий, исследованы многие аспекты вопроса о роли РСДРП в подготовке и ходе восстания, немало сделано в изучении проблемы образования ядра революционной армии из потемкинцев и революционных рабочих Одессы, обоснован ряд важных положений о значении восстания потемкинцев в развитии революции.

Однако ряд сюжетов в историографии события совсем не затрагивался. Например, не были исследованы социальный состав участников восстания, формы и характер действий революционной власти на «Потемкине», не рассмотрено участие в восстании моряков сопровождавшей броненосец миноноски № 267. Остаются и спорные вопросы. Например, не определен окончательный вариант общефлотского плана восстания, не установлено, что явилось непосредственным поводом и сигналом к восстанию на «Потемкине», не выяснены наличие в команде броненосца меньшевиков и эсеров, план одесской Соединенной комиссии по захвату города, повод и причины обстрела потемкинцами

Одессы. Нуждается в расширении и хронология восстания: в литературе она дается неоправданно сжато, что не позволяет осветить в достаточной мере основные моменты восстания и героизм потемкинцев. Таким образом, в настоящее время назрела потребность в более детальной разработке истории восстания на «Потемкине» в соответствии с современным уровнем исследования истории первой российской революции.

Изучение восстания потемкинцев затрудняется многообразием имеющихся источников. Эти источники представлены прежде всего документами, составленными в ходе восстания самими потемкинцами. Наиболее известны девять из них — листовки и обращения, в которых отражены политическая программа и тактика восставших.

Важными источниками являются письма и документы одесских большевиков, освещающие положение в Одессе и на «Потемкине» во время восстания. Сообщения большевистской газеты «Пролетарий» о событиях в Одессе, Севастополе и Феодосии в те героические дни дают возможность выявить роль РСДРП в руководстве восстанием, охарактеризовать обстановку в его районе и его значение для развития революции. Листовки большевистских организаций показывают, как широко пропагандировала партия восстание на «Потемкине» для сплочения революционных сил и борьбы за армию. Листовки Севастопольского комитета РСДРП содержат, кроме того, некоторые сведения о деятельности последнего во время восстания.

Мемуары и письма участников и очевидцев событий позволяют представить их ход, выяснить их существенные стороны.

В настоящее время имеется много публикаций подобных источников (более 170 вместе с вариантами). В предлагаемой работе большинство материалов используется впервые, значительное количество их выявлено автором в фондах Центрального ордена Ленина и Октябрьской революций музея Революции СССР (ЦМР), Центрального ордена Красной Звезды музея Вооруженных Сил СССР (ЦМВС) и Центрального военно-морского музея (ЦВММ). Это дает возможность более обстоятельно рассмотреть многие вопросы истории восстания. В книге впервые использованы воспоминания потемкинцев М. Н. Антоненко, В. П. Барковско-го, И. П. Бочкарева, П. С. Гоптарева, Я. Л. Горбуно-

ва, И. М. Коваленко, И. П. Мокиенко, П. И. Недбайлова, П. П. Онежко, А. И. Сербина, Н. П. Скубеды, И. С. Спинова, А. П. Сырова, А. Е. Химичева, вариант воспоминаний М. В. Шинкаренко, мемуары члена Одесского большевистского комитета И. П. Лазарева, который находился на «Потемкине» и участвовал в руководстве восстанием, рукописи воспоминаний А. Н. Матюшенко и М. Л. Волгина, которые полнее их публикаций.

Одним из основных источников книги явились судебно-следственные документы по делу о восстании потемкинцев: протоколы допросов участников и очевидцев, обвинительные акты и постановления. Специфика и тенденциозность такого рода источников подробно исследована специалистами. Советскими историками в основном изучены документы первого предварительного следствия, которое начал вести департамент полиции в июне 1905 г. Они находятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, вышших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР). Наиболее важные из них опубликованы. Документы второго предварительного следствия, которое вели военно-морские власти, историками мало использованы. Они находятся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ) в фонде военно-морского суда Севастопольского порта (ф. 1025) и состоят из 140 дел об июньском восстании. Судебно-следственные документы, большинство сведений которых подтверждаются другими источниками, позволяют осветить подготовку, ход и основные события восстания.

Интересную информацию несут в себе документы царских властей о положении в Севастополе, Одессе и Феодосии в дни восстания. Многие из них опубликованы. Автору удалось также выявить в ЦГАВМФ неизвестные ранее материалы командования флота по борьбе с революционным движением, позволившие уточнить некоторые моменты развития революционной работы на Черноморском флоте, а также общее положение в нем и в Севастополе накануне и во время восстания. Эти документы обнаружены в фондах: № 2 (адмирала А. А. Бирилева); № 407 (Главного военно-морского судного управления); № 408 (Управления санитарной частью флота); № 417 (Главного морского штаба); № 609 (штаба командующего флотом Черного

моря); № 870 (вахтенные и шканечные журналы); № 920 (Севастопольского порта, судной части); № 1025 (Военно-морского суда Севастопольского порта). При этом фонды № 2, 408 и 870 впервые привлечены для освещения событий на «Потемкине».

В ЦГАОР в фондах Особого отдела департамента полиции (ф. 102, ДП 00, 1904—1905 гг.) и 7-го делопроизводства этого департамента (ф. 102, ДП 7, 1904—1905 гг.) были выявлены документы высших полицейских и местных одесских властей. Они позволили полнее осветить события в Одессе и уезде во время восстания.

В Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) в фондах Главного штаба (№ 400) и Главного военно-судного управления (№ 801) автором были найдены документы о составе Одесского гарнизона в период восстания на «Потемкине», что помогло глубже проанализировать расстановку сил.

Сообщения газет и листовки меньшевиков, эсеров и Бунда исследователями восстания еще не были использованы, за исключением публикаций «Искры» (с № 52 она стала меньшевистской). Эти материалы дают возможность полнее представить положение в Одессе и тактику мелкобуржуазных партий в связи с событиями на «Потемкине».

Отношение к восстанию на «Потемкине» различных политических кругов отражено также в русской либеральной, правой и крайне правой периодической печати, в черносотенных листовках из коллекции нелегальных изданий ЦГАОР (ф. 1741). Эти публикации свидетельствуют о страхе буржуазии перед восстанием и показывают его влияние на консолидацию сил контрреволюции.

В книге использованы также опубликованные документы румынских властей о прибытии «Потемкина» в Констанце. Они дают хронику событий в тот период и отражают общее положение на восставшем судне.

Комплексное использование известных и впервые выявленных источников позволяет глубже осветить ряд основных вопросов истории восстания на броненосце «Потемкин» в связи с проблемой участия армии и флота в революции 1905—1907 гг. Автор видит свою задачу в том, чтобы на основе всей совокупности источников рассмотреть восстание на броненосце «Потем-

кин» как одно из важнейших проявлений развития революции и при этом выявить роль большевиков в подготовке и ходе восстания, установить социальный и партийный состав команды, показать глубинные процессы борьбы потемкинцев, взаимовлияние восстания на «Потемкине» и революционного движения в Одессе и Феодосии, воздействие его на остальную часть флота и влияние на общий ход революции. В какой мере поставленная задача решена — судить читателю.

Революция в России и начало восстания на «Потемкине»

---

1. Начало революции и подготовка восстания на Черноморском флоте

Важнейшей проблемой, которая представляет интерес как для исследования революции 1905—1907 гг. в целом, так и для изучения восстания на броненосце «Потемкин», является подготовка вооруженного восстания. Для ее освещения прежде всего необходимо рассмотреть пути формирования революционного сознания у различных категорий участников революции, роль партии в создании и деятельности революционных организаций, взаимосвязь процесса революционизирования масс с развитием революции по всей стране.

РСДРП с первого дня своего существования поставила революционную работу в войсках в ряд неотложных практических задач. В конце 1901 — начале 1902 г. В. И. Ленин писал: «...как только позволят наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию». При этом он подчеркивал необходимость направить на партийную работу в войсках лучшие кадры профессиональных революционеров¹. Значительные размеры социал-демократическая пропаганда и агитация в царской армии и на флоте приняла с появлением ленинской «Искры». В ней был специальный раздел «К вопросу о пропаганде в войсках», где публиковались сообщения и корреспонденции о работе в армии.

На страницах «Искры» постоянно помещались материалы о жизни царской армии, о развитии революционных настроений в войсках, перепечатывались наиболее удачные прокламации местных комитетов, обращенные к солдатам, матросам и офицерам. Редакция газеты во главе с В. И. Лениным осуществляла общее руководство социал-демократической работой в армии, указывала конкретные пути и методы пропаганды среди различных категорий военнослужащих. Деятельность «Искры» заложила основы политической работы партии в вооруженных силах.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, местные комитеты РСДРП, придерживавшиеся курса «Искры», повели активную борьбу за армию. С 1901 г. они начали создавать в войсках социал-демократические организации и кружки, выделяя для работы в армии особые группы революционеров. В 1903 г. по призыву «Искры» местные комитеты партии еще шире развернули работу в вооруженных силах. Под их влиянием участились случаи отказа солдат и матросов действовать против народа. Высшее военное командование было весьма озабочено распространением социал-демократической пропаганды и ростом революционных настроений в войсках, но все принимаемые им репрессивные меры не давали желаемых результатов.

В партийной борьбе за армию большое влияние имел II съезд РСДРП, закрепивший создание в России революционной партии рабочего класса. Еще при подготовке этого съезда В. И. Ленин разработал общую форму отчетов местных комитетов, где наряду с другими вопросами партийной работы особо выделялась деятельность в армии. Владимир Ильич подчеркивал, что для ознакомления с накопленным в этой области опытом «желательны особенно подробные данные ввиду новизны вопроса и необходимости обобщить и связать многие разрозненные шаги». В. И. Ленин считал необходимым поставить вопрос о партийной работе в армии на специальное обсуждение съезда и написал проект резолюции, в которой подчеркивалось значение партийной работы в вооруженных силах и содержалось изложение ее организационных основ. По мысли В. И. Ленина, эта работа должна была строиться на принципах централизма и в соответствии с общей тактикой партии. «Съезд обращает внимание всех партийных организаций,—

говорилось в проекте резолюции,— на важность социал-демократической пропаганды и агитации среди войска и рекомендует направить все усилия к скорейшему закреплению и оформлению всех имеющихся связей среди офицеров и нижних чинов. Съезд признает желательным образование особых групп служащих в войске социал-демократов с тем, чтобы группы эти занимали определенное положение в местных комитетах (как ветви комитетской организации) или в центральной организации (как учреждения, созданные непосредственно Центральным Комитетом и непосредственно ему подчиненные)»².

Съезд утвердил ленинское положение об организационных основах существования военных организаций партии и подчинении их Центральному Комитету. В резолюции «О демонстрациях» перед местными комитетами были поставлены непосредственные практические задачи по привлечению армии на сторону народа. На съезде отмечалось, что «следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстраций и призывать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения их со стороны демонстрантов»³.

Важное значение имело постановление съезда об отношении к эсерам, которые, повторяя старые ошибки народников, считали армию внеклассовой организацией. Необходимость систематической и последовательной пропаганды среди солдат и матросов они отрицали, ориентируясь лишь на офицерский состав. Массовый переход вооруженных сил на сторону народа эсеры считали невозможным и фактически сводили работу в армии к организации отдельных военных бунтов. Лишь в ходе революции 1905—1907 гг. они стали создавать в армии свои организации, но и тогда видели в них главным образом орудие военного заговора. Съезд осудил авантюристическую политику эсеров, пытавшихся устраивать вооруженные восстания в армии без учета общей обстановки в стране и связи с рабочим движением, охарактеризовал их партию как либерально-демократическую, буржуазную и решительно выступил против попыток объединения социал-демократических и эсеровских организаций. Признавались возможными лишь частичные соглашения с эсерами в отдельные моменты революционной борьбы, причем под строгим контролем ЦК РСДРП. Социал-

демократы должны были проводить самостоятельную линию в военной работе на местах и не давать эсерам увлечь массы на преждевременное выступление.

Борьба на съезде с противниками создания единой партии не позволила большевикам всесторонне обсудить вопросы работы в армии. Но указания В. И. Ленина стали для них руководством в дальнейшей борьбе за привлечение вооруженных сил на сторону революции. Главные задачи партийной работы в войсках в этот период заключались в создании военных ячеек РСДРП, в нейтрализации армии, в политическом воспитании солдат и матросов и пробуждении в них сочувствия борьбе рабочих и крестьян. Только после этого можно было переходить к массовому привлечению армии на сторону революции. В принятую съездом Программу вошло требование о роспуске царской армии и замене ее всеобщим вооружением народа. Это отвечало общим установкам партии на слом старой государственной машины.

После съезда комитеты РСДРП еще шире развернули революционную деятельность среди солдат и матросов. Основной формой работы в армии являлась в то время печатная пропаганда. Она велась под общепартийными лозунгами с учетом специфики военной службы. Выпуск агитационной литературы для армии и флота резко возрос. Появились специальные листовки, обращенные к воинским частям, направляемым на умирение крестьян и рабочих, прокламации к новобранцам и увольняемым в запас.

Сильное революционизирующее воздействие на солдат и матросов оказало поражение российской армии и флота в войне с Японией. Широкие слои рядового состава воочию убедились в бездарности самодержавного командования и начали понимать необходимость радикальных перемен общественного строя. Кроме того, резко ухудшилось экономическое положение солдат и матросов. Непопулярность войны повлекла за собой и бунты призываемых в армию воинов запаса. Особый размах их выступления приобрели с осени 1904 г. Крупные волнения кадровых частей происходили в тыловых гарнизонах, при этом экономические требования их участников соединялись с политическими.

Партия старалась придать волнениям солдатских и матросских масс организованность и политическую

направленность, их участников учила сплоченности, помогала им осознать свои классовые интересы и необходимость коллективного отпора самодержавному строю. Рост антивоенных настроений социал-демократы использовали для усиления революционной деятельности в вооруженных силах. Было выпущено огромное количество антивоенных листовок, в которых РСДРП разъясняла истинные цели и характер войны, призывая солдат повернуть оружие против главного врага России — самодержавия. Военные организации РСДРП, находясь непосредственно среди солдат и матросов, оперативно откликались на все происходящие события, использовали для агитации все случаи произвола офицеров. Социал-демократы старались разъяснять солдатам и матросам единство их классовых интересов и необходимость совместных действий со всем трудовым народом. С этой целью местные комитеты и военные ячейки партии устраивали общие митинги рабочих и военнослужащих, подготавливая революционный союз армии и народа.

9 января 1905 г. в России началась первая буржуазно-демократическая революция эпохи империализма. В этой обстановке партии нужно было выработать четкую тактическую линию, покончить с оппортунизмом меньшевиков и укрепить свои ряды на принципах большевизма. Эти задачи решил III съезд РСДРП, на котором был выработан план борьбы за свержение самодержавия и создания условий для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Обсудив положение в стране и тактические задачи партии, съезд отметил, что революционное «движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания»⁴, и принял резолюцию о его немедленной практической подготовке.

Вопрос о вовлечении армии в революцию занял важное место в работе партийного съезда. Еще в период его подготовки В. И. Ленин в «Письме организациям в России» от 28 февраля 1905 г. указывал, что для съезда «сугубо важны доклады о работе среди войска», а в «Общем плане работ и решений III съезда» особо выделил «важное значение работы среди солдат»⁵. В докладе о вооруженном восстании на съезде отмечалось, что обеспечить переход войск на сторону народа можно лишь при наличии в армии прочных конспиративных организаций, и подчеркивалась их

важность для военно-технической подготовки восстания. Рекомендовалось в связи с недостатком партийных кадров сконцентрировать работу в частях, наиболее восприимчивых к пропаганде и агитации, чтобы подготовить их к участию в восстании при одновременной нейтрализации других частей. Основу пропаганды и агитации составляло требование замены постоянной армии всеобщим вооружением народа. Предполагалось для повышения эффективности пропаганды создать комиссию по выработке программы политических и экономических требований солдат и матросов. В отношении военных организаций других партий рекомендовалось вводить в их состав агентов РСДРП для противодействия их возможному саботажу и контрреволюционным актам при подготовке и проведении восстания. В его ходе намечалось немедленно устранить или изолировать реакционных офицеров, а в отношении политически несознательных солдат и матросов применить меры самого широкого убеждения⁶.

Одновременно с III съездом РСДРП меньшевики созвали свою конференцию в Женеве. Ее участники отрицали ленинскую идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Гегемоном они считали либеральную буржуазию, а крестьянство изображали не союзником пролетариата, а реакционной силой. Признавая на словах необходимость восстания, они утверждали, что массы не созрели, и откладывали его на неопределенный срок. Задачи военной работы они также сводили лишь к пропаганде и агитации, ставя целью не переход армии к народу, а ее нейтрализацию. Фактически меньшевики предавали революцию и вносили дезорганизацию в ряды ее борцов. Только партия большевиков неуклонно выступала организатором и руководителем масс, была авангардом пролетариата и крестьянства.

Развитие революции заставило РСДРП практически решать проблему перехода армии на сторону народа. Под влиянием революционных событий зимой — весной 1905 г. и в результате партийной работы в войсках армия начала колебаться. «Чем глубже возмущение в народе, тем ненадежнее становится войско...» — отмечал В. И. Ленин⁷. Солдаты отказывались стрелять в восставших, сами устраивали сходки и бунты.

В мае 1905 г. по всей империи прокатилась мощ-

ная волна первомайских демонстраций. В Иваново-Вознесенске возник первый в истории освободительной борьбы Совет рабочих депутатов. В июне восстали рабочие Лодзи. А в войсках с января до середины июня 1905 г. произошло 34 крупных выступления. Впервые движение в армии и народная революция начинали смыкаться, обеспечивая успехи выступлениям военных. Размах борьбы пролетариата в тот период создал условия для направления стихийного недовольства солдат и матросов в русло революции. Но революционное движение во всей стране и в армии еще не достигло своего апогея. Основная масса солдат еще выполняла приказы самодержца. Борьба сил революции и контрреволюции за армию обострилась. Летом 1905 г. армия открыто вступила в революционную борьбу. Первый шаг сделали моряки-черноморцы.

Волны революции докатились до Черного моря к весне 1905 г. Начались непрерывные забастовки в Одессе и Екатеринославе, волновались крестьяне Гурии и солдаты Батумского гарнизона, бастовали рабочие Евпатории, Феодосии, Керчи, Николаева, Севастополя, Бердянска, Таганрога. В разных местах Крымского полуострова происходили стачки сельскохозяйственных рабочих, крестьяне громили помещичьи имения, захватывали и запахивали помещичью землю. Для будущего восстания складывалась благоприятная обстановка. Однако этот процесс был еще далек от завершения. Революционное движение в районе Черноморского побережья, как и по всей стране, к июню 1905 г. еще не достигло пика.

Возникновению на флоте революционных настроений во многом способствовало жестокое обращение офицеров с матросами. Как вспоминал участник восстания на «Потемкине» П. К. Пазюк, «за малейшие провинности командир Голиков наказывал матросов темным карцером и стоянием под винтовкой с мешком песка весом в полтора пуда на шее». «Если не угодишь чем-нибудь,— свидетельствовал другой участник восстания, А. С. Зиновьев,— так в полном снаряжении командуют «бегом марш» и заставляют бегать по 6—7 часов подряд, пока... матрос не упадет без сил»⁸. Особенной жестокостью отличался старший офицер И. И. Гиляровский, что неоднократно признавал в беседах с адмиралом Ф. Ф. Вишневец-

ким даже командир корабля Е. Н. Голиков.

В документах командования Черноморского флота отмечены многочисленные случаи зверских избиений матросов офицерами и боцманами. В воспоминаниях А. Жительского описывается случай, когда мичман Рюмин с броненосца «Георгий Победоносец» в припадке ярости тяжело ранил кортиком одного из матросов, героя крейсера «Варяг», имевшего Георгиевский крест за бой при Чемульпо. Мичман не понес никакого наказания, его просто перевели на другой корабль из опасения мести матросов. А. Жительский писал, что этот случай сделал его революционером. Ни о жизни, ни о здоровье матросов не заботился никто. Казармы не имели прачечных, и даже зимой матросы стирали белье на открытом воздухе у пристани, стоя в ледяной воде⁹.

Физическим издевательствам сопутствовали оскорбления и унижения человеческого достоинства. Например, у входа в севастиопольский городской парк висели таблички с надписями: «Собак не водить. Нижним чинам вход воспрещен»¹⁰. Матросам запрещалось ходить по Большой Морской и Екатерининской улицам, по Историческому и Приморскому бульварам. Нельзя им было также посещать места героической обороны Севастополя во время Крымской войны. Возмущенные матросы социал-демократы выпустили по этому поводу специальную листовку, в которой, обращаясь к властям, писали: «Но как вам не стыдно делать подобные распоряжения?.. За что же тогда наши деды и прадеды положили головы и орошали своею горячею кровью все здешние курганы, а нам теперь воспрещаете посещать эти места?.. Зачем же вы просили в 1903 году деньги у нижних чинов на сооружение памятников, а теперь не пускаете их в те места, где поставлены эти памятники?

Долой всех вас, бюрократов царской службы! Долой и вашего царя с русского престола! Да здравствует между нами мир, свобода и демократическая республика!»¹¹

Главный командир Черноморского флота вице-адмирал Г. П. Чухнин запретил матросам покупать и иметь книги. Письма матросов в редакцию газеты «Пролетарий» свидетельствуют о совершенно невыносимых условиях жизни в казармах рядового состава. Они показывают, что казарма была настоящей

тюрьмой с решетками на окнах, грязными нарами, отсутствием элементарных удобств и, в довершение всего, с самой скверной пищей, приготовленной из несвежих продуктов¹².

Плохое питание являлось постоянным предметом недовольства матросов. По воспоминаниям одного из них, Е. Г. Лакия, командир броненосца «Потемкин» Е. Н. Голиков выстроил себе на казенные деньги три дома в Севастополе, в то время как его команда питалась гнилым мясом¹³.

Отчеты и замечания инспекторских комиссий по Черноморскому флоту неоднократно обращали внимание командования на невыносимые условия быта и службы матросов, отмечая «полное пренебрежение к нижнему чину»¹⁴.

Матросы ненавидели своих угнетателей. Доведенные до отчаяния, они нападали на особо ненавистных офицеров и боцманов. В 1903 г. такой случай произошел на броненосце «Потемкин»: матрос-плотник Констальский, не выдержав издевательств боцмана Ивашука, тяжело ранил его топором¹⁵.

Временами возмущение матросов существовавшими на флоте порядками выливалось в стихийные выступления. В июле 1903 г. вспыхнул голодный бунт на учебном крейсере «Березань». Его участники потребовали улучшить питание, угрожая в противном случае открыть кингстоны и потопить крейсер. Офицеры с большим трудом успокоили команду. Еще более крупное волнение произошло 3—5 ноября 1904 г. в Лазаревских казармах Севастополя. Матросы разгромили казармы и разогнали офицеров, а наиболее революционно настроенные из них пытались превратить это стихийное возмущение в вооруженное восстание матросов и рабочих. Однако командованию удалось изолировать казармы от городских кварталов и подавить бунт. Подобные выступления спланивали матросов, но, как отмечал В. И. Ленин, «это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой»¹⁶.

Качественное изменение в развитии революционного движения на флоте произошло в результате пополнения личного состава представителями пролетариата и активизации деятельности РСДРП. Специфика военно-морской службы требовала квалифицированных специалистов для управления сложными механизмами

кораблей. Поэтому значительную часть матросов набирали из рабочих и жителей прибрежных районов, в какой-то мере знакомых с техникой и морским делом. Матросы из пролетариев и полупролетариев до призыва на флот нередко участвовали в стачках, многие находились под влиянием РСДРП. Они острее реагировали на притеснения и издевательства, что признавали и сами офицеры, и командование флота. По воспоминаниям участника восстания на «Пруте» И. И. Атамасова, старший офицер этого учебного судна Н. И. Руднев «иначе и не обращался к машинной команде, как: «Эй вы, социал-демократы!»»¹⁷ «Характерно,— отмечал В. И. Ленин,— что вождей движения давали те элементы военного флота и армии, которые рекрутировались главным образом из среды промышленных рабочих и для которых требовалась наибольшая техническая подготовка...»¹⁸ Матросы из крестьян, политически менее развитые, со временем также втягивались в жизнь флота, проникаясь революционными настроениями его передовой части. Таким образом социал-демократическая пропаганда находила в матросской среде благоприятную почву.

Первые группы РСДРП на Черноморском флоте возникли в 1901—1902 гг. Социал-демократическая пропаганда с первых дней начала развиваться столь стремительно, что уже 19 апреля 1902 г. старший флагман Черноморской флотской дивизии вице-адмирал Я. А. Гильдебрандт издал приказ № 227, в котором запрещал матросам читать и распространять нелегальную литературу, требовал передавать «агитаторов и смутьянов» начальству¹⁹. Командование пыталось бороться с революционной пропагандой путем обысков и арестов, но революционное движение на флоте росло и крепло.

В своей деятельности революционно настроенные матросы придерживались курса ленинской «Искры». Но наряду с РСДРП с 1902 г. на флоте вели работу и эсеры. Так, в июле 1903 г. в Севастополе они образовали группу, объединившую около 100 матросов. В декабре 1904 г. полиция разгромила ее, и организованная работа эсеров прекратилась. В среде матросов сохранились лишь мелкие эсеровские группы (например, на «Пруте»), однако связь их с руководством этой партии была формальной, и на деле они

шли за РСДРП, подчиняясь решениям большевистского Центрального флотского комитета²⁰. Таким образом, РСДРП имела в Севастополе фактически безраздельное влияние. По воспоминаниям матроса-большевика И. Т. Яхновского, к апрелю 1903 г. во всех экипажах появились социал-демократические группы²¹.

3 декабря 1903 г. в Севастополе открылось особое совещание представителей власти для выработки мер борьбы с революционным движением на Черноморском флоте. На нем предлагалось усилить слежку за солдатами и матросами, затруднить их общение с рабочими, подобрать «надежных людей» для младшего командного состава, а также организовать развлечение для солдат и матросов, чтобы отвлечь их от революционной борьбы²².

В начале 1904 г. при Севастопольском комитете РСДРП был создан руководящий орган матросских социал-демократических групп — Центральный флотский комитет («Централка»). В его состав вошли матросы-большевики Г. Н. Вакуленчук, О. И. Волошин, А. И. Гладков, И. А. Кривоконь, А. М. Петров, И. Т. Яхновский и др. «Централка» имела связи с Сормовским, Николаевским и Харьковским комитетами РСДРП²³. Своей задачей она считала широкую агитацию и создание нелегальных групп для подготовки восстания. «Централка» была хорошо законспирирована, и командованию не удавалось напасть на ее след. Ее деятельность приобрела вскоре такой размах, что командующий флотом адмирал Г. П. Чухнин в рапорте морскому министру вынужден был признать: «...против тайной организации мы совершенно бессильны»²⁴.

2 декабря 1904 г. помощник начальника Таврического губернского жандармского управления ротмистр Н. А. Васильев в служебном донесении отметил: «За флотской группой идет наблюдение, пока не давшее результатов: партия эта крайне конспиративна, а наблюдение за ней с трудом возможно...»²⁵

Безрезультатность всех мероприятий севастопольских жандармов в борьбе с революционным движением возмущала адмирала Чухнина. 23 марта 1905 г. он писал старшему флагману вице-адмиралу А. Х. Кригеру, что число участников матросских сходок растет и матросы к чему-то готовятся. «Надо же, наконец,

установить,— требовал Чухнин,— хотя бы некоторые данные для раскрытия этих преступных нижних чинов»²⁶.

Особенно много листовок и прокламаций стало появляться на кораблях и в казармах с конца 1904 г. К июню 1905 г. в каждом из девяти черноморских экипажей имелось 200—300 членов социал-демократических кружков, вокруг которых группировались революционно настроенные матросы²⁷.

События первой российской революции, а также непрерывные поражения России в войне с Японией, и особенно гибель русского флота, способствовали росту революционных настроений среди моряков-черноморцев. Об этом свидетельствуют все участники восстания²⁸. В. И. Ленин отмечал: «...соединения пролетарской массовой стачки в городах с крестьянским движением в деревне было достаточно, чтобы поколебать самую «прочную» и последнюю опору царизма. Я имею в виду *армию*». Как бы подтверждая эти слова, начался процесс активного размежевания и выделения революционного ядра среди моряков. «Чем дальше протянется это состояние гражданской войны,— писал В. И. Ленин,— тем неизбежнее будет выделение из контрреволюционной армии массы нейтральных и ядра борцов за революцию»²⁹.

«Централка» умело направляла недовольство матросов царским правительством и местным начальством в нужное русло, вела активную пропаганду и агитацию. По воскресным и праздничным дням под видом «гуляний» в окрестностях Севастополя устраивались сходки и митинги, на которых присутствовало до 200 матросов. На этих собраниях принимались резолюции с требованием прекратить войну с Японией, свергнуть самодержавие и установить в России социалистический строй. С 10 ноября 1904 по 25 марта 1905 г. состоялось 11 таких митингов и собраний. Число участников последнего из них достигло 300 человек³⁰.

Революционные листовки появлялись на кораблях и в казармах почти ежедневно. Участились доклады командиров кораблей и штаба флота адмиралу Г. П. Чухнину о политической неблагонадежности команд. В резолюции по этому поводу на рзпорте штаба флота от 19 января 1905 г. адмирал написал: «Вообще, я давно слышу о боязни начальствующих

лиц своих же собственных команд, которую они и при мне не скрывают, почему прежде всего предлагаю, чтобы они проводили должное время среди своих подчиненных нижних чинов, следили бы за ними и воцворяли бы воинскую дисциплину, чтобы не бояться нижних чинов...»³¹

Постепенно матросы стали применять и чисто пролетарскую форму борьбы — забастовку. Для Черноморского флота начала 1905 г. она была явлением нетипичным: к ней прибегали, требуя ограничения времени судовых работ и в некоторых других случаях³².

Во главе революционного движения на флоте по-прежнему были матросы технических специальностей. Революционные настроения среди них усилились до такой степени, что 8 апреля 1905 г. штаб Черноморского флота издал особое предписание командирам экипажей и кораблей по усилению политического надзора за машинными командами. Согласно приказу адмирала Г. П. Чухнина от 17 января 1905 г., во всех частях флота на политически неблагонадежных были заведены специальные «секретные книги», где отмечались малейшие подозрения в революционной деятельности. Чухнин лично объехал все корабли и выступил перед матросами с контрреволюционными речами, а 15 февраля издал особый приказ, в котором признал бурный рост революционных настроений на флоте и попытался вступить в полемику с социал-демократами, чтобы доказать матросам неизбежность самодержавия³³.

В апреле и мае 1905 г. примеру адмирала последовали командиры учебного судна «Прут» и броненосца «Екатерина II» А. П. Барановский и А. К. Дриженко. Называя себя «друзьями матросов», они выступили перед членами своих команд, стараясь убедить их в возможности улучшения их жизни без революционной борьбы. Социал-демократы «Прута» и «Екатерины II» откликнулись на речи командиров двумя листовками «Ответ матросов», в которых на конкретных примерах вскрывали истинный смысл слов командиров, показывали, кто друг и кто враг матросов, звали к борьбе за свободу под знаменами РСДРП. Моряки «Прута» предупреждали А. П. Барановского: «Помни, час расплаты близок!»³⁴ Прокламация матросов «Екатерины II» заканчивалась словами: «А ре-

волюция близка! Ох, как близка! Гораздо ближе, чем вы думаете. Товарищи всех судов, организуйтесь! Долой войну! Долой офицеров! Долой царя! Да здравствует мир! Да здравствуют социал-демократы!»³⁵ Обе прокламации получили на флоте широкое распространение. Броненосец «Екатерина II» моряки стали называть «Красная Катя».

В апреле 1905 г. III съезд РСДРП принял резолюцию о вооруженном восстании. Выполняя решения съезда, «Централка» ускорила подготовку всеобщего восстания матросов Черноморского флота, намечая его на время маневров осенью 1905 г. Члены «Централки» полагали, что к этому времени революционное движение в России достигнет наивысшего подъема, а кроме того, они знали, что в связи с учениями корабли будут обеспечены боеприпасами. Поскольку далеко не все корабли были затронуты социал-демократической пропагандой, революционные матросы рассчитывали до конца маневров успеть провести на них соответствующую работу. Осенью же уходили в запас старослужащие матросы, слабо охваченные революционной пропагандой, а те, кого призвали вместе с первыми моряками социал-демократами Черноморского флота, оставались на службе. Революционные матросы считали, что их сверстники более восприимчивы к социал-демократической пропаганде и агитации и поддержат восставших товарищей. Надеялись они и на поддержку солдат Севастопольской крепостной артиллерии. А береговым артиллеристам должны были помочь десантники команд учебного судна «Прут» и учебного крейсера «Днестр». Начинать восстание должен был эскадренный броненосец «Екатерина II», имевший самую крепкую организацию РСДРП³⁶.

В случае неблагоприятной ситуации для восстания на море оно должно было начаться во время парада у Владимирского собора. Самым надежным матросам поручалось уничтожить собравшееся в одну группу начальство и поднять на мачте штаба флота сигнал к общему выступлению матросов и солдат гарнизона. Об этом было написано в письме матросов-предателей, посланном ими адмиралу Г. П. Чухнину из Румынии уже после сдачи «Потемкина». Другие источники не сообщают о таких деталях первого плана восстания. В том же письме было указано, что

сведения получены «от одного матроса, состоявшего членом социал-демократического кружка и принимавшего деятельное участие в беспорядках на броненосце «Потемкин»»³⁷. Учитывая это, а также реальность выполнения изложенного плана, можно почти не сомневаться, что он действительно существовал и мог бы обеспечить успех восстания.

После победы на кораблях и в Севастополе намечался захват всего Причерноморья. Но вскоре произошло событие, которое нарушило все планы революционеров. 7 июня началось волнение солдат севастопольских батарей. Командование приказало броненосцам быть готовыми открыть огонь по фортам. Матросы с негодованием встретили этот приказ, а команды «Екатерины II» и «Трех Святителей» прямо заявили, что стрелять не будут. Порядок в фортах вскоре был восстановлен, но возмущение матросов росло, грозя перейти в восстание. Командование списало «неблагонадежных» моряков на берег и решило увести эскадру в море, чтобы изолировать ее от революционных событий. Только с «Потемкина» было списано около 300 человек³⁸.

Узнав о решении командования, «Централка» 10 июня созвала сходку представителей кораблей и частей с целью выяснения настроений матросов и солдат и предотвращения возможности стихийных выступлений. Моряки «Потемкина» послали на сходку 15 делегатов (в их числе — С. Бессалаева, И. А. Лычева, А. Н. Матюшенко, А. Ф. Царева и др.)³⁹. Присутствовавшие на сходке меньшевики пытались убедить матросов, что обстановка для восстания еще не созрела. В ответном выступлении член «Централки» А. М. Петров опроверг эти доводы. Он указал на небывалый рост революционных настроений в Черноморском флоте, рассказал собравшимся о революционной борьбе рабочих и крестьян Кавказа и напомнил резолюцию III съезда РСДРП о восстании. А. М. Петров доказывал, что восставший флот станет базой революции, что восстание черноморцев послужит примером для народных масс и поможет им подняться на борьбу. Его речь горячо одобрило большинство собравшихся. По ней участники сходки приняли следующую резолюцию:

1. Матросы должны первыми начать восстание.
2. Для предупреждения сопротивления со стороны

неразвитых матросов присутствующие на митинге должны в своих экипажах и на судах вести среди первых подготовительную к восстанию агитацию.

3. Восстание начать в Тендровском заливе, куда эскадра выйдет на практические занятия.

4. Сигнал к восстанию должен дать броненосец «Ростислав», он же должен быть и руководителем во время восстания.

5. Сигналом послужит выстрел из орудия, который должен быть дан в обеденное время, когда офицеры будут в кают-компании.

6. Все ключи заранее должны находиться у сознательных сигнальщиков и трюмных машинистов.

7. Все матросы должны вооружиться и распределиться по частям в карауле: а) одна часть на мостике, б) другая — на батарейной и жилой палубах и в) третья — возле спасательных клапанов и клапанов затопления и т. д., — вообще караул должен быть наготове на всех более или менее важных местах.

8. По выполнении вышеописанных обязанностей матросы каждого судна в количестве 100 человек должны двинуться в кают-компанию и во что бы то ни стало арестовать офицеров...

9. Арестовать вахтенного начальника.

10. Распределить среди матросов и старшего флагмана места, занимаемые командирами и офицерами»⁴⁰.

В приведенной резолюции содержался подробный план захвата кораблей во время маневров в Тендровской бухте. Он отличался от прежнего плана, по которому восстание должен был начать броненосец «Екатерина II». Вероятно, участники сходки решили, что социал-демократическая организация этого судна сильно ослаблена арестами и удалением политически неблагонадежных матросов (в частности, был списан на «Прут» А. М. Петров). Возможно также, что учитывался и психологический фактор — «Ростислав», который должен был начать восстание по новому плану, являлся флагманским кораблем и его пример мог оказать воздействие на несознательных матросов. Изменились и сроки восстания: теперь его намечали на 21 июня, т. е. на время маневров. Принятый план обеспечивал бы победу восставшим в случае сохранения его в строжайшей тайне и одновременности выполнения его пунктов всеми кораблями. В плане

удачно сочетались удаленность флота от главных сил контрреволюции, его боевая мощь и маневренность. Победа восстания моряков под руководством РСДРП и соединение его с рабочим и крестьянским движением привели бы к образованию на юге России революционной армии и временного революционного правительства, т. е. к осуществлению ленинской идеи революции.

Первым на маневры должен был выйти эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» — самый новый и самый сильный корабль Черноморского флота. Его постройка была начата 28 сентября 1898 г. в Николаеве, а 26 сентября 1900 г. броненосец спустили на воду и обеспечили командой. Матросы работали на строительстве корабля вместе с рабочими. Это в значительной мере послужило сближению и установлению тесных контактов между ними. Революционно настроенные рабочие вели среди матросов пропаганду, а офицеры и портовая администрация устраивали различные провокации, безуспешно пытались перессорить матросов и рабочих. В начале 1902 г. революционные матросы объединились в небольшую группу. Ее член — минно-машинный квартирмейстер Н. Раевченко установил связь с николаевскими социал-демократами, однако вскоре полиция арестовала людей, с которыми он был связан. Так первая попытка создания на «Потемкине» организации РСДРП потерпела неудачу ⁴¹.

После завершения в начале 1902 г. монтажа машин и котлов намечалось провести летние ходовые испытания и весной следующего года ввести броненосец в строй. Но в отливках орудийных башен обнаружили брак. Командование решило хотя бы временно увести «Потемкин» в Севастополь, чтобы изолировать команду от николаевского пролетариата. В мае 1902 г. броненосец перешел в Севастополь. В начале 1903 г. его командиром назначили капитана первого ранга Е. Н. Голикова ⁴².

На строительство «Потемкина» в Севастополь прибыли сотни рабочих Николаевского и Обуховского заводов. Как сообщает И. И. Атамасов, служивший в то время на «Потемкине», офицеры пренебрегали правилами устава и на корабле почти не появлялись. Пользуясь этим, революционно настроенные рабочие вели беседы с матросами на политические темы, снаб-

жали их нелегальной литературой. Активную революционную работу вели, в частности, рабочие слесарно-сборочного цеха севастопольского Морского завода Михайлюченко и А. Г. Цейгер. В ноябре 1903 г. полиция впервые обнаружила прокламации на «Потемкине». М. А. Столяренко полагает, что в том же году на броненосце возникли нелегальные группы РСДРП. «Часто мы собирались в кубрике по 3—4 человека,— вспоминал бывший матрос второй статьи М. Д. Данилов,— подальше от офицеров и их прихвостней, чтобы вместе прочитать переданную нам с берега листовку или газету. С жадностью ловили мы каждое слово большевистского агитатора»⁴³.

В 1903 г. броненосец начал выходить в море на ходовые испытания. Во время одного из походов на корабле начался пожар, который привел к выходу из строя нефтяные котлы. Для их замены броненосец вернулся в Николаев, где находился до июля 1904 г. В декабре на нем установили орудийные башни⁴⁴.

В октябре 1904 г. революционные группы «Потемкина» во главе с социал-демократами начали по своей инициативе и с одобрения «Централки» практическую подготовку к восстанию. Например, в батарейной палубе, где находились закованные в пирамидах винтовки, матросы укрепили на скобах пожарный инструмент, чтобы в нужный момент разбить цепи и овладеть винтовками, и начали отрабатывать действия по захвату оружия⁴⁵.

В конце 1904 г. на броненосец прибыла большая группа матросов, обучавшихся в Кронштадте. Многие из них состояли в РСДРП. Подпольные организации еще более окрепли*. Социал-демократов возглавил комендор Г. Н. Вакуленчук, член «Централки». Его товарищи комендор В. П. Барковский и машинный квартирмейстер Е. К. Резниченко поддерживали связь с Севастопольским комитетом РСДРП. Ленинградский историк В. А. Ермолов установил, что в революционной работе участвовал и один из офицеров — мичман А. Н. Кусков, но накануне восстания

* По мнению М. А. Столяренко, к весне 1905 г. в социал-демократические группы «Потемкина» входило около 30 человек (Столяренко М. А. Непобежденная территория революции. М., 1975. С. 36). В действительности, вероятно, их было больше, так как названная цифра относится к более позднему времени, когда группы были значительно ослаблены списанием политически неблагонадежных матросов.

его списали с корабля. Революционные группы были разбиты на пятерки, каждый член которых вел занятия с кружком из шести — восьми человек. Участник восстания машинист А. Ф. Царев вспоминал: «Палочная дисциплина, повседневные обыски и доносы заставляли быть всегда настороже, проявлять выдумку и хитрость. Но, несмотря ни на что, матросы регулярно получали нелегальную литературу, посещали кружки и собрания»⁴⁶.

20 января 1905 г. на самом «Потемкине», а 3 и 20 февраля в казармах его команды офицеры обнаружили нелегальные прокламации. 21 мая при их распространении был замечен матрос второй статьи с «Потемкина» Н. С. Фурсаев⁴⁷.

При входе на корабль матросов обыскивали. Поэтому революционеры посылали в назначенный для обыска отряд двух представителей, которые знали, у кого должна быть нелегальная литература, и помогали пронести ее на броненосец⁴⁸.

По воспоминаниям потемкинца И. Т. Чубука, усилению революционной работы способствовали известия о расстреле мирной демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге. Севастополь, как и другие города России, встретил эти известия забастовками протеста. Под влиянием социал-демократов моряки-кочегары решили открыть кингстоны и затопить броненосец, если командование использует его против рабочих⁴⁹.

В подготовке восстания на «Потемкине» участвовали бывшие матросы крейсера «Варяг». После знаменитого боя при Чемульпо варяжцы 20 марта 1905 г. прибыли в Севастополь. Здесь их разместили в казармах 36-го флотского экипажа вместе с потемкинцами. При расформировании команды «Варяга» 13 человек назначили на броненосец «Потемкин»*, среди них — кочегары И. С. Логинов, И. И. Малышев, П. Е. Поликов, А. С. Скверняков, машинист С. М. Михайлов, матросы Ф. Л. Алказ, Ф. И. Андрюхин, А. Д. Войцеховский, Г. И. Кункель, Д. К. Мусатов, Е. Д. Пека, И. И. Стрекалов, плотник Л. Чинилов⁵⁰. Участие в

* Шесть варяжцев зачислили в команду также принимавшего участие в восстании броненосца «Георгий Победоносец»: матросов В. Ф. Бакалова, С. Беспалова, А. Исламова, П. И. Сенцова, комендора С. С. Проценко, кочегарного квартирмейстера первой статьи С. Иванова (Мельников Р. М. Крейсер «Варяг». 2-е изд. Л., 1983. С. 261).

восстании на «Потемкине» героев «Варяга» символизировало тесную связь боевых и революционных традиций российского флота.

Командование знало о подготовке восстания на кораблях, и в частности на «Потемкине». С конца апреля 1905 г. оно начало перемешивать экипажи, надеясь разрушить этим сложившиеся матросские организации. На вспомогательные суда и в казармы стали списывать политически неблагонадежных матросов, заменяя их новобранцами. В ответ социал-демократы шире развернули работу среди молодых матросов. Пропаганду и агитацию среди новобранцев «Потемкина» активно вели А. Н. Матюшенко, В. З. Никишкин, Т. В. Скребнев и др. По воспоминаниям матроса А. А. Мазурова, основу агитационно-пропагандистской работы составляли лозунги: свержение самодержавия, установление на флоте восьмичасового рабочего дня, сокращение сроков службы. Революционная деятельность приняла такие размеры, вспоминал участник событий матрос Г. И. Мартынов, что о подготовке восстания на «Потемкине» узнала почти вся команда. А в воспоминаниях машиниста А. Ф. Царева указывалось, что к началу восстания в революционных группах броненосца было около 100 человек⁵¹.

В мае на инспекторском смотре команда «Потемкина» доказала инспекторам, что офицеры на корабле ежедневно воруют 50 матросских пайков. Впервые подобная претензия была высказана еще в 1904 г. Но и теперь заявление матросов ни к чему не привело. Члены команды высказали также возмущение негодным мясом и червивыми сухарями, но безрезультатно. 18 мая потемкинцы вновь выразили недовольство качеством хлеба и крупы, на этот раз командир корабля назначил комиссию для расследования. Она признала справедливость высказанных требований, и качество хлеба было улучшено. Причина уступок командира заключалась, вероятно, в том, что к этому времени Е. Н. Голиков получил первое анонимное письмо о подготовке восстания и решилшний раз не озлоблять матросов⁵².

15 мая «Потемкин» поднял вымпел о вступлении в кампанию. Броненосец провел первые стрельбы из новых орудий. Теперь до начала общих маневров ему предстояла артиллерийская практика для подготовки к действиям вместе с эскадрой⁵³. Встреча с

эскадрой назначалась на 21 июня у Тендровской косы. Узнав об этом, потемкинцы в ночь с 10 на 11 июня послали в «Централку» запрос с просьбой предоставить их кораблю как наиболее сильному * честь первому начать восстание. «Централка» согласилась, но рекомендовала подождать до прибытия эскадры. Кроме того, она посоветовала заранее составить списки тех офицеров и унтер-офицеров, которые могли оказать сопротивление и поэтому подлежали аресту или расстрелу в первые минуты восстания. Начать его рекомендовалось в 1 час ночи после смены вахты. Захватив корабль, революционные матросы должны были бесшумно сняться с якоря, выйти на линию горизонта, где разъяснить остальным членам команды смысл происшедших событий и ждать восстания эскадры, стараясь внешними действиями не вызвать подозрений у офицеров на других кораблях ⁵⁴.

11 июня 50 матросов «Потемкина» под разными предложениями обратились к командованию с просьбой списать их с броненосца. Вероятно, они знали о подготовке восстания и были против него, но не хотели или боялись выдавать товарищей **. Кто-то из матросов предупредил командира Е. Н. Голикова анонимным

* «Потемкин» имел следующий состав экипажа: 20 офицеров флота, четыре инженера-механика, два врача, священник, 12 кондукторов, 763 матроса. Для испытаний механизмов и орудий на нем находились гарантийный механик Николаевского завода А. Н. Харкевич, 23 мастеровых и три офицера от высших технических органов морского ведомства.

Вооружение «Потемкина» составляли орудия калибром: четыре — 305 мм, 16—152 мм, 14—75 мм, шесть — 47 мм и два — 37 мм. Кроме того, броненосец имел две десантные пушки В. С. Барановского калибром 64 мм, четыре пулемета, четыре торпедных аппарата и два минных катера. Машины корабля могли развивать ход в 16 узлов.

Башни орудий главного калибра прикрывала броня в 254 мм. Толщина брони бортового пояса доходила до 229 мм. Броневых палуб было две: нижняя, толщиной 66 мм со скосами 76 мм, и верхняя — 38 мм. Боевую рубку опоясывала броня в 229 мм.

При длине 115,4 м и ширине 22,2 м стандартное водоизмещение корабля равнялось 12 480 т.

В трюмах и погребах имелось 30 тыс. пудов угля, более 10 тыс. снарядов, торпеды, пороха, пироксилин.

В судовой кассе было 21 391 руб. 50 ¹/₂ коп. казенных денег и 683 руб. 87 коп., принадлежавших гарантийному механику А. Н. Харкевичу (Пономарев И. И. Герои «Потемкина». М., 1956. С. 247, прил.).

** Исследователи событий проходят мимо этого факта, а между тем его можно считать свидетельством усиления революционной агитации накануне восстания.

письмом, в котором сообщалось о намеченном восстании и назывались имена руководителей. Голиков по неизвестной причине не сообщил об этом командованию. Однако он обратился в штаб флота с просьбой временно заменить его на «Потемкине» другим командиром. Штаб, не видя достаточно веских оснований, отказал⁵⁵. Тогда Голиков нашел другой выход.

Днем 12 июня, как сообщает потемкинец И. П. Мокиенко, на корабле состоялась сходка 80 революционно настроенных моряков для окончательного решения вопросов, связанных с началом восстания. В разгар сходки 40 ее участников были вызваны на верхнюю палубу и списаны на берег без объяснения причин. Среди них находился и один из будущих руководителей ноябрьского восстания 1905 г. в Севастополе, машинный квартирмейстер И. Сиротенко⁵⁶.

В 14 часов броненосец вышел в море. В последний момент с него под предлогом болезни съехали на берег мичманы Гнилосыров и Тихменев. Они знали о ненависти к ним революционно настроенных матросов, вызванной их провокационными действиями и контрреволюционной агитацией, поэтому сбежали с корабля, когда он уже дал ход⁵⁷.

2. Начало восстания на «Потемкине»

Революционизирование матросской массы в 1905 г. под руководством РСДРП шло чрезвычайно быстрыми темпами. Обстановка на флоте к июню 1905 г. была так накалена, что могла бы вызвать стихийный взрыв, однако, по мнению большевистской «Централки», еще не достигла уровня, достаточного для успеха восстания: не все корабли охватила пропаганда и агитация, еще много было политически несознательных. «Централка» надеялась вовлечь их в движение своей агитацией, а также самим фактом восстания главных сил флота — броненосцев. Усиление рабочего и крестьянского движения по всей стране, и в частности на Юге, способствовало революционизированию черноморцев. Однако в целом борьба рабочих и крестьян еще не приблизилась к вооруженному восстанию. Выступление флота, очевидно, ускорило бы этот процесс. Слияние борьбы рабочих, крестьян и матросов под руководством РСДРП обеспечивало восстанию победу. План «Централки» являлся вполне реальным.

Революционные группы «Потемкина», созданные и руководимые социал-демократами, также вели активную подготовку к выступлению. Они располагали конкретным планом, увязанным с планами «Централки». Но группы были сильно ослаблены, и у них оставалось очень мало времени до начала восстания для эффективной пропаганды среди новобранцев.

При изучении революции важное значение имеет исследование социального и партийного состава участников. Историками потемкинского восстания такое исследование специально еще не проводилось.

В команде «Потемкина» было 763 матроса и 12 кондукторов. Из них пять матросов погибли на Тендре, 12 больных и раненых в дальнейших событиях не участвовали. Точный социальный состав остальных 746 человек установить, к сожалению, не удалось ввиду неполноты сведений по 36-му флотскому экипажу, куда входили 721 человек команды «Потемкина»⁵⁸, и отсутствия всех сведений о номерах экипажей, к которым были приписаны остальные члены команды*. Общее количество матросов из рабочих в Черноморском флоте составляло 27,97%⁵⁹. Следует, однако, предположить, что на «Потемкине» бывших рабочих было значительно меньше, ибо данная категория матросов более прочих была затронута революционным движением, и вряд ли командование, зная о подготовке восстания, заменило ими списанных с «Потемкина» политически неблагонадежных. Вероятнее всего, подавляющее большинство команды составляли крестьяне.

Однако вопрос о социальном положении мог бы и не играть в данном случае столь большой роли, так как значительная часть молодых крестьян, понав на флот, относительно быстро проникалась идеями его передового революционного отряда. Но для этого требовались время и разветвленная сеть агитаторов. А у команды «Потемкина» не было ни того, ни другого. Выше уже отмечалось, что в начале июня с «Потемкина» списали 300 политически неблагонадежных матросов, а в день выхода на Тендру — еще 40 человек, членов революционных групп, заменив их не-

* Сведения о роде занятий до службы удалось обнаружить лишь для 144 человек. Из них крестьян было 112 (77,6%), рабочих — 19 (12,1%), мещан — 11, один из купеческих детей и один из почетных граждан.

сознательными новобранцами. Утверждение М. Я. Попова, что экипаж «Потемкина» был «наиболее подготовлен в политическом отношении»⁶⁰, источники решительно опровергают. Например, по воспоминаниям находившегося на «Потемкине» члена Одесского большевистского комитета РСДРП И. П. Лазарева, ««Потемкин» среди кораблей Черном[орского] флота — по силе с.-д. организ[ации], по охвату рев[олюцион-ной] пропагандой, считался чуть ли не на последнем месте, так как на нем было много молодых матросов, еще не вовлеченных в рев[олюционное] движ[ение]». О том же свидетельствовал участник восстания П. В. Алексеев⁶¹. «Матросы «Потемкина», — указывал В. И. Ленин, — были менее подготовлены, чем матросы иных судов...»⁶²

В проблеме вооруженного восстания видное место занимает вопрос о деятельности революционной партии в условиях преждевременного начала готовившегося ею выступления. При его изучении важно выяснить, чем вызвана досрочность восстания, имелась ли возможность сохранить нормальный ход его подготовки, удалось ли партии сразу возглавить движение и придать ему организованность. Для более глубокого освещения и анализа вопроса необходимо с возможной точностью выявить ход событий.

13 июня в 7 часов утра броненосец «Потемкин» и миноноска № 267 * стали на якорь в четырех верстах от Тендровской косы. В 9 часов с броненосца на Тендру отправились на шестерке прапорщик Н. С. Ястребцов и сопровождавший его матрос. Оттуда они телеграфом известили Севастополь о приходе «Потемкина». Вернувшись на броненосец, они доложили о результатах поездки. Особое сообщение о продовольствии и ценах ими было сделано ревизору мичману А. Н. Макарову⁶³. Однако последний, решив, вероятно, что купит провизию в Одессе дешевле, чем на Тендре, в 13 часов отбыл в Одессу на миноноске № 267.

* Для связи с берегом «Потемкин» сопровождала миноноска № 267 — бывший «Измаил», маленький корабль, построенный в Николаеве в 1887 г. Водоизмещение миноноски составляло 76,5 т, длина — 38,9 м, ширина — 3,5 м, скорость хода — 17,5 узла. Корабль имел два орудия калибром 37 мм и два торпедных аппарата, но ни снарядов, ни торпед на нем не было. Экипаж насчитывал 20 человек. Сведений о количестве революционно настроенных матросов в команде миноноски, к сожалению, нет.

Миноноска пришла в Одессу в 17 часов. Город находился в напряженном состоянии. Бастующие рабочие вели открытую борьбу с казаками и полицией. Найти достаточное количество провизии в таких условиях оказалось нелегко. Матросы обошли весь город, но безрезультатно. Тогда они предложили мичману вернуться на Тендру и взять мясо из флотских холодильников. Однако ревизор приказал купить не свежее мясо в магазине Копылова. Его вполне устраивала цена, а плохому качеству он не придавал значения. Отобрав нужное количество, Макаров оставил расписку, пообещав зайти и уплатить 15 июня, когда «Потемкину» снова потребуется провизия. Мичман так спешил уйти из бастующей Одессы, что по дороге к «Потемкину» миноноска налетела в темноте на рыбацью лодку и потопила ее. Находившихся в лодке двух рыбаков пришлось взять на борт⁶⁴.

14 июня в 4 часа утра миноноска подошла к «Потемкину». Матросские кубрики броненосца облетела весть о событиях в Одессе. Влияние их на потемкинцев показало, что уровень революционного движения в войсках зависит от размаха борьбы пролетариата. «Настроение команды как-то сразу изменилось, у нас появилось желание поддержать рабочих», — вспоминал матрос Е. А. Батеев. Другой участник восстания, комендор Е. Г. Лакий, сообщил, что «было тайное собрание в минно-машинном отделении и было решено, что наступил момент дружно выступить против начальства». На совещании разгорелась борьба между большевистской группой Г. Н. Вакуленчука и группой сторонников немедленного восстания во главе с А. Н. Матюшенко и Е. Р. Бредихиным. Победили сторонники Вакуленчука: участники сходки постановили дожидаться прихода эскадры. Но для начала решили организовать коллективный протест против плохого мяса, чтобы выяснить, пойдет ли за ними команда в случае восстания, и призвать матросов отказаться от обеда⁶⁵. Но как показали дальнейшие события, специально убеждать команду почти не пришлось: протест возник стихийно и охватил практически всех матросов.

15 июня в 5 часов утра команду подняли на молитву. Затем после завтрака началась утренняя приборка, во время которой матросы увидели, что на привезенном мясе, подвешенном с левой стороны

спардека, ползают черви. Они стали высказывать свое возмущение вахтенному начальнику прапорщику Н. Я. Ливинцеву. Коки на камбузе поддержали команду и отказались готовить борщ⁶⁶. Н. Я. Ливинцев доложил об этом командиру.

Е. Н. Голиков в сопровождении старшего судового врача титулярного советника С. Г. Смирнова поднялся на спардек. Врач осмотрел мясо и признал его годным. Тогда Е. Н. Голиков приказал матросам разойтись и распорядился поставить на спардеке дневального для записи всех недовольных. Затем он приказал промыть мясо в соленой воде, рассчитывая такой «дезинфекцией» успокоить матросов. Но когда кусок вынули из рассола, все с отвращением увидели, что мясо буквально кишит червями. Матросы разошлись, полные злобы. За обедом никто не притронулся к борщу. По просьбе команды кок И. Данилюк приготовил чай с хлебом⁶⁷. Матросы стали покупать продукты в судовой лавке.

Прапорщик Н. Я. Ливинцев и старший офицер И. И. Гиляровский пытались заставить команду есть борщ, но встретили решительный отказ. И. И. Гиляровский доложил командиру об угрожающем настроении матросов. Е. Н. Голиков приказал выстроить команду на юте в четыре шеренги. Когда матросы построились, командир вызвал коков и артельщиков и спросил, почему команда не хочет обедать. Коки и артельщики объяснили, что мясо с червями⁶⁸.

«Их нужно проучить, Евгений Николаевич, чтобы они весь свой век помнили», — заявил командиру старший офицер И. И. Гиляровский. По приказу Е. Н. Голикова принесли бак с борщом. Старший врач С. Г. Смирнов на виду у матросов съел несколько ложек борща, предварительно процедив его. Сняв пробу, он заявил, что борщ «чудесный». Командир спросил кока и артельщиков: «Вы пробу давали мне из этого мяса?» Те, боясь наказания, ответили: «Так точно»⁶⁹.

Тогда командир сказал, что прикажет запечатать бак с борщом и отправить к военному прокурору в Севастополь, но матросы, которые откажутся повиноваться, будут повешены. Затем он приказал не желающим бунтовать выйти из рядов к оружейной башне, однако, кроме кондукторов, никто не двинулся с места. Е. Н. Голиков вызвал караул. Он хотел расправиться

с непокорными матросами поодиночке.

Наступил решающий момент. Социал-демократы, не желая раньше времени обострять конфликт и дать повод к выделению «зачинщиков» для расправы, первыми перешли к башне. За ними последовали и остальные матросы⁷⁰.

Через минуту у правого борта оставалось не более 30 человек. Но тут выступил старший офицер И. И. Гиляровский. Вместе с прапорщиком Н. Я. Ливинцевым он остановил перебежавших матросов и приказал записать их фамилии, а остальным велел разойтись. Едва боцманмат В. И. Михайленко начал переписывать матросов, как из толпы у башни послышался крик: «Кто переписывает, тот будет висеть на рее сегодня с Голиковым!» И. И. Гиляровский приказал принести брезент*, и матросы поняли, что готовится расстрел.

* За последнее время получила распространение версия, согласно которой Гиляровский приказал не только принести брезент, но и накрыть им группу матросов. Эта ошибочная версия, попавшая даже в Историческую энциклопедию (см. статью «Потемкин» в кн.: Советская историческая энциклопедия. Т. XI. М., 1968. Стб. 476), появилась, как уже говорилось, после выхода фильма С. М. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»», где эпизод с брезентом введен в качестве режиссерского приема. Сам С. М. Эйзенштейн, вспоминая о работе над фильмом, писал: «...никто никогда никого на «Потемкине» брезентом не накрывал! Сцена с матросами, покрытыми брезентом, была... чистой выдумкой режиссуры!»

«Я отчетливо помню,— рассказывал С. М. Эйзенштейн,— как в отчаянии хватался за голову мой консультант и эксперт по флотским делам, бывший морской офицер... когда мне взбрело на ум покрыть матросов брезентом при угрозе расстрелом!

«Нас засмеют!..— вопил он.— Так никогда не делали!»

И потом подробно объяснил, что при расстреле на палубу действительно выносили брезент. Но совсем с другой целью: он расстилался под ногами обреченных с тем, чтобы кровь их не запятнала палубы...

Помню, как я огрызнулся:

«Если засмеют — так нам и надо: значит, не сумели сделать...»

Сцена осталась в фильме.

Вошла в плоть и кровь истории событий». (Эйзенштейн С. «Двенадцать Апостолов» // Броненосец «Потемкин». М., 1969. С. 93).

Помимо эпизода с брезентом в фильме допущены и другие отступления от реальной истории восстания. Рассмотрение их не входит в мою задачу. Они очевидны каждому, кто пожелает сравнить изображение событий в фильме и в действительности. В данном случае мне важно было лишь правильно установить, что явилось поводом и сигналом к восстанию.

Большие сомнения вызывает также рассказ Г. Н. Полторацкого о присутствии Г. Н. Вакуленчука в группе матросов, которых хотели расстрелять (Полторацкий Г. Н. 1905 г. Вооруженное восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» // Революционное

Из группы обреченных раздались голоса: «Ваше высокоблагородие, не стреляйте, мы не бунтовщики!»⁷¹

Все напряженно ждали, что будет дальше...

Зловещую тишину разорвал призыв А. Н. Матюшенко: «Братцы, что они делают с нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей их, хамов!»⁷²

Революционные моряки с криками «ура!» бросились на батарейную палубу и расхватали винтовки. Но патронов не было. Несколько обойм, спрятанных заранее за иконой Николая Угодника, разобрали моментально. Тогда машинный ученик П. И. Глаголев взломал замок оружейного погреба, а подручный хозяина трюмных отсеков Я. Медведев вынес оттуда патроны. В ответ на растерянный вопрос лейтенанта В. К. Тона: «Чего же вы хотите?» — десятки гневных голосов грянули: «Свободы!»⁷³

На ходу заряжая винтовки, вооруженные матросы разъяренным потоком разлились по верхней палубе. В числе первых были машинисты А. С. Зиновьев и Ф. Я. Кашугин, минные машинисты Т. Г. Мартынов, Н. Хохряков и И. П. Шестидесятый, кочегары В. А. Зиновьев и В. Е. Пригорницкий, плотник И. П. Кобцы, ложник К. Н. Савотченко, матросы С. Я. Гузь, А. Н. Заулошнов, А. П. Сыров, Н. С. Фурсаев, комендоры И. П. Задорожный и Ф. И. Пятаков⁷⁴.

Пытаясь остановить их, старший офицер И. И. Гиляровский кинулся к левому проходу с батарейной палубы. А. Н. Матюшенко ударил его прикладом по ноге. Испуганный Гиляровский метнулся к Е. Н. Голикову: «Что же это делается, Евгений Николаевич?! Что же это делается?!»

А. Н. Матюшенко метнул в командира штык, но не попал. Е. Н. Голиков приказал строевому квартирмейстеру А. Я. Денчику взять часть караула и собрать всех матросов, на которых можно положиться. Денчик отобрал восемь караульных, но не успели они двинуться с места, как раздались выстрелы.

Первый выстрел — в воздух — сделал трюмный В. З. Никишкин, а третьим был убит лейтенант Л. К. Неупокоев⁷⁵.

движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. М., 1956. С. 56). В этом вопросе Полторацкого не поддерживают все другие участники восстания. Вероятнее всего, Г. Н. Вакуленчук как руководитель потемкинских социал-демократов одним из первых перешел к башне, подавая пример матросам.

Матросы кричали караулу: «Братцы, не стреляйте, ведь все мы братья!»

Караул разбежался, но старший офицер И. И. Гиляровский успел взять у одного из караульных винтовку и укрыться за башней ⁷⁶.

Услышав шум и крики, наверх выбежали обедавшие в кают-компании офицеры. Матросы Н. П. Рыжий и Е. Р. Бредихин перерезали провода в радиорубке, чтобы не дать им возможности сообщить о «бунте» в Севастополь. Восставшие заняли важнейшие посты на корабле в соответствии с заранее намеченным планом ⁷⁷.

В изложении дальнейших событий источники не содержат серьезных противоречий, за исключением вопроса о смерти Г. Н. Вакуленчука. Некоторые потемкинцы утверждают, что в ответ на возмущение команды приказом о расстреле И. И. Гиляровский выхватил револьвер и убил Г. Н. Вакуленчука, подозревая в нем вожака матросов, смерть которого и послужила сигналом к восстанию ⁷⁸. Другие свидетельствуют, что Вакуленчук погиб уже в ходе восстания ⁷⁹. Последняя версия представляется наиболее верной, так как подтверждается документами следствия ⁸⁰. Разделяет ее и ряд историков ⁸¹. Однако обстоятельства гибели Г. Н. Вакуленчука остаются все же не совсем ясными. Но поскольку большинство потемкинцев пишут о рукопашной схватке между Г. Н. Вакуленчуком и И. И. Гиляровским в разгар борьбы на палубе, то на основании мемуаров и документов следствия можно предположить следующее.

После раздачи оружия в батарейной палубе Г. Н. Вакуленчук вышел наверх и в погоне за лейтенантом Л. К. Неупокоевым забежал на башню. Здесь его ранил из винтовки И. И. Гиляровский, но Вакуленчук бросился на него и вырвал винтовку. В это время сзади в Вакуленчука выстрелили строевой квартирмейстер А. Я. Денчик и один из караульных, тяжело ранив его в голову и спину. Теряя сознание, Вакуленчук упал на палубу, залив ее кровью. В этот момент за башню забежал А. Н. Матюшенко. Он застрелил И. И. Гиляровского, но не оказал помощи Г. Н. Вакуленчуку, считая его убитым. Затем Матюшенко отошел от башни и взял на себя руководство восстанием.

Г. Н. Вакуленчук, придя в сознание, хотел добраться до лазарета, но силы оставили его. Он схватился за бортовой леер (ограждение) и упал в море, где его

подобрали матросы с шестерки, стоявшей у трапа ⁸².

В то время как революционные моряки бросились за оружием, часть команды, более 200 человек, преимущественно новобранцы, в растерянности металась по палубе. Их пытался хоть как-то организовать член одной из революционных групп Я. Л. Горбунов. Командир Е. Н. Голиков, еще на что-то надеясь, приказал офицерам Д. П. Алексееву, Н. Я. Ливинцеву, А. Н. Макарову и Н. С. Ястребцову переписать фамилии не желающих бунтовать новобранцев, которых пытался поднять Горбунов. На миноноску он распорядился передать приказ подойти к «Потемкину» ⁸³. Но, едва фельдфебель В. И. Михайленко начал передавать это распоряжение, послышался крик: «Кто семафорит, тот будет как гадина выброшен за борт!» Е. Н. Голиков рассчитывал бежать на миноноске вместе с офицерами. Но было поздно. Офицеры стали бросаться за борт. За ними последовала часть несознательных матросов ⁸⁴.

Пока наверху команда расправлялась с офицерами, кочегары и машинисты под руководством С. А. Денисенко и Е. К. Резниченко, выполняя план восстания, готовили корабль к походу. Машинные кондукторы не оказали восставшим никакого сопротивления. Специально выделенные матросы периодически информировали кочегаров и машинистов о ходе вооруженной борьбы на верхней палубе. Машинисты собирали разбросанные накануне машины.

А тем временем старший инженер-механик подполковник Н. Я. Цветков пробрался в кочегарку. Он приказал хозяину трюмных отсеков К. Давиденко затопить пороховые погреба, так как по всему кораблю прошел слух о готовящемся взрыве броненосца. С. А. Денисенко, появившийся в кочегарке вслед за Н. Я. Цветковым, сообщил кочегарам о ходе восстания, убедил их в ложности слуха о взрыве и велел разводить пары. Надежные матросы встали на караульные посты у всех клапанов затопления ⁸⁵.

В пылу борьбы потемкинцы не обращали внимания на миноноску, стоявшую в десяти метрах по левому борту броненосца. Случайно с «Потемкина» заметили, что миноноска, до которой удалось доплыть некоторым офицерам, пытается сняться с якоря. По ней открыли стрельбу из винтовок. Несмотря на огонь, командир миноноски приказал выбрать якорный канат. Но канат захлестнулся на вьюшке. Командир попробовал обор-

вать его, дав задний ход, но безрезультатно. Для того чтобы не дать миноноске уйти, потемкинцы сделали по ней три выстрела из 47-миллиметровой пушки. Один из снарядов пробил дымовую трубу. После этого с миноноски передали семафором: «Присоединяюсь к «Потемкину»».

По требованию потемкинцев командир миноноски лейтенант П. М. Клодт фон Юргенсбург развернул ее кормой к броненосцу, а затем на лодке отправился на «Потемкин». Восставшие предложили ему перейти на их сторону и исполнять обязанности старшего офицера. Но он отказался. Тогда с него сняли погоны и отвели под арест в кают-компанию «Потемкина»⁸⁶.

После этого с броненосца на миноноску перешли два машиниста, два кочегара, рулевой и еще около десяти вооруженных винтовками матросов. Караул арестовал офицеров и вернулся на броненосец. Но потемкинские машинисты, кочегары и рулевой в дальнейшем почти постоянно находились на борту миноноски, заменив соответствующих специалистов⁸⁷. Вероятно, потемкинцы не доверяли команде миноноски и поэтому держали на ней своих людей, которые не только стояли вахты и наблюдали за настроением команды, но также вели революционную агитацию.

О миноноске № 267 историки обычно умалчивают. Действительно, ее команда в ходе восстания ничем выдающимся себя не проявила и вернулась из Румынии в Севастополь. Источники сведений о ней весьма бедны. Однако материалы следствия отдают должное первому революционному порыву матросов миноноски. «...Нельзя не прийти к заключению,— писал военно-морской судья полковник П. А. Воеводский,— что с момента перехода броненосца 14 июня с Тендровского рейда в Одессу названная команда имела полную возможность отделиться от мятежной команды броненосца и передать миноносец в ведение одесских военных властей и что все последующие совместные ее действия и переходы с броненосцем из порта в порт происходили не иначе, как по доброй воле, при явном отсутствии непреодолимого принуждения со стороны команды броненосца»⁸⁸.

Решение матросов миноноски вернуться в Россию в надежде на прощение объясняется их политической незрелостью. Однако на допросах они не выдали своих товарищей, назвав лишь тех руководителей восстания,

которые были известны всем участникам и очевидцам⁸⁹. Надежды их на милосердие царского суда не оправдались. Все они проходили по делу как обвиняемые и были приговорены к отдаче в арестантские роты.

Итак, в 14 часов броненосец «Потемкин» и миноноска № 267 снялись с якоря и пошли в Одессу. Курс прокладывали рулевой большевик М. М. Костенко и сигнальщик Ф. А. Веденмеер.

Палуба броненосца была убрана, на камбузе готовился обед из запасов солонины, матросы стояли на постах по походному расписанию. «Все было как будто по-старому,— вспоминал участник восстания комендор Ф. И. Пятаков,— но матросы впервые почувствовали себя настоящими людьми. Настроение у всех было бодрое, приподнятое»⁹⁰. Его омрачило только одно: по дороге в Одессу в корабельном лазарете в 16 часов скончался руководитель потемкинских социал-демократов, большевик, член «Централки» Григорий Никитич Вакуленчук⁹¹.

Во время восстания на Тендре наиболее решительно действовали матросы и младшие унтер-офицеры технических специальностей. Недаром в списке «главарей» и «главных зачинщиков бунта» на «Потемкине» первыми значатся машинисты, кочегары и минные машинисты. Моряки-машинисты первыми бросились за оружием и призывали всех матросов примкнуть к восстанию⁹². Причины их столь активного участия в революционном движении уже были отмечены.

Из общего числа офицеров матросы убили только семерых: командира Е. Н. Голикова, старшего офицера И. И. Гиляровского, лейтенантов Н. Ф. Григорьева, Л. К. Неупокоева, В. К. Тона, прапорщика Н. Я. Ливинцева и судового врача С. Г. Смирнова. Из них Н. Ф. Григорьев и Н. Я. Ливинцев были убиты в воде при попытке добраться до миноноски. Командира Е. Н. Голикова матросы нашли раздетым в адмиральском помещении, где он собирался прыгнуть в море через илломинатор. Он валялся в ногах у А. Н. Матюшенко, умоляя о пощаде. Его вывели на палубу и расстреляли. Лейтенанта В. К. Тона восставшие матросы хотели выбрать своим командиром. Но Тон выхватил револьвер и направил его на А. Н. Матюшенко, который успел выстрелить первым. Врач С. Г. Смирнов был ранен во время восстания и спрятался в своей каюте. Квартирмейстер П. Я. Курилов, рулевой А. Г. Самой-

ленко и матрос второй статьи Н. С. Фурсаев вытащили Смирнова наверх. «Мясо хорошее?» — спросили его матросы. «Нет», — ответил врач. «Что же ты сказал, что хорошее?..» Смирнов не нашел ответа, и моряки, подняв его на штыки, выбросили в море⁹³.

Остальных офицеров арестовали вместе с кондукторами. При этом, за исключением мичмана Б. В. Вахтина, избитого обломками стульев, никто из них не пострадал. Пощадили матросы и мичмана А. Н. Макарова, покупавшего гнилое мясо. А за инженером-механиком поручиком А. М. Коваленко, который хорошо относился к команде, и гарантийным механиком А. Н. Харкевичем матросы даже послали шлюпку, чтобы снять их с учебных мишеней⁹⁴.

Не тронули потемкинцы и своих кондукторов — сверхсрочных унтер-офицеров, хороших специалистов, прослуживших на флоте по 15—20 лет. Подавляющее большинство их было верными помощниками и слугами офицеров, являясь связующим звеном между офицерами и нижними чинами. Им вменялось в обязанность следить за «порядком» на корабле и доносить на всех подозрительных и политически неблагонадежных матросов. За это они пользовались рядом привилегий, имели даже свою кают-компанию. Некоторые матросы требовали расправиться с кондукторами так же, как и с офицерами. Но часть команды выступила против и великодушно предложила простить их, поверив лживому обещанию во всем повиноваться восстановившим и честно нести службу. Дальнейшие события показали, как дорого заплатили матросы за свое великодушие.

Число погибших во время восстания матросов в источниках не указано. Но согласно документам следствия, все они, за исключением Г. Н. Вакуленчука, погибли от случайных пуль во время стрельбы по офицерам. В источниках названы четверо убитых — комендор Г. Шевелев, матросы второй статьи Е. Эгель, Е. Османский и С. Татаренко и трое раненых — Е. Ф. Грязцов, В. Сложеница и В. Е. Пригорницкий (Прогорницкий)⁹⁵.

Итак, восстание на «Потемкине» вспыхнуло в результате возмущения матросов произволом офицеров. Решающее воздействие на сознание потемкинцев оказали известия о революционных событиях в стране, и в частности, в Одессе. Восстание началось ранее намеченного срока. Источники отмечают, что сами революцион-

ные матросы сожалели об этом. Социал-демократы пытались не допустить преждевременного выступления, но, когда из-за угрозы расстрела группы матросов команда восстала, они сумели направить стихийное возмущение моряков на путь революционной борьбы, возглавить ее и провести захват корабля быстро и организованно, в соответствии с намеченным планом. Эти события выявили значение организующей и направляющей роли партии в революции и важность заблаговременной практической подготовки к революционной борьбе. Решение матросов, не ожидая эскадры, идти в Одессу можно признать правильным, так как близость Тендры давала возможность какому-либо предателю сообщить о восстании в Севастополь.

В ходе восстания в команде «Потемкина» объединились под лозунгами РСДРП классовые интересы пролетариата и крестьянства. «...Восстания солдат и матросов,— указывал В. И. Ленин,— были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихийен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил... бесспорен»⁹⁶.

Приход «Потемкина» в бастующую Одессу и охваченный аграрным движением уезд мог бы поднять этот союз на высшую ступень, обеспечив победу восстания.

3. Руководство восстанием. Общее положение на восставшем броненосце

Исследование материалов восстания на «Потемкине» показывает, что команда с первых его минут разделилась на три группы: участников восстания, его противников и колеблющихся. В источниках названо 129 активных участников, из них 29 были социал-демократами. Выявленное количество членов РСДРП можно считать полным, принимая во внимание слова одного из участников восстания: «Нас здесь 30 революционеров, 30 социал-демократов»⁹⁷.

Двенадцать членов РСДРП (кроме погибшего Г. Н. Вакуленчука), судя по воспоминаниям потемкинцев, были большевиками (П. В. Алексеев, С. А. Денисенко, И. А. Дымченко, М. М. Костенко, В. П. Кулик, И. А. Лы-

чев, А. В. Макаров, В. З. Никишкин, Е. К. Резниченко, А. Г. Самойленко, И. С. Спинов, Е. С. Шевченко)⁹⁸. Фракционная принадлежность остальных неизвестна.

Однако стойкими, убежденными большевиками являлись не все. Уровень теоретической подготовки всех моряков социал-демократов не мог в тех условиях быть достаточно высоким. Многие, стоя на большевистских позициях, плохо разбирались в сущности партийных разногласий, на что указывают обращения большевиков-потемкинцев после восстания в редакции меньшевистской «Искры» и «Социал-демократа», а не только большевистского «Пролетария». В середине 1905 г. массы еще не знали принципиальную сторону расхождений между большевиками и меньшевиками в полном объеме. Уровень решения теоретических проблем и споров отличался от уровня зрелости масс. Участник восстания Н. П. Рыжий вспоминал: «В различии между большевиками и меньшевиками не все из нас разбирались в то время»⁹⁹. Но, несмотря на недостаточную теоретическую подготовку, социал-демократы «Потемкина» выполняли решения III съезда РСДРП и «Централки», а следовательно, и сами находились на большевистских позициях.

К группе активистов восстания примыкала группа рядовых участников (около 150 человек), которым классовый инстинкт подсказал выбор революционного пути. Вместе с активными участниками они составили революционное ядро в 300 человек, охарактеризованное секретарем Одесского комитета РСДРП Л. М. Книпович как «вполне сознательное»¹⁰⁰. Большинство участников восстания являлось матросами технических специальностей, что характерно для революционного движения на флоте.

Распространенное в литературе мнение о наличии в команде членов партии эсеров не соответствует действительности. Матросы с эсеро-анархистскими взглядами на «Потемкине» были, к ним относился и руководитель восстания А. Н. Матюшенко. Однако связей с эсеровскими организациями матросы не поддерживали, о чем свидетельствуют отсутствие упоминаний об этом в эсеровской печати и отказ потемкинцев принять делегата Одесского комитета социалистов-революционеров.

Материалы о восстании свидетельствуют, что его политическая программа являлась программой больше-

вистской «Централки», программой III съезда РСДРП. Частично она отражена в обращениях и прокламациях потемкинцев. Эти документы были рассчитаны на самые широкие слои народа, вероятно, поэтому в них отразилась лишь программа-минимум РСДРП: свержение самодержавия и созыв учредительного собрания, а также борьба против войны, за мир. Поскольку обращения и воззвания, как и все решения судовой комиссии, должны были утверждаться общим собранием команды, можно считать их выражением воли всего экипажа, в том числе и малосознательных матросов. Это свидетельствует об успехах социал-демократов в политическом воспитании членов команды «Потемкина».

Исследование программы действий восставших показывает, что она соответствовала общему плану «Централки» по захвату Черноморского побережья и провозглашению республики. Этот план потемкинцы в дальнейшем дополнили предъявлением ультиматума царскому правительству¹⁰¹.

К группе колеблющихся относились в основном новобранцы, составлявшие более половины экипажа (около 400 человек)¹⁰². Уровень революционности этой части команды был невысоким. Один из колеблющихся, матрос Л. И. Летучев, вспоминал: «Восстание на броненосце «Потемкин» застало меня врасплох, и оно поразило меня как громом, и я не знал, что делать, к какой из сторон присоединиться... Я не был против восстания и не был «за», потому что не понимал и не разбирался в нем. Я честно отбывал свой долг по службе, слушался новой власти, честно нес вахту в машинном отделении, ходил регулярно на митинги и собрания, слушал ораторов, меня интересовали горячие речи и призывы, но разобраться во всем этом я не мог... Окружающие меня старые матросы были поглощены революционными событиями, а такие, как я, новобранцы, сами ничего не понимали и нуждались в помощи и разъяснении»¹⁰³.

В. И. Ленин указывал, что революция втягивает в историческое творчество гигантские массы, «...но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных», народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты...

а потому, что их классовое положение не есть пролетарское...»¹⁰⁴.

Как показали дальнейшие события, в ходе восстания шел процесс роста классового самосознания новобранцев. Активную революционную агитацию среди них наряду с социал-демократами вели сочувствующие РСДРП, в том числе комендор С. Бредковский, матрос И. И. Карпенко, фельдфебель П. Я. Курилов, маляр И. М. Сучкин, матрос В. Ф. Таран¹⁰⁵.

Группа противников восстания была относительно немногочисленна и состояла из 10 кондукторов и 60—70 матросов, в основном новобранцев. Оформленной организации эта группа создать не успела, но наиболее активные ее члены, сознательные враги восстания — кондукторы и часть матросов, — устраивали тайные сходки. Возглавлял контрреволюционеров прапорщик Д. П. Алексеев, назначенный потемкинцами командиром корабля. Группа вела активную агитацию, занималась провокациями и вредительством¹⁰⁶.

Итак, из 746 человек команды в восстании активно участвовали около 280—300, неустойчивую позицию занимали около 400 человек и около 70 человек являлись противниками восстания. Революционные матросы знали многих контрреволюционеров и могли бы применить к ним решительные меры, не ограничиваясь агитацией на митингах. Однако они не сделали этого. Правда, они постановили избавиться от главных врагов — кондукторов, но это решение, принятое уже в конце восстания, не было исполнено. Тем самым оказались не осуществлены рекомендации «Централки» по ликвидации контрреволюционных элементов.

Для руководства восстанием и управления броненосцем потемкинцы, по предложению А. Н. Матюшенко, выбрали из своей среды комиссию из наиболее авторитетных, технически грамотных и преданных общему делу товарищей. Кандидатуры для утверждения по списку, составленному социал-демократами, предлагал команде В. П. Кулик. Точный состав комиссии неизвестен. А. П. Березовский определял число ее членов в 22—25 человек, К. И. Фельдман — в 32, С. Ф. Найда и некоторые другие — в 15, а П. П. Гришин считал, что состав комиссии доходил до 36 человек¹⁰⁷. Столь значительное расхождение вызывается тем, что на заседаниях комиссии обычно присутствовали не только ее постоянные члены, но и многие другие политически ак-

тивные матросы, формально не входившие в состав комиссии.

Источники называют следующих матросов, участвовавших в работе комиссии: А. Н. Матюшенко (председатель), П. В. Алексеев, А. К. Борчан, Е. Р. Бредихин, Ф. А. Веденмеер, М. А. Волобуев, З. Гайворонский, А. Головков, С. Я. Гузь, С. А. Денисенко, А. Н. Заулошнов (Заулошенов, Заволошин), В. А. Зиновьев, М. Зиновьев, М. Л. Зубченко, И. Т. Иванчук, Ф. Я. Кашугин, И. П. Кобцы (Копцы), М. М. Костенко, В. П. Кулик, Куприянов, П. Я. Курилов, Ф. П. Луцаев, И. А. Лычев, А. В. Макаров, Т. Г. Мартъянов, Ф. Г. Мигачев, В. И. Михайленко, С. Михайлов, И. Морозов, А. С. Ненашев, В. З. Никишкин, Я. П. Овчаров, К. М. Перелыгин, В. Е. Пригорницкий (Прогорницкий), Ф. И. Пятаков, Е. К. Резниченко, С. С. Родин, Н. Рыдлов, Г. Савотченко, А. Г. Самойленко, И. С. Самойлов, А. И. Сербин, Т. В. Скребнев, И. П. Сопрыкин, И. С. Спинов, Г. Стриж, И. Сурненков, А. П. Сыров, И. Фенин, З. И. Фипков, М. Циркунов (Цвиркунов), К. Черницын, Е. С. Шевченко, С. М. Шендеров, И. П. Шестидесятый. 18 из них — социал-демократы, в том числе 12 большевиков.

Комиссия «Потемкина» явилась прообразом будущих судовых комитетов. Состав и форма ее деятельности историками специально не рассматривались, а между тем необходимость этого очевидна.

Из 56 членов комиссии 43 являлись активными участниками восстания, четверо — Ф. Г. Мигачев, В. И. Михайленко, И. П. Сопрыкин и Е. С. Шевченко не сочувствовали ему*, один — Ф. А. Веденмеер — был контрреволюционером. Позиция остальных неизвестна, но по всей вероятности, они сочувствовали восстанию, так как в судебном материале в качестве контрреволюционеров не упомянуты. Следовательно, революционные матросы имели в комиссии подавляющее большинство. По воспоминаниям участников восстания, руководство в комиссии принадлежало социал-демократам.

В комиссию вошли представители всех специальностей — от комендоров до санитаров, причем половина комиссии — 29 человек — являлась представителями технических специальностей, игравших главную роль в революционном движении на флоте.

* Утром 17 июня Мигачев, Михайленко и Сопрыкин бежали с «Потемкина» (ЦГАВМФ, ф.1025, оп.2, д.17, л.87).

Группа социал-демократов из членов комиссии была назначена на офицерские должности и отчитывалась перед всей комиссией. На специальные отделы комиссия не подразделялась, и только в конце восстания из её состава был выделен исполнительный комитет.

Заседания комиссии проводились открыто. Это способствовало политическому воспитанию команды. Следует отметить, что свои постановления комиссия проводила в жизнь только с согласия всего экипажа. Даже посылка в город парового катера утверждалась общим собранием моряков¹⁰⁸.

Все главные вопросы решались на митингах, о значении которых в первые годы после Октябрьской революции В. И. Ленин писал: «...без митингования масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной. Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по-своему, для себя, на началах своей, *Советской*, а не чужой, не барской, не буржуазной власти»¹⁰⁹.

Такая постановка царила в первые дни революционной свободы на броненосце «Потемкин». «Готовность к чему-то большому, хорошему побуждала нас к оживленным дискуссиям», — вспоминал матрос Е. А. Батеев¹¹⁰. Потемкинские социал-демократы полагали, что неуклонное осуществление принципа самого широкого демократизма в управлении броненосцем будет способствовать пробуждению политического сознания у отсталой части команды. С той же целью с первого дня восстания были отменены все чины и форменные знаки различия¹¹¹.

Указанная особенность функционирования комиссии воспитывала в массе самостоятельность и позволяла открыто разоблачать врагов восстания. Но зависимость комиссии от настроений большинства команды не позволила ей стать твердым революционным органом. Как показал ход событий, ей далеко не всегда удавалось повести за собой команду. Причины этого объяснялись отсутствием у членов комиссии опыта руководства

восстанием и политической отсталостью подавляющего большинства матросской массы. Даже руководитель восстания А. Н. Матюшенко, пламенный революционер, как известно, не имел представления о правильных путях борьбы. Он писал: «Я за себя говорю, что я вне партий, потому что я хорошо знаю поговорку: не спросися броду, не суйся в воду. Я хорошенько узнаю программы всех партий, узнаю, кто что хочет дать рабочим за пролитую кровь на баррикадах, к тому я пристану. Для меня хороши и те, и другие, а кто больше начальство бьет, тот лучше»¹¹².

В сложной обстановке А. Н. Матюшенко шел за массой, подчиняясь ее колебаниям. Но и социал-демократы даже не пытались сосредоточить в своих руках полноту власти. Среди них были герои (например, С. А. Денисенко, Е. К. Резниченко, В. П. Кулик, В. З. Никишкин и др.), но не было вождей. Такой вывод подтверждается свидетельством инженера-механика А. М. Коваленко, который отмечал, что среди руководителей восстания особыми организаторскими талантами никто не выделялся. Слабость партийного руководства особенно проявилась в отказе матросов поднять на броненосце сразу после восстания Красное знамя революции, поскольку тогда это требование членов РСДРП еще не было утверждено большинством команды. Оценивая подобные ситуации, В. И. Ленин писал, что у вожakov военных восстаний 1905 г. «не было умения взять руководство в свои руки, стать во главе революционной армии и перейти в наступление против правительственной власти»¹¹³. Одесский большевистский комитет РСДРП ввиду своего тяжелого положения не смог оказать необходимой помощи потемкинцам. Отсутствие твердого руководства восстанием при наличии в команде контрреволюционных элементов и массы политически несознательных привело к тяжелым последствиям.

Командиром броненосца матросы назначили штурмана прапорщика Д. П. Алексеева. Он упорно отказывался, но матросы считали, что даже революционным кораблем должен командовать обязательно офицер, и заставили Алексеева принять командование. Сам бывший матрос, он неплохо относился к команде, и видимо, этим объясняется выбор его кандидатуры. В дальнейшем Д. П. Алексеев не играл никакой роли в управлении броненосцем, который вели сами матросы. Все

11 дней восстания Алексеев пролежал на диване в кают-компаний, а в критические моменты занимался вредительством, используя свое положение командира¹¹⁴.

Старшим офицером назначили боцмана Ф. В. Мурзака*.

Вечером 14 июня состоялось первое заседание комиссии, которое разработало тактику восставших на ближайшее время. По воспоминаниям И. А. Лычева, еще задолго до восстания потемкинцы осуществляли связь с большевистским Одесским комитетом РСДРП через матроса П. В. Алексеева¹¹⁵. Поэтому комиссия сочла необходимым немедленно связаться с Одесским комитетом и просить его известить Севастопольский комитет РСДРП и революционные организации на кораблях о восстании «Потемкина». Решили прежде всего обеспечить броненосец полным запасом угля и провизии. Кроме того, постановили составить протокол о событиях на Тендре, снять свидетельские показания с офицеров, проверить наличие денег в судовой кассе, составить обращение к солдатам и казакам с призывом присоединиться к «Потемкину», поручить организацию похорон Г. Н. Вакуленчука одесским рабочим, открытой борьбы за власть в Одессе не начинать до присоединения остальной эскадры**¹¹⁶. Решение комиссии об установлении связи с Одесским комитетом РСДРП являлось абсолютно необходимым и правильным. Но пассивная тактика отказа от захвата города до прихода эскадры сводила на нет все значение прибытия восставшего корабля в бастующую Одессу. Принимая такое решение, потемкинцы не учитывали, что это

* Л. В. Богуцкая без ссылки на источник утверждает, что Ф. В. Мурзак был членом РСДРП (*Богуцкая Л. В. Очерки по истории вооруженных восстаний в революции 1905—1907 гг.* / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1956. С. 58). В действительности Мурзак в 1905 г. не только не состоял в РСДРП, но на судебном следствии выдавал участников восстания (см., например, судебное постановление полковника П. А. Воеводского в кн.: *Пономарев И. И. Указ. соч. С.258—262, прил.*). Впоследствии он искупил свою вину активным участием в гражданской войне. Расстрелян белогвардейцами на станции Семь Колодезей (*Лычев И. А. Воспоминания потемкинца. М., Л., 1925. С. 75—76*).

** Следует заметить, что А. П. Березовский (Кирилл) ошибочно включил в состав решений комиссии письмо к французскому консулу в Одессе, которое сам же датирует утром 15 июня, в то время как заседание комиссии закончилось в ночь на 15 июня (*Кирилл. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С.99*).

может нанести ущерб революционному порыву одесских рабочих и той части солдат гарнизона, которая сочувствовала бастующим.

Рассматривая потемкинское восстание, историки, как правило, ограничиваются указанием на существование на корабле революционного порядка, не показывая, в чем он выражался, и не подтверждая его фактами. Из источников видно, что судовая комиссия и сами матросы поддерживали на корабле строжайшую дисциплину*, что признавали даже враги восстания. Ежедневно убирали броненосец, мыли палубу, проверяли механизмы, проводили смотр боевой готовности. Сохранился весь устав корабельной жизни. Судовая комиссия установила на корабле свободу совести, и первое время матросы даже собирались на молитву. Исполнялись все положенные по уставу молитвы, кроме «Спаси, господи»¹¹⁷, в которой содержалось пожелание побед царю. После этого обычно устраивался митинг.

Все матросы добросовестно относились к своим обязанностям. По решению команды фамилии провинившихся в чем-либо должны были обнародоваться на общих собраниях. Этого оказалось достаточно для предотвращения возможных нарушений дисциплины и постановлений комиссии. Для злостных нарушителей предполагались исправительные работы на четыре часа в кочегарке¹¹⁸.

Как мы далее увидим, восставшие соблюдали все нормы международного права: при посещении румынского порта Констанца «Потемкин» производил салют наций, при встречах и проходах румынских официальных лиц соблюдался морской дипломатический ритуал. Встретив в море 21 июня болгарский крейсер «Надежда», «Потемкин» обменялся с ним салютами. Революционные моряки чувствовали себя представителями новой России и не хотели нарушать международные законы. «Потемкин», остро нуждаясь в угле на переходе Констанца — Феодосия, не тронул турецкие угольщики, хотя имел возможность захватить их¹¹⁹. В Феодосии потемкинцы могли бы добыть уголь с иностранных судов, но также не сделали этого.

Соблюдение на корабле в ходе восстания, руководи-

* Утверждение А. С. Пухова о «моральном разложении» в команде «Потемкина» источники не подтверждают (*Пухов А. С. Тридцать лет назад* // Морской сборник. 1935. № 8. С.116).

мого социал-демократами, дисциплины и порядка свидетельствует о том, что потемкинские события являлись не бунтом, а организованным выступлением. Оно было подготовлено социал-демократами в соответствии с резолюцией III съезда и проходило под руководством членов РСДРП.

Социал-демократы «Потемкина», борясь за новое, проявляли лучшие человеческие качества. Но в силу преждевременности восстания масса оказалась неготовой к нему. Партийные группы были ослаблены списанием на берег политически неблагонадежных, социал-демократы не имели опыта руководства восстанием. Все это при наличии политически незрелой массы и контрреволюционных элементов отрицательно сказалось на дальнейшем развитии событий.

Броненосец «Потемкин» и революционная Одесса

---

1. Развитие революции в Одессе и уезде накануне прихода «Потемкина»

Изучая проблему революции, следует обратить внимание на вопросы о степени зрелости революционного процесса, расстановке партийно-классовых сил, состоянии и уровне партийного руководства борьбой масс. Рассмотрение этих вопросов на примере Одессы накануне прихода «Потемкина» позволяет шире исследовать проблему образования революционной армии из потемкинцев и одесских рабочих, выяснить возможности превращения Одессы в базу революции.

Забастовки в Одессе почти не прекращались с 27 апреля 1905 г. Особенно волновались рабочие кварталы Пересыпи. «Настроение на всех заводах приподнятое,— писала газета «Пролетарий».— Люди рвутся на улицу. Рабочие, даже несознательные, говорят: «Эх, если бы оружие! Где комитет с оружием? Пусть бы вооружал!»¹

1 мая 1905 г. бастовало 5188 человек на 46 одесских заводах и фабриках. Против них были направлены драгуны. Но солдаты запасных частей, расквартированные в Одессе, пришли на помощь забастовщикам и не позволили драгунам избивать их. Солдаты заявили: «Если вы будете бить рабочих, то мы вступимся за них, у нас в казармах есть штыки!»²

В канун потемкинских событий забастовочная борьба в городе резко обострилась. 12 июня полиция арестовала 32 делегата предприятий, собравшихся для

организации всеобщей забастовки, сорвать которую полиции все же не удалось.

Утром 13 июня часть бастующих рабочих собралась на Московской улице у завода сельскохозяйственных орудий И. И. Гена. Пристав пересыпского участка пытался уговорить их разойтись. Рабочие ответили градом камней. Тогда пристав вызвал казаков. Казачий офицер предупредил рабочих, что если они не разойдутся, то он прикажет открыть огонь. В ответ из толпы раздалось несколько выстрелов и снова полетели камни. 20 казаков спешились и дали залп. Двое рабочих были убиты, один ранен³.

В этот же день забастовали рабочие адмиралтейства и эллинга Российского общества пароходства и торговли. Они заявили, что бастуют в знак солидарности с рабочими других заводов и требуют освобождения 32 выборных, арестованных накануне⁴.

Забастовка разрасталась, становясь всеобщей. Рабочие начали переходить к открытой борьбе с казаками и полицией, они нападали на полицейские участки и сооружали баррикады⁵.

Солдаты и казаки под влиянием агитации рабочих начали колебаться. Многие солдаты, сочувствуя забастовщикам, делились с ними продуктами питания из своего скудного армейского пайка⁶. В ночь на 13 июня 400 солдат гарнизона на митинге постановили не стрелять в народ в случае возникновения революционных волнений и помочь рабочим в поддержании революционного порядка⁷.

Пролетарии Одессы рвались в бой с царизмом, требовали оружие. Их делегаты обратились к социал-демократам и эсерам с просьбой принять на себя руководство движением и вооружить рабочие отряды. Одесские большевики выступили с призывом к политической забастовке⁸.

Перед Одесским комитетом РСДРП стояла задача объединить борьбу рабочих и направить ее на организацию восстания. Однако комитет находился в крайне тяжелом положении и оказался недееспособным. Еще 2 июня полиция арестовала почти все руководство большевистской организации Дальницкого района, где большевики имели партийные ячейки на 22 предприятиях, а 9 июня захватила типографию комитета⁹. У одесских большевиков не было денежных средств. Многие члены партии в поисках заработка были вы-

нуждены покинуть бастующую Одессу.

В комитет входили пять человек: Л. М. Книпович (секретарь), М. К. Кориневский (примиренец), И. П. Лазарев, В. А. Хрусталеv и А. С. Шаповалов. Но к моменту восстания А. С. Шаповалов тяжело заболел и не смог работать.

Одесская организация РСДРП была значительно ослаблена арестами. Кроме того, она, по воспоминаниям А. С. Шаповалова, «представляла собой нечто переходное от старой организации, ограничивавшейся лишь выпуском листовок и работой в кружках, к новой, устраивавшей летучки, массовки, демонстрации, митинги, ведущей работу в массах и готовящейся к вооруженному восстанию... Но для проведения вооруженного восстания она еще совершенно не была готова... Даже для проведения забастовок она была недостаточно сильна...»¹⁰. Об этом же писал В. И. Ленин. «Комитет,— отмечал он,— был страшно слаб перед великими задачами...»¹¹

Одесские большевики, объявив политическую забастовку, открыто развернули широкую агитацию¹², но были не в состоянии немедленно организовать и возглавить восстание, объединить борьбу рабочих и восставших матросов.

Следует отметить, что среди рабочих Одессы еще существовали пережитки экономизма и зубатовщины, а борьба пролетариата развертывалась при наличии большой массы ремесленно-торговых и деклассированных элементов. Политической слабостью одесского пролетариата объясняется и довольно значительное влияние на рабочих, особенно на малосознательных портовых, меньшевистской группы РСДРП*. Ее руководство ограничивалось, как известно, призывами к восстанию, не делая к нему практических шагов, даже когда об этом просили делегаты предприятий¹³. Однако оно поддержало большевистский призыв к политической забастовке, чтобы не потерять доверия рабочих.

Для более полного представления о возможностях развития борьбы и расстановке сил в пункте восстания необходимо также осветить положение эсеровских и бундовских организаций, почти не изученное в литературе. Как следует из выявленных источников, Бунд

* В 1905 г. в Одессе параллельно существовали две организации РСДРП: большевистский Одесский комитет и меньшевистская Одесская группа при ЦК РСДРП.

располагал в Одессе относительно многочисленной организацией. И хотя семь ее конспиративных квартир находились под контролем полиции, аресты ослабили ее незначительно. Бундовцы для поддержки своего влияния на массы последовали призыву большевиков к политической забастовке, усилили агитацию, перейдя к устройству открытых митингов, и выпустили специальную прокламацию. Для руководства забастовкой еврейских рабочих Бунд выделил комиссию из пяти человек, поручив ей войти в контакт с комитетом и группой РСДРП для объединения сил одесских рабочих¹⁴.

Эсеровский комитет вел в Одессе активную пропаганду со второй половины 1904 г. Он имел связи с рабочими (в основном ремесленниками) и учащимися во всех районах города, вооруженные рабочие дружины и небольшую организацию среди солдат гарнизона. Эсеры, чтобы сохранить свои позиции в рабочей среде, на словах поддерживали призыв к забастовке и согласились передать рабочим имевшееся у них оружие. Но не сделали этого, заняв выжидательную позицию в связи с приходом в Одессу восставшего «Потемкина»¹⁵.

Крестьянское движение в Одесском уезде во время июньского восстания недостаточно освещено в литературе. Необходимость его изучения очевидна. Источники свидетельствуют, что выступления крестьян в уезде начались в конце мая в центре уезда (Раснопольской и Курисово-Покровской волостях) под влиянием агитации одесских социал-демократов и местного либерального земства. Волнения происходили на экономической почве и приняли пролетарскую форму борьбы — забастовку. Местные крестьяне (в подавляющем большинстве малоземельные) отказывались работать батраками у помещиков, требуя повышения заработной и снижения арендной платы за землю и угодья. Для руководства движением крестьяне выбирали комитеты (например, в селе Даниловском), которые вели переговоры с помещиками о заключении коллективных договоров. К 11—13 июня движение распространилось почти на весь уезд, а затем перешло в Ананьевский и Елизаветградский уезды¹⁶. К сожалению, одесские большевики не смогли возглавить борьбу крестьян и придать ей политическую окраску.

Революционный подъем рабочих Одессы и волнения крестьян уезда, а также начавшиеся колебания солдат

гарнизона создавали благоприятные условия для захвата города и уезда и образования новой революционной власти. С приходом восставшего броненосца «Потемкин» эти перспективы становились еще реальнее. Объединение восставших матросов и рабочих, вооружение пролетариата привели бы к созданию революционной армии и революционного правительства. Однако тяжелое положение Одесского комитета РСДРП и влияние на массы мелкобуржуазной пропаганды неблагоприятно сказались на развитии революционных событий. Приход восставшего «Потемкина» способствовал улучшению положения в Одессе, давая перевес в силах рабочим, укрепляя их революционный порыв и оказывая революционизирующее влияние на солдат гарнизона, а также помогая революционному воспитанию политически отсталых слоев пролетариата, отравленных мелкобуржуазной идеологией.

2. Восстание на «Потемкине» и революционная борьба в Одессе

Приход мятежного броненосца в охваченную революционным волнением Одессу создал условия для соединения потемкинцев с восставшими рабочими и образования революционной армии. В. И. Ленин видел в этом главное значение восстания. Поэтому пребывание «Потемкина» в Одессе представляет собой важнейший период, во время которого выявились многие характерные особенности восстания и фактически решилась его судьба.

Естественным следствием прихода «Потемкина» в Одессу являлись высадка десанта и соединение его с рабочими для захвата города. Для правильного анализа попытки образования ядра революционной армии на примере «Потемкина» необходимо не только глубже рассмотреть планы и тактику восставших, но и решить вопрос о практической возможности потемкинского десанта с учетом положения и расстановки сил в Одессе и на корабле.

14 июня около 20 часов эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический» и миноноска № 267 пришли в Одессу, став на якорь на внешнем рейде. В тот же вечер миноноска зашла во внутреннюю гавань за водой. Портовый надзиратель сделал запрос о командире и цели прихода. Матросы ответили, что пришли с Тендры, а командир съехал на берег¹⁷.

Появление «Потемкина» на одесском рейде вначале вызвало замешательство среди рабочих: они решили, что командование прислало броненосец для устрашения забастовщиков. Но уже на следующий день, узнав правду, ликующая Одесса радостно встречала первых революционных моряков.

Утром 15 июня на «Потемкине» были подняты флаги расцветивания. Матросы украсили броненосец революционными лозунгами. Около 6 часов утра к Новому молу подошли миноноска № 267, паровой катер и шлюпка с «Потемкина». Они доставили на берег тело Г. Н. Вакуленчука, почетный караул и делегацию матросов (всего около 40 человек). Как только делегация ушла в город, казаки и полиция попытались разогнать потемкинцев, охранявших тело Вакуленчука. Рабочие, находившиеся в порту, сообщили об этом на броненосец. Судовая комиссия распорядилась приготовиться открыть огонь по казакам из корабельных орудий. На фок-мачте «Потемкина» взвился боевой красный вымпел. Матросы почетного караула крикнули рабочим, что броненосец открывает огонь. Этого было достаточно, чтобы казаки и полиция покинули порт¹⁸.

Для предупреждения подобных инцидентов в будущем комиссия «Потемкина» направила французскому консулу заявление и попросила передать его городским властям Одессы. В заявлении говорилось: «Почтеннейшая публика города Одессы! Командой броненосца «Князь Потемкин-Таврический» сегодня, 15 июня, было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику города Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение над правилами; требовать от полиции, а также и казаков прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно; 3) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 4) команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет

произведена по городу орудийная стрельба из всех орудий. Почему команда предупреждает публику и, в случае возникновения стрельбы, просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели — несколько броненосцев, и тогда будет хуже»¹⁹.

Делегации матросов удалось установить связь с Одесским комитетом РСДРП, но разыскать консула они не смогли и, купив свежей провизии для экипажа, вернулись в порт. Интересно отметить, что при покупке провизии матросы честно расплатились по векселю, оставленному накануне мячманом А. Н. Макаровым в уплату за мясо, послужившее поводом к восстанию²⁰.

Портовые рабочие помогли матросам доставить провизию на восставший броненосец. Они по своей инициативе захватили портовые катера и под руководством прибывшего на берег А. Н. Матюшенко переправили провизию на «Потемкин». Туда же матросы пригласили и приказчиков из тех магазинов, где брали провизию, и сделали им дополнительные заказы²¹.

Одновременно одесские большевики, члены стачечного комитета Пересыпского района братья Г. П. и Ф. П. Ачкановы, также по приглашению матросов прибыли на броненосец и рассказали о положении в городе. По просьбе восставших Ф. П. Ачканов дополнительно связался с Одесским большевистским комитетом²².

Стаечный комитет Пересыпи выделил десять делегатов для организации снабжения «Потемкина» углем. Делегаты указали матросам на пришедший из Мариуполя угольщик «Эмеранс», который разгружался у пристани угольной набережной. Потемкинцы решили реэквизировать груз «Эмеранса» для нужд революции. По их требованию выгрузка была немедленно прекращена. Потемкинцы и делегаты стачечного комитета обратились к рабочим с просьбой помочь перегрузить уголь на броненосец. Рабочие с радостью согласились. Около 300 грузчиков поднялись на борт «Эмеранса» и помогли завести буксир на миноноску № 267. В 12 часов 30 минут угольщик и миноноска № 267 подошли к «Потемкину». Бывший матрос «Эмеранса» В. Бабий вспоминал: «Это была поистине символическая встреча. Многие рабочие и матросы обнимались и целовались, обещая поддерживать друг друга в революционной борьбе»²³. Рабочие вместе с матросами за четыре с по-

ловиной часа перегрузили в трюмы броненосца 15 тыс. пудов угля. В 16 часов 30 минут погрузку закончили, и «Эмеранс» своим ходом вернулся на место. Отходя от «Потемкина», он поднял флаги расцвечивания. Рабочие водрузили на мачту «Эмеранса» вместо революционного знамени красную рубашу. Затем стачечный комитет организовал снабжение «Потемкина» провизией²⁴.

Восставших матросов приветствовали моряки торговых судов: пароход «Пушкин», например, поднял красный флаг. Команды стоявших в порту итальянских и греческих судов забастовали в знак солидарности с потемкинцами²⁵. Однако восставшие оставили без внимания готовность многих моряков торгового флота присоединиться к восстанию, а они могли бы оказать потемкинцам существенную помощь, заменив на броненосце тех матросов, которые были против восстания.

Как только население Одессы узнало о восстании на «Потемкине», яхты и рыбацкие шаланды заполнили бухту. Пролетарии везли продукты восставшим матросам²⁶. Полиция была не в силах помешать этому, но под видом рабочих ее агенты доставили на «Потемкин» ящики с водкой. Моряки выбросили их в море²⁷. Полицейская провокация не удалась.

Около восьми часов утра к катеру «Потемкина», который поддерживал связь с берегом, подошла шлюпка. В ней находились представители судебных, полицейских и портовых властей Одессы. Они заявили, что прибыли «снять допрос с бунтовщиков». А. Н. Матюшенко заставил их бросить в море оружие, погоны и с позором прогнал под дружный смех матросов²⁸.

В это время на берегу у тела Г. Н. Вакуленчука собралась огромная толпа. Рабочие соорудили над ним палатку. Люди слушали рассказы матросов и читали обращение к жителям Одессы*, положенное вместе с революционной листовкой на грудь покойному. В обращении говорилось:

«Господа одесситы. Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакуленчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» за то, что Вакуленчук заявил, что борщ не хорош. Осеним себя крестным знаменем и скажем: «Мир праху его». Отомстим кровожадным

* Журналисту И. И. Пономареву удалось установить, что автор обращения — кочегар В. З. Никишкин (*Пономарев И. И. В поисках героев-моряков. Краснодар, 1968. С. 105*).

вампирам. Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам!
Да здравствует свобода!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Один за всех и все за одного»²⁹.

По требованию потемкинцев и рабочих стоявшие в порту суда приспустили флаги в знак траура³⁰. На импровизированных трибунах не смолкали речи ораторов. Народ подхватывал революционные лозунги.

Большевик С. И. Гусев в письме в редакцию газеты «Пролетарий», описывая события в Одессе 15 июня, отмечал: «Сочувствие матросам огромное. Боевое настроение среди рабочих страшно поднялось. С минуты на минуту можно ожидать крупнейших событий»³¹.

Агенты полиции безуспешно пытались спровоцировать еврейский погром. Двоих из них, призывавших к погрому, убили и бросили в море под крики «ура!». Толпа хотела также утопить городского и двоих жандармов, но ограничилась тем, что потребовала от них бросить в воду оружие и мундиры³².

Вместе с другими ораторами перед рабочими в порту выступали члены одесской меньшевистской группы РСДРП А. П. Березовский и К. И. Фельдман*. Рабочие послали их на «Потемкин» как своих делегатов, чтобы договориться с матросами о совместных действиях по захвату города. Почти одновременно с ними на борт броненосца поднялся еще один социал-демократ — рабочий Борис. Они рассказали матросам о положении в городе и призвали их поддержать борьбу рабочих огневой силой броненосца³³.

Приезжал на «Потемкин» и представитель одесского комитета эсеров. Но матросы не приняли его, заявив, что все они социал-демократы, на корабле находятся представители РСДРП, а с эсерами у матросов нет ничего общего³⁴.

Члены Одесского большевистского комитета И. П. Лазарев и М. К. Кориневский, узнав о восстании на «Потемкине», возобновили контакты с членами Соеди-

* Утверждение М. Я. Попова о том, что К. И. Фельдман и А. П. Березовский уже тогда были делегатами Соединенной комиссии, источниками не подтверждается (*Попов М. Я.* В. И. Ленин о вооруженных восстаниях 1905 года в Черноморском флоте // Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР. Днепропетровск, 1970. С. 111, 115). Любопытно, что Фельдман снимался в фильме С. М. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»», где играл самого себя (Броненосец «Потемкин». М., 1969. С. 98, 360).

ненной комиссии, созданной еще в мае 1905 г. для руководства революционной борьбой рабочих. В комиссию входили большевики, меньшевики и бундовцы. В конце мая — начале июня в связи с арестами социал-демократов и временным спадом стачечной борьбы в Одессе комиссия прервала свою деятельность. Но когда пришел «Потемкин», она собралась снова. Контакт большевиков с другими социал-демократическими организациями в условиях буржуазно-демократической революции был вполне оправдан, поскольку за ними в тот период шла известная часть рабочих. Комиссия разработала и предложила восставшим матросам следующий план захвата города: потемкинцы высаживают десант в 300 человек, объединяются с рабочими и солдатами гарнизона, захватывают железнодорожные пути, связывавшие Одессу с другими городами России, чтобы не допустить переброски в город верных правительству войск. В случае необходимости десант должны были поддержать орудия броненосца³⁵.

С. Ф. Найда, позже пересмотрев свою первоначальную точку зрения, счел этот план нереальным, поскольку в нем отсутствовала детальная разработка мероприятий по захвату и оформлению новой власти. Вероятно, эту сторону дела Соединенная комиссия собиралась обсудить вместе с матросами. Но отрицательная оценка плана представляется все же неверной. Хотя гарнизон Одессы и являлся значительной силой (он состоял из 52-й пехотной дивизии, 205-го и 273-го пехотных полков, 24-го драгунского и 8-го казачьего полков, 4-го стрелкового артиллерийского дивизиона, 4-й стрелковой и 5-й саперной бригад, 57-го и 60-го запасных батальонов, одесского морского и одесского артиллерийского батальонов), настроения большей части солдат благоприятствовали осуществлению плана. Корреспонденции в газете «Пролетарий» о событиях 15 июня в Одессе рассказывают, что «солдаты открыто роптали. Они охотно и сочувственно слушали социал-демократическую агитацию, которая велась совершенно открыто на улицах. Солдаты сами связывали рабочие волнения с аграрными беспорядками в Одесском уезде и других губерниях, связывали свое собственное положение с беспорядками России и говорили, что стрелять в рабочих не будут. Они сами говорили, чтобы рабочие на них не нападали, а, окруживши их толпой, отняли бы у них ружья. «Мы не будем особенно сопротивлять-

ся», — говорили они... Солдатский патруль, отправляясь на пост, сговаривался под окном здания участка: «Помните же, ребята, не стрелять!»³⁶ По сообщению той же газеты, в Одесском гарнизоне только казаки были настроены контрреволюционно.

15 июня к «Потемкину» подходила лодка с делегатами от солдат 52-й дивизии. Они сообщили о готовности их товарищей оказать матросам вооруженную поддержку, если они высадятся для захвата города³⁷.

Более всего одесские власти боялись именно потемкинского десанта и соединения матросов с рабочими. Градоначальник Д. Б. Нейдгардт в полной растерянности, выдавая возможное за действительное, телеграфировал министру внутренних дел, что матросы якобы вооружают рабочих винтовками и готовятся свезти на берег артиллерию, которой у Одесского гарнизона почти не было³⁸.

Растерянность властей облегчила осуществление плана Соединенной комиссии. Однако когда представители комиссии познакомили с ним потемкинцев, то встретили решительный отпор. Матросы объяснили, что перед выходом в море с броненосца списали многих революционно настроенных членов экипажа, а взамен прислали политически неразвитых новобранцев. Потемкинцы заявили, что если высадить десант в 300 человек из новобранцев, то они не окажут достаточной помощи рабочим и могут даже разбежаться из боязни последующих репрессий начальства. А в случае высадки десанта из революционно настроенных моряков оставшиеся на корабле новобранцы могут увести «Потемкин» в Севастополь. Поэтому судовая комиссия «Потемкина» решила дожидаться прихода эскадры. Она специально просила одесских социал-демократов срочно связаться с Севастополем, объяснить положение и просить «Централку» всемерно ускорить намеченное восстание эскадры. По мнению судовой комиссии, присоединение эскадры должно было подействовать на несознательную часть команды, убедив ее, что происходящие события — не бунт одного корабля, а начало восстания всего Черноморского флота и долг всех матросов — поддержать своих товарищей в борьбе за свободную Россию³⁹.

Считая невозможной высадку десанта до прихода эскадры, комиссия «Потемкина» могла бы по крайней мере вооружить рабочих имевшимися на броненосце

винтовками и мелкими пушками (две из них калибром 64 мм предназначались специально для десанта), а также послать на берег несколько проверенных товарищей для руководства рабочими отрядами в помощь одесским социал-демократам. Об этом настойчиво просили представители Соединенной комиссии⁴⁰. Однако судовая комиссия не только не сделала этого, но даже удалила с броненосца представителей Соединенной комиссии и тех членов РСДРП, которые по собственной инициативе приехали на «Потемкин». Одесские социал-демократы могли бы оказать большую помощь в агитации среди молодых матросов, но им пришлось покинуть корабль по настоянию большинства команды, подстрекаемой кондукторами. Утром 15 июня кондукторов освободили из-под ареста, и они убедили несознательных матросов, что по правилам устава на корабле не должно быть «посторонних лиц», что «вольные» продадут матросов⁴¹. Судовая комиссия приказала никого больше не допускать на корабль. В результате не смогли попасть на него член Одесского большевистского комитета В. А. Хрусталеv и известный революционер-большевик Е. М. Ярославский. Лодка, в которой плыл Е. М. Ярославский, даже подверглась ружейному обстрелу с «Потемкина».

Комиссия «Потемкина» совершила ошибку, не установив постоянную надежную связь с одесскими социал-демократами. В свою очередь Соединенная комиссия из-за предательской тактики меньшевиков оказалась, как будет показано ниже, неспособной организовать и возглавить совместное выступление рабочих и матросов. Центральной организации, координирующей и направляющей борьбу, восстание не имело, что во многом определило его неудачу.

Итак, на «Потемкине» остались только большевик И. П. Лазарев, меньшевики А. П. Березовский и К. И. Фельдман, ставшие уполномоченными от одесских социал-демократов*.

* В книге Р. М. Мельникова имеется важная фактическая ошибка: он написал, что большевик И. П. Лазарев съехал с «Потемкина» через несколько часов (*Мельников Р. М. Броненосец «Потемкин»*. Л., 1980. С. 156). Из этого А. С. Пухов и Р. М. Мельников делают вывод о «меньшевистском руководстве» в судовой комиссии и объясняют этим нерешительность восставших. В действительности же Лазарев съехал с «Потемкина» 17 июня, после встречи с эскадрой Вишневецкого (Морской сборник. 1935. № 8. С. 114, 118; *Мельников Р. М. Указ. соч.* С. 155—156).

К. И. Фельдман и А. П. Березовский, действуя вопреки оппортунистическим решениям меньшевистской Женевской конференции, старались поддержать и расширить восстание. Об этом свидетельствуют документы следствия и воспоминания потемкинцев, которые отмечают положительную роль Фельдмана и Березовского, их заслуги в руководстве революционной борьбой моряков⁴². Причиной колебаний судовой комиссии «Потемкина» являлись неопытность ее руководства и наличие на корабле контрреволюционных элементов во главе с кондукторами.

Около 18 часов сигнальщики «Потемкина» заметили на горизонте небольшое гидрографическое судно «Веха»*. Корабль шел из Николаева в Одессу. Потемкинцы решили задержать «Веху» и присоединить ее команду к восстанию. Прапорщик Д. П. Алексеев пытался уговорить матросов не делать этого, но они не послушались.

В 17 часов 40 минут, не заходя в гавань, «Веха» показала свои позывные «Потемкину», который ответил тем же. Через 20 минут командир «Вехи» полковник барон П. П. Эйхен запросил у броненосца, как старшего по рангу корабля, разрешение войти в гавань. «Не согласен»,— ответил «Потемкин». «Имею груз на берег»,— настаивала «Веха». «Не смейте входить в гавань»,— повторил «Потемкин», а затем приказал «застопорить машину» и «стать на якорь по корме броненосца»⁴³.

Вероятно, потемкинцы опасались, как бы офицеры «Вехи» не сбежали на берег. Командира «Вехи» не удивила такая встреча: он решил, что это вынужденная мера предосторожности из-за происходивших в городе «беспорядков».

В 18 часов 15 минут «Веха» стала на якорь в 150 саженях по корме броненосца. Ее командир приказал спустить шлюпку, собираясь отправиться с рапортом на «Потемкин». Заметив спущенную шлюпку и, вероятно, опасаясь, что офицеры «Вехи» знают о восстании и собираются бежать, потемкинцы подняли сигнал: «Не иметь сообщения с берегом». Но, увидев, как шлюпка направилась в сторону броненосца, они успокоились.

* «Веха», построенная в Николаеве в 1893 г., имела водоизмещение 473 т, длину — 54,9 м, ширину — 8,4 м, осадку — 1,8 м. Ее скорость хода достигала всего 12 узлов при мощности машин 600 л. с.

Едва П. П. Эйхен поднялся на борт «Потемкина», его схватили вооруженные матросы. Прапорщик Д. П. Алексеев успел шепнуть ему: «На броненосце неблагоприятно, убит командир, старший офицер и еще несколько офицеров». Караул отвел П. П. Эйхена в кают-компанию, где с него сняли погоны, заставили подписать протокол о событиях на Тендре и предложили перейти на сторону восставшего народа. П. П. Эйхен отказался⁴⁴. Тогда потемкинцы решили вызвать на броненосец других офицеров «Вехи».

В 19 часов на «Веху» передали семафором: «Командир портового судна «Веха» просит офицеров прибыть на броненосец «Князь Потемкин»». Прапорщики С. Исаев, Е. Крышкевич и судовой врач В. М. Королев отправились на броненосец. На «Вехе» остался только прапорщик А. Полухин.

Как только офицеры «Вехи» оказались на «Потемкине», с него последовало приказание: «Сняться портовому судну «Веха» с якоря, подойти к левому борту броненосца». В 19 часов 30 минут «Веха» выполнила приказ. Караул с броненосца во главе с А. Н. Матюшенко перешел на «Веху» и арестовал прапорщика А. Полухина, кондуктора А. Ковалева и чиновника коллежского секретаря Баркарева. Офицерам с «Вехи» зачитали протокол о событиях на Тендре, дали под ним подписаться и предложили перейти на сторону восставших⁴⁵. Все они, за исключением судового врача В. М. Королева, отказались.

Матросы «Вехи» требовали выдать им некоторых офицеров судна для расправы. Но потемкинцы возразили, что месть отдельным лицам вообще не является революционной необходимостью, а в данном случае не имеет смысла, поскольку на «Вехе» уже установлена свобода⁴⁶. Затем потемкинцы вскрыли судовую кассу «Вехи». В ней оказалось 1400 руб. Из них 600 руб. судовая комиссия раздала офицерам «на дорогу», и в 21 час шлюпка с «Потемкина» доставила их на берег⁴⁷. Революционные матросы и в этот раз проявили гуманное отношение к своим бывшим врагам — офицерам*. Поэтому возмущение и гнев вызывает то

* Любопытно отметить, что на «Вехе» матросы с «Потемкина» обнаружили вдову убитого ими на Тендре старшего офицера капитана второго ранга И. И. Гиляровского, которая вместе с дочерью ехала к мужу. Потемкинцы отпустили обеих, снабдив деньгами наравне с офицерами (ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 18, 43).

бесстыдство, с которым реакционная пресса называла потемкинцев «дикими зверями» и «ворами-грабителями».

Команду «Вехи» — 56 человек — пригласили на броненосец для участия в общем митинге. Потемкинцы рассказали им о причинах восстания и призвали принять участие в борьбе за свободу. После митинга матросы «Вехи» вернулись на свой корабль. Вместе с ними для продолжения агитации перешел с «Потемкина» А. П. Березовский. Около двух часов продолжалась его беседа с экипажем судна. А. П. Березовский вспоминал, что слушали его «с большим интересом» и «сочувствие к потемкинцам было всеобщее и самое горячее»⁴⁸.

Присоединение «Вехи» и ее команды к восстанию способствовало укреплению революционных настроений потемкинцев. К тому же, пока они занимались «Вехой», к «Потемкину» подплыли на лодке делегаты от солдат батальона таможенной охраны, которые сообщили, что их батальон поддержит матросов, если они начнут захват города. Это известие еще более повысило революционный дух потемкинцев⁴⁹.

Офицер с «Вехи» прапорщик А. Полухин в рапорте командованию о своем аресте сообщил важную деталь, характеризующую положение на «Потемкине»: руководитель восстания А. Н. Матюшенко, перейдя на их судно, сразу же спросил, «есть ли на портовом судне «Веха» чиновники и кондукторы?»⁵⁰. Это свидетельствует о понимании А. Н. Матюшенко контрреволюционной роли кондукторов. Однако он не принял мер для прекращения их враждебной деятельности на «Потемкине». Кондукторы из страха потерять привилегии, полученные за сверхсрочную службу, вели среди несознательных матросов агитацию против восстания. И все же большинство судовой комиссии решило оставить их на корабле, считая, что матросы привыкли видеть в них опытных специалистов. Комиссия опасалась, что большая часть команды не доверит ей одной управление сложными механизмами. Социал-демократы «Потемкина» не проявили достаточной твердости в отношении кондукторов. Они, вероятно, считали недопустимым насилие над волей большинства экипажа.

Контрреволюционная агитация кондукторов усиливалась буквально с каждым часом. Они убеждали матросов прекратить восстание и идти сдаваться в Румы-

нию. Кондукторов поддерживал прапорщик Д. П. Алексеев. Комиссии пришлось посвятить кондукторам специальное заседание, на котором были приняты решения, важные для хода восстания. Заседание состоялось утром 16 июня. Кондукторов решили оставить на корабле, но под строгим надзором. Опасаясь мятежа, члены комиссии раздали надежным товарищам револьверы, а винтовки заковали в пирамиде⁵¹.

Относительно прапорщика Алексеева комиссия не приняла никаких мер, хотя и отметила его предательское поведение, особенно при захвате «Вехи», когда он убеждал матросов не делать этого. Тогда потемкинцы не послушали Алексеева. Но вечером 15 июня, после захвата «Вехи», на горизонте был замечен еще один корабль — учебное судно «Прут». Матросы хотели захватить и его, но Д. П. Алексеев сумел отговорить их, ссылаясь на быстроходность этого судна. Потемкинцы не знали, что «Прут» готов к восстанию, и, если бы в погоню за ним послали миноноску, революционная эскадра увеличилась бы еще на одно судно. Кроме того, на «Пруте» находился А. М. Петров, один из создателей «Централки», талантливый революционер и прекрасный организатор. Судовая комиссия, словно не замечая контрреволюционной деятельности Д. П. Алексеева, ошибочно полагала, что он просто еще не освоился со своей новой ролью командира. Комиссия постановила привлечь Алексеева к более активному и сознательному участию во всех мероприятиях восставших и даже поручить ему выступать перед командой с революционными речами. Восставшие не знали, что Д. П. Алексеев подговаривал боцмана Ф. В. Мурзак и врача А. С. Галенко объединиться для борьбы против восставших и организовать заговор кондукторов. Неизвестно, согласился ли Ф. В. Мурзак на это предложение. По крайней мере в дальнейшем он добросовестно выполнял все распоряжения комиссии. А. С. Галенко был готов поддерживать действия контрреволюционеров, но не хотел преждевременно скомпрометировать себя связью с кондукторами, заговор которых организовал и возглавил прапорщик Алексеев. Заговорщики поставили целью арестовать членов комиссии, но их попытки успеха не имели⁵².

Поздно вечером 15 июня судовая комиссия «Потемкина» обсудила вопрос о боевой готовности броненосца.

Учитывая возможность торпедных атак, некоторые члены комиссии предлагали поставить сетевые заграждения. Но другие полностью полагались на противоминную артиллерию «Потемкина». В конце концов заграждений решили не ставить, учитывая, что они значительно стеснят маневрирование, а ночью с помощью прожектора и дозорной миноноски можно обнаружить противника на подходе и открыть заградительный огонь. От торпедных атак «Потемкин» прикрылся корпусами торговых судов⁵³. Затем комиссия обсудила вопрос о продовольственном снабжении и постановила утром послать миноноску к городским бойням за мясом.

Последним обсуждался вопрос о судьбе арестованных офицеров броненосца. Им предложили перейти на сторону восставших. Инженеры-механики поручик А. М. Коваленко, подпоручик П. В. Калужный (Калужнов) и младший судовой врач А. С. Галенко изъявили согласие. Остальных офицеров комиссия постановила отправить на берег. Но этому помешали события, разыгравшиеся в Одесском порту тем же вечером*.

А произошло следующее. До 16 часов вся территория порта полностью находилась во власти рабочих. Они поддерживали порядок и пресекали все попытки полицейских агентов организовать разгром портовых складов. Но в 16 часов с «Потемкина» вернулись представители Соединенной комиссии, которые объявили рабочим, что матросы решили отложить высадку десанта и поэтому можно разойтись и ждать сигнала революционных организаций к восстанию. Рабочие стали покидать порт.

А тем временем городские власти начали стягивать в Одессу войска и около 16 часов город объявили на военном положении. По их приказу агенты полиции начали усиленно распространять слух, что в порту бедным раздают «несметные сокровища». Туда хлынули толпы народа. Генерал-губернатор Одессы К. А. Карангозов еще утром заявил: «Пусть их набираются в порт, мы их оттуда не выпустим, а перестреляем»⁵⁴.

К 17 часам солдаты перекрыли проходы в порт,

* Этот факт широко известен. Однако в исследованиях советских историков не показано во всей полноте его значение для развития рабочего движения в Одессе во время пребывания там «Потемкина», а также не выявлено непосредственное участие полиции и военных властей в разгроме порта.

где в 18 часов начались грабежи и пожары. По свидетельству очевидцев, «грабежи были делом городских отбросов, босяков, профессиональных воришек и «чистой публики». Рабочие пускали в ход оружие, умоляли, просили, но ничто не помогало»⁵⁵.

Полицейские агенты организовали разграбление винных складов с целью сплотить толпу и направить ее на погром. Однако призывы к погрому успеха не имели. Газета «Пролетарий» сообщала: «Настроение толпы было зверское, озлобленное, но вся злоба была направлена против полиции. Во время грабежа один из босяков произнес речь приблизительно такого содержания: правительство прислало нам водку для того, чтобы мы напились и пошли разбивать жидов, но этому не бывать; от водки мы, конечно, не откажемся, но бить будем только полицейских чиновников, а не евреев, потому что они — наши товарищи, наши братья и т. д. В толпе раздавались крики «ура!», «долгой полицию!» и т. п.»⁵⁶. Это свидетельствует о том, что приход «Потемкина» и митинги в порту не прошли бесследно даже для люмпен-пролетарских слоев — революционные настроения начали проникать и в среду деклассированных элементов, которые всегда были орудием реакции.

Направляемая агентами полиции толпа разгромила и подожгла товарные склады. При этом агенты обливали здания заранее приготовленным горючим составом, последовательно переходя от одного пакгауза к другому. В грабежах и поджогах принимали участие солдаты и казаки⁵⁷.

Около 22 часов пожар охватил всю гавань, перекинулся на рабочие кварталы Пересыпи. К 24 часам из порта, спасаясь от огня, в город двинулись толпы народа. Но все выходы были оцеплены войсками. Солдаты стреляли сверху в людей, которые метались в огне и дыму. Только отдельным группам удалось прорваться наверх. Обезумевшие люди бросались на солдат с камнями и кусками железа, дрались врукопашную. В них стреляли в упор, добывая раненых прикладами. Штаб-офицер для особых поручений подполковник Сигалев докладывал генерал-губернатору, что в ту ночь войсками «всего израсходовано 1510 патронов, кроме того, поломано несколько прикладов...»⁵⁸.

Сухие строки официальных документов дополняет рассказ очевидца событий брата писателя В. Г. Коро-

ленко И. Г. Короленко: «По знаменитой парадной мраморной лестнице возвращались главн[ым] образ[ом] любопытные, наблюдавшие картину пожара и происходящие в порту события. Тут были, говорят, студенты, барышни и вообще интеллиг[ентная] молодежь. Кому удалось выбраться наверх к бульвару, должен был еще пройти через Екатерининскую площадь. Живущие поблизости ее утверждают, что никому не удалось пройти живому эту площадь, причем студентов и барышень избивали не только пулями, но и всякими другими зверскими способами»⁵⁹.

Газета «Пролетарий» сообщала, что «карыеты «скорой помощи» работали под выстрелами, но им удалось спасти лишь ничтожную часть раненых». Только по официальным данным администрации порта, погибло около 1260 человек. Эту страшную ночь из-за обилия пролитой крови одесситы прозвали «красной»⁶⁰.

Однако не все солдаты участвовали в расстреле. Например, по сведениям Одесской группы РСДРП, «в одном полку две роты совсем отказались выходить... В порту из 16 рот стреляли лишь две, из которых одна рота стреляла вверх. В ней напало лишь девять защитников царя. Другие солдаты прямо выбрасывали патроны...»⁶¹. «По моему соображению,— писал очевидец Левенко,— если бы все стреляли в народ, то, пожалуй, не осталось бы ни одного живого человека из тех, которые бежали по набережной»⁶².

Сгорели все портовые здания и несколько пароходов. Убытки от пожара составили около 50 млн. руб.⁶³

Катера с солдатами отрезали выход из порта, но группе рабочих удалось пробраться к броненосцу и сообщить о расстреле. А. П. Березовский и А. Н. Матюшенко отправились в порт на разведку. Вернувшись, они рассказали, что солдат морского батальона заявил им о готовности его части перейти на сторону восставших и увлечь солдат других частей. Еще за несколько часов до этого к «Потемкину» подходила шлюпка с делегатами Измайловского и Дунайского полков с таким же заявлением. Матросы потребовали от судовой комиссии отдать приказ немедленно открыть огонь по войскам и полиции, но комиссия отказалась. Причины этого отказа до сих пор не выяснены, но существует целый ряд версий. По одной из них командир Д. П. Алексеев «отказался выполнить решение команды, ссылаясь на отсутствие электрических приборов

для ночной пристрелки»*. Однако, согласно показаниям самого Д. П. Алексеева и воспоминаниям К. И. Фельдмана, командир убедил матросов, что слышны не выстрелы, а треск горящих построек. По сообщению листовки Бунда, комиссия мотивировала отказ от обстрела невозможностью видеть цель сквозь закрывшие порт клубы дыма⁶⁴. По всей вероятности, именно невозможностью стрельбы по невидимой цели и объясняется отказ комиссии от обстрела. Тем не менее благоприятные условия для десанта, даже без артиллерийской поддержки, существовали, но потемкинцы упустили момент для захвата города. Они ограничились следующим воззванием к войскам гарнизона и населению Одессы:

«От команды броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания,— долой самодержавие!

У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. По сопротивлению город будет разрушен»⁶⁵.

Расстрел в порту был организованной провокацией царских властей. После него рабочее движение в Одессе поднялось на новую ступень. Источники не отмечают сколько-нибудь крупных вооруженных выступлений. Однако рабочие рвались в бой, требовали оружия и бомб. Даже социал-демократы из рабочих просили принять их в эсеровские боевые дружины, несмотря на несогласие с общей программой эсеров. Они рассчитывали получить оружие хотя бы таким путем. Всеобщая забастовка продолжалась. Массы ждали обещанного сигнала социал-демократических организаций. Многие революционно настроенные рабочие пытались действовать самостоятельно: 16 июня, на следующий день после расстрела в порту, войска дважды открывали огонь по толпе рабочих, стремившихся прорваться в порт и установить контакт с восставшими матросами⁶⁶.

* Эта версия основана только на воспоминаниях А. П. Березовского (Кирилл. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С. 130).

Одесские большевики, как уже отмечалось, не были в состоянии возглавить восстание. В Соединенной комиссии они также оказались в меньшинстве. Согласно воспоминаниям большевички Н. Ростоцкой (О. И. Виноградовой), Соединенная комиссия никак не могла решить: сложилась в городе революционная обстановка или нет? Меньшевики, словно не замечая резко возросшей революционной активности масс, считали, что надо «продолжить еще день-два всеобщую стачку и затем приступить к мирной организационной работе, пропаганде и агитации». В то время как рядовые рабочие-меньшевики дрались на баррикадах, руководство Одесской группы РСДРП не принимало практических мер для организации и координирования революционных выступлений. Предательской тактике меньшевиков большевики противопоставляли проведение широкой агитации среди матросов за бомбардировку и высадку десанта, которые помогли бы рабочим захватить город. Бундовцы также выступали за решительные действия. Их план отличался от плана большевиков только предложением организовать небольшие вооруженные отряды, которые должны были вести за собой невооруженную массу рабочих. Казалось бы, переход бундовцев на сторону большевиков обеспечил последним руководящую роль в комиссии, но из-за противодействия меньшевиков в ней шли долгие споры, ее члены медлили с окончательным решением и не вели практической подготовки к восстанию⁶⁷.

15 июня эсеры предложили Одесской группе РСДРП заключить союз для захвата города. Получив от меньшевиков отказ от совместных действий и зная о решении потемкинцев не начинать захват города до прихода эскадры, эсеры дальнейшей инициативы не проявили, ожидая развития событий. Еще в январе 1905 г., в самом начале революции, В. И. Ленин писал: «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры». Меньшевики игнорировали это указание. Их делегаты заявили эсерам, что «они уполномочены говорить только с либералами». Ориентация меньшевиков не на левый

блок, а на союз с либералами означала измену революции. К тому же одесские либералы не оказывали революционным партиям никакой помощи, хотя и не прочь были воспользоваться победами рабочих: в день прихода «Потемкина» среди либералов раздавались голоса о революционном комитете и временном правительстве⁶⁸.

Размах забастовочной борьбы, готовность рабочих к решительным действиям в союзе с матросами, сочувствие восстанию со стороны многих солдат гарнизона создавали реальную возможность захвата города и провозглашения временного революционного правительства. При таких условиях высадка десанта являлась естественным следствием прихода восставшего броненосца в Одессу. Наступательные действия потемкинцев при активной поддержке рабочих должны были заставить Соединенную комиссию и одесских меньшевиков перейти к решительным действиям. Пассивная тактика судовой комиссии «Потемкина» отрицательно влияла не только на развитие событий в целом, но и на команду броненосца. Член Одесского комитета большевиков И. П. Лазарев в отчете ЦК РСДРП отметил, что отсутствие активных действий угнетающе сказывалось на настроении матросов, особенно новобранцев. По наблюдениям Н. Ростоцкой, побывавшей на «Потемкине» 15 июня, «матросы тяготились неопределенностью положения»⁶⁹. Что же касается опасений судовой комиссии за вероятную неустойчивость десанта, то уровень революционного порыва и борьбы рабочих наряду с активной агитацией социал-демократов, безусловно, способствовали бы политическому воспитанию несознательных матросов, пониманию ими насущных целей и задач. Следовательно, десант был бы вполне возможен даже при наличии имевшихся неблагоприятных условий. Высадке его мешали предательство одесских меньшевиков и нерешительность судовой комиссии, которая объясняется оторванностью ее от борьбы рабочих Одессы. Последнее чрезвычайно важно, ибо настроение всей команды и тактика судовой комиссии резко изменились на следующий же день, 16 июня, под влиянием известий о событиях в городе, когда потемкинцы приняли решение о бомбардировке и высадке десанта.

Обстрел Одессы орудиями «Потемкина» — одно из важнейших событий восстания. В источниках и исто-

риографии существуют разные версии о его причинах и поводах. Так, в воспоминаниях И. А. Лычева, К. М. Перелыгина и Я. В. Склярова говорится, что бомбардировка была вызвана стремлением отомстить за расстрел в порту. И. И. Старцев-Шишкарев называет в качестве ее причины известие о заседании военного совета в городском театре. К этому мнению присоединяется А. П. Березовский. К. И. Фельдман и Д. П. Алексеев добавляют еще известие о готовности солдат присоединиться к матросам после бомбардировки ⁷⁰.

Согласно воспоминаниям А. М. Коваленко, известие о совете явилось лишь непосредственным поводом к обстрелу, а главным было стремление команды перейти к активным действиям и препятствия военных властей в доставке провизии. По сообщению А. Н. Матюшенко, причина заключалась в невыполнении одесскими властями требований потемкинцев о доставке материалов и провизии ⁷¹.

К. Орлов считал причиной обстрела арест делегации потемкинцев, якобы вручившей командующему гарнизоном ультиматум с требованием освободить политических заключенных и снабдить «Потемкин» всем необходимым. Однако на самом деле ультиматум был послан уже после бомбардировки. Почти не отличается от этой версии рассказ Д. Т. Зыбалова, который объясняет бомбардировку отказом властей принять ультиматум, но ничего не говорит о посылке делегации ⁷².

Не меньшие расхождения имеются и в историографии. Е. Маевский назвал причиной обстрела известие о военном совете. В. Камшицкий полагал, что бомбардировка могла быть вызвана либо арестом депутации, либо промедлением с доставкой провизии. А. П. Платонов, П. П. Гришин и А. Питерский считали, что обстрел был вызван нападением полиции на матросов, возвращавшихся с похорон. А. И. Герасимов соглашался с такой точкой зрения *, но добавлял еще противодействие военных властей снабжению «Потемкина» ⁷³.

* Ошибка А. П. Платонова, П. П. Гришина, А. И. Герасимова и А. Питерского заключается в смещении ими событий во времени. На самом деле потемкинцы узнали об этом нападении только в 21 час, т. е. уже после обстрела (см., например, воспоминания А. Н. Матюшенко // ЦМР, ГИК, № 5138/3, л. 7-в).

Н. Н. Авдеев склонялся к тому, что причин было три, и объединял версии А. М. Коваленко, А. Н. Матюшенко и К. И. Фельдмана. А. В. Федоров, Н. Заднепровский и Н. Соколов приняли версию К. Орлова о посылке потемкинцами делегации для вручения ультиматума после похорон Г. Н. Вакуленчука. Однако они писали не об аресте делегации, а лишь об отказе командующего принять ультиматум⁷⁴.

Д. Норицын, С. Ф. Найда и Р. М. Мельников считали, что обстрел был вызван известием о скоплении войск в районе театра и дома командующего. М. А. Столяренко и С. А. Томилов в качестве главной причины выдвинули стремление потемкинцев перейти к активным действиям под влиянием известий о расстреле в порту и нападении полиции на матросов⁷⁵.

Наиболее вероятным объяснением причин обстрела, учитывая сообщения источников, представляется следующее: бомбардировка явилась результатом стремления передовой части потемкинцев перейти к активным действиям, отомстить за расстрел в порту, а ее непосредственным поводом стало известие о военном совете и готовности солдат присоединиться к матросам, если снаряды броненосца уничтожат командование гарнизона.

Итак, утром 16 июня пожар затих, и потемкинцы отправились в порт на разведку. Оказалось, что пожар ликвидировали сами рабочие с помощью пожарных команд и моряков торговых судов. Они спасли от огня и пуль тело Г. Н. Вакуленчука, соорудив вокруг него баррикады из мешков с песком. Матросы доложили о мужестве рабочих на броненосец. Судовая комиссия решила послать делегацию к военным властям с требованием предоставить возможность похоронить Вакуленчука на городском кладбище Одессы.

Трое потемкинцев были отправлены за мясом на городские бойни. В пути они подверглись нападению полиции. Один был убит, остальные арестованы. Известие об этом взволновало и озлобило команду «Потемкина». Однако немедленного возмездия не последовало. Вероятно, потемкинцы хотели сначала завершить дела, связанные с похоронами Вакуленчука.

Около 9 часов делегация с броненосца отправилась к командующему войсками для переговоров о похоронах. Вместе с ней поехал судовой священник «По-

темкина» иеромонах Пармен (Пименов), изъявивший желание помочь в организации погребения. Потемкинцы не любили его и называли «отцом Халдеем». Во время событий на Тендре он пытался оказать противодействие восстанию, за что А. Н. Матюшенко разбил ему нос стволом винтовки. Сойдя на берег, священник воспользовался первой возможностью, чтобы скрыться от матросов (впоследствии выяснилось, что он прихватил с собой и шесть рублей из личных денег потемкинца В. П. Кулика, которые тот дал ему на похороны)⁷⁶.

Встретив делегацию, командующий гарнизоном предложил ее членам похоронить Вакуленчука в 2 часа ночи. Матросы, уверенные в своей силе, с негодованием услышали ответ командующего и сочли его наглой дерзостью. Однако вскоре пришло письменное разрешение властей хоронить Вакуленчука в 2 часа дня с отдаванием его телу воинских почестей. Для сопровождения тела на кладбище разрешалось выслать почетный караул из 12 человек⁷⁷. Тем самым генерал С. В. Каханов признал свое бессилие перед огневой мощью «Потемкина». В 10 часов утра потемкинцы отправили на берег арестованных офицеров броненосца⁷⁸.

А в 12 часов представители буржуазии, опасаясь, что в ответ на расстрел в порту «Потемкин» начнет бомбардировку города, которая принесет им большие убытки, прислали на броненосец депутацию. Ее члены предложили помощь в снабжении углем и провизией. Потемкинцы согласились, но предупредили, что, если заказы не будут выполнены до 19 часов, броненосец начнет обстрел города⁷⁹.

Около 16 часов состоялись похороны Г. Н. Вакуленчука. Во время их соблюдались православные обряды, для чего был приглашен священник Приморской Николаевской церкви. После отпевания в церкви траурная процессия двинулась по улицам Одессы. Как писал участник восстания А. С. Зиновьев, потемкинцы считали, что похороны по религиозному обряду будут способствовать сплочению восставших матросов с широкими массами пролетариата, «среди которых тогда были сильны религиозные предрассудки и многие еще не допускали мысли о похоронах без участия попа»⁸⁰.

Один из очевидцев событий, одесский большевик,

в корреспонденции в газету «Пролетарий» так описал похороны Вакуленчука: «Гроб в серебряном катафалке, окруженный 12-ю матросами с попом во главе и хоругвеносцами, двинулся медленно по Преображенской. За гробом шла толпа, постепенно увеличившаяся в конце Преображенской, тысяч в 15. На окраинах присоединилось еще тысяч 5. Балконы были усеяны народом так же, как и прилежавшие улицы. И особенно много было рабочих на окраинах города... Шли стройно, без песен и без знамен...

Полиции — явной — и войска не было. Несколько раз процессию встречали на пути отряды солдат. Солдаты по команде офицеров салютовали процессии, беря ружья «на караул»...

Над могилой товарища ораторы социал-демократы говорили страстные революционные речи, призывая на борьбу, оценивая настоящий момент как начало восстания *. Ораторов поддерживали революционными возгласами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!» и т. д.

Разошлись при возгласах «Долой самодержавие!». Это долго раздавалось по улицам. Отъезжавших на берег матросов провожали громким «ура!», «не сдавайтесь!» ⁸¹.

Похороны Г. Н. Вакуленчука явились грандиозной демонстрацией единства восставших матросов и рабочих. Что же касается соблюдения религиозного эбрада, то это не только было уступкой несознательным массам, но и в известной мере гарантировало потемкинцам безопасность от возможных провокаций со стороны одесских властей. Вероятно, последнее обстоятельство сыграло в решении вопроса о способе погребения матроса-большевика главную роль.

Пока на берегу хоронили Вакуленчука, судовая комиссия «Потемкина» собралась на одно из своих самых важных заседаний. Обсуждалось два вопроса: об использовании «Вехи» и о создавшемся положении в связи с расстрелом в порту. Комиссия решила устроить на «Вехе» плавучий госпиталь. В 15 часов на судно перевезли 12 больных и раненых матросов и часть перевязочного материала, а провизию туда доставили еще утром. Командиром назначили кондуктора «Вехи» А. Ковалева и приказали ему отвести

* Одним из выступавших на траурном митинге был Е. М. Ярославский (Знамя коммунизма. 1955. 26 июня).

судно подальше от броненосца, к Пересыпи. Вероятно, потемкинцы хотели избежать попадания в «Веху» снарядов в случае боя. На ее мачте подняли флаг Красного Креста, и в 16 часов 25 минут она перешла на новое место⁸².

Главным вопросом обсуждения комиссии был вопрос о дальнейшей тактике восставших. К. И. Фельдман и А. П. Березовский настаивали на немедленном переходе в наступление. Они справедливо указывали, что пассивная тактика может скомпрометировать потемкинцев в глазах рабочих, а кроме того, в город продолжали прибывать войска. Комиссия согласилась с ними. Во время заседания к броненосцу подошла шлюпка с солдатами, которые сообщили, что в городском театре собрались на совет военные и городские власти и если орудия «Потемкина» уничтожат их, то солдаты присоединятся к матросам. Комиссия решила открыть огонь по театру. Команду собрали на митинг.

Первым выступил К. И. Фельдман. Он призвал матросов немедленно начать бомбардировку и захват города. Большинство команды одобрило его речь. Но кондукторы и подстрёкаемая ими часть новобранцев начали кричать о несогласии с бомбардировкой и вновь выдвинули требование убрать с корабля «вольных». По наблюдениям А. М. Коваленко, в тот период за кондукторами шло около 70 матросов. Обстановку разрядил член судовой комиссии большевик И. А. Дымченко. Он потребовал, чтобы несогласные с решением комиссии вышли из толпы и высказали свое мнение открыто. Предатели тут же смолкли, но революционные матросы стали требовать от них объяснения их позиции. Изменники поспешили скрыться. Выступления К. И. Фельдмана и И. А. Дымченко укрепили революционный дух потемкинцев и впервые позволили перед всей командой разоблачить предательское поведение кондукторов. Итог собранию подвел в своей речи А. Н. Матюшенко. Он призвал матросов к единству и решительным действиям. «Впечатление от речи Матюшенко,— вспоминал А. П. Березовский,— было громадно. Многие лица так и горели одушевлением. Единодушие состоялось полное»⁸³.

В 18 часов 35 минут «Потемкин» снялся с якоря и отошел в море на полторы мили. Здесь он развернулся к Одессе правым бортом и произвел три предупредительных выстрела из 37-миллиметровой

пушки. Затем на фок-мачту броненосца взлетел боевой красный вымпел, и в 19 часов 5 минут он дал первый, а спустя 10 минут — второй выстрел по Одессе из 152-миллиметровых орудий: первый — фугасным, второй — бронебойным снарядами *. Впервые в истории артиллерия военного корабля вступила в бой за революцию. Стреляли комендоры А. К. Борчан и М. Г. Гасаненко. Подносил снаряды А. С. Зиновьев⁸⁴. Первый снаряд был направлен в дом командующего войсками, второй — в дом градоначальника. Далее предполагалось разбомбить театр. Однако выстрелы в цель не попали, что объяснялось предательством сигнальщика Ф. А. Веденмеера, сообщившего, как выяснилось позже, неверные прицельные данные.

Первый снаряд, по сообщению газеты «Русское слово», «ударился о карниз дома... № 71, на углу Нежинской и Спиридоновской ул[иц]... Громадный кусок карниза, шириною почти в сажень, вместе с частью крыши, рухнул на тротуар. Когда пыль улеглась, глазам опомнившихся прохожих представилась большая брешь, образовавшаяся в фасаде здания. Многие бросились к загроможденному камнями тротуару разыскивать осколки бомбы. Их находили во множестве. Осколки, доставшиеся мальчикам, продавались желающим сохранить по рублю за штуку... Фотографы-любители делали один снимок за другим. Вся улица была запружена любопытными.

Второй выстрел, выпущенный с броненосца, мигом очистил улицу от любопытных. Город словно вымер». Бронебойный снаряд, «перелетев через крыши домов всего города, ударился о карниз третьего этажа дома Стрепетова в предместье по Бугаевской ул[ице], где пробил два просвета, и, разрушив стену, понесся дальше.

В доме поднялась тревога. Жильцы, охваченные безотчетным страхом, выбежали на улицу и с воплями и криками пустились бежать в поле. Сила полета снаряда вскоре ослабела, он стал опускаться все ниже и, достигнув здания сахарного завода Александровского товарищества, разрушил забор сада,

* С. А. Томилов ошибочно указывает, что три первых выстрела были пристрелочными и делались из 47-миллиметровой пушки (Томилов С. А. Броненосец «Потемкин». Одесса, 1975. С. 48).

прилегающего к квартире помощника управляющего завода Гольдфарба, и, упав, зарылся в землю»⁸⁵.

Жертв не было, но весь город охватила паника. Группа солдат семафором передала на броненосец: «Продолжайте бомбардировку, завтра присоединимся к вам». Тут Ф. А. Веденмеер совершил второе предательство. Он обманул матросов, сказав, что с берега махали белым флагом. Хотя в наступивших сумерках не было видно флага, многие стали требовать прекращения обстрела из опасения перебить мирных жителей. Матросы решили сначала послать властям ультиматум и напечатать обращение к войскам и населению с предупреждением о бомбардировке и призывом переходить на сторону революции. В случае отказа властей удовлетворить их требования матросы постановили начать захват города при поддержке артиллерии броненосца. Предварительно намечалось установить единство действий с одесскими социал-демократами⁸⁶.

Это была первая попытка потемкинцев перейти к решительным действиям. Написанное ими обращение было озаглавлено «К казакам и армии». В нем говорилось: «Матросы «Князя Потемкина» обращаются к вам, солдаты и казаки, складывайте оружие и дайте все — под общей кровлей — завоем свободу своему народу.

Мирных же жителей города Одессы просим выехать подальше, так как в случае принятия против нас насильственных мер превратим Одессу в грудку камней.

Организация матросов «Князь Потемкин-Таврический»⁸⁷.

Командующий войсками отказался вести непосредственные переговоры с матросами. Однако он не препятствовал их возвращению на корабль из-за угрозы повторения обстрела. Еще большее впечатление произвела бомбардировка на солдат гарнизона. «Солдаты говорили, — сообщал «Пролетарий», — что присоединятся к матросам, как только они появятся в городе»⁸⁸.

Делегаты встретили в порту своих товарищей, принимавших участие в похоронах Вакуленчука. Они рассказали, что похороны стали свидетельством единства восставших матросов и пролетариев Одессы. Власти не вмешивались и даже предоставили матро-

сам извозчиков для возвращения в порт. Но здесь их в 17 часов обстреляла рота солдат. Двое потемкинцев были убиты, двое ранены, и двое попали в плен⁸⁹. Этот рассказ еще более усилил стремление революционных моряков начать активные действия.

Выстрелы «Потемкина» вызвали панику среди одесской буржуазии. Началось ее бегство из города. Газета «Вестник Юга» писала, что господа и дамы «не брезгали даже товарными поездками»⁹⁰. Исполняющий обязанности городского головы К. А. Андреевский просил министерство внутренних дел «принять экстренные и действенные меры», поскольку «в городе сильное волнение, власти лишены средств успокоить население благодаря угрожающему положению броненосца»⁹¹.

Одесское командование, не надеясь на местный гарнизон, вызвало подкрепления. Еще днем в город прибыл 206-й Ларго-Кагульский полк. Вечером подошли шесть батарей 15-й артбригады, вызванные из Тирасполя. Им приказали занять позиции на Ланжероне и стрелять шрапнелью по палубе броненосца, если «Потемкин» снова откроет огонь по городу⁹².

Но разумеется, ни снаряды легких полевых пушек, ни тем более шрапнель не могли нанести броненосцу существенных повреждений. «Потемкин» мог уничтожить батареи несколькими залпами вспомогательной артиллерии. К тому же дистанция боя корабельных орудий значительно превосходила дальнбойность полевых пушек, и броненосец имел возможность бомбардировать город, находясь вне радиуса обстрела полевой артиллерии. Все потемкинцы прекрасно понимали бессилие одесских властей в борьбе с ними, поэтому их возмутило высокомерие командующего и его отказ принять делегатов. Команда твердо решила начать на следующий день захват города. Удачный выход избежать напрасных жертв среди населения нашел член судовой комиссии большевик С. А. Денисенко. Он предложил обстреливать только заведомо известные места скопления войск — Ланжерон и бульвар. Задача облегчалась еще и тем, что эти районы находились на значительной высоте над уровнем моря и представляли хорошую цель, а рабочие кварталы Пересыпи располагались ниже, у самого берега моря. Поздно вечером потемкинцы разошлись на отдых, уверенные в будущей победе⁹³.

Таким образом, обстрел Одессы был вызван стремлением передовой части команды начать активные действия в связи с готовностью рабочих и солдат гарнизона присоединиться к матросам. При этом большое влияние на изменение тактики потемкинцев имел их непосредственный контакт с ведущим борьбу пролетариатом вечером 15 и утром 16 июня. Усиление борьбы рабочих оказало влияние на несознательных членов команды и способствовало переходу потемкинцев к решительным действиям, подтвердив положение В. И. Ленина о связи военных восстаний с размахом борьбы пролетариата. Согласие команды «Потемкина» на обстрел и десант явилось победой социал-демократов в политическом воспитании матросов.

« Немой бой »

---

1. Борьба за переход эскадры на сторону революции

Одним из наиболее сложных вопросов революционной теории является вопрос о тактике привлечения правительственных войск. Встреча «Потемкина» с царской эскадрой («немой бой») дает один из примеров решения этого вопроса. Задача данного исследования заключается в выяснении причин, по которым эскадра не выполнила план «Централки» и не присоединилась к «Потемкину», в освещении тактики восставших при встрече с эскадрой и влияния событий на дальнейший ход восстания. Для этого необходимо прежде всего выявить с возможной полнотой события «немого боя», положение и расстановку сил на кораблях эскадры.

Царское правительство, узнав о восстании на «Потемкине» и его приходе в бастующую Одессу, приказало командующему Одесским военным округом подавить выступление любой ценой. Одновременно командование Черноморского флота принимало для этого свои меры. Младший флагман контр-адмирал Ф. Ф. Вишневецкий днем 15 июня вызвал командиров группы кораблей и приказал им готовиться к походу против «Потемкина». В ответ командиры заявили, что экипажи ненадежны и рассчитывать можно лишь на кондукторов. Только командиры броненосцев «Три Святителя» И. А. Веницкий и «Двенадцать Апостолов» М. Н. Коланде поручились за свои команды. Причем М. Н. Коланде вызвался потопить «Потем-

кин» таранным ударом или, сблизившись вплотную, взорваться вместе с ним¹.

В 1 час ночи 16 июня из Севастополя в Одессу под флагом контр-адмирала Ф. Ф. Вишневецкого вышла эскадра в составе броненосцев «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Двенадцать Апостолов», минного крейсера «Казарский» и миноносек № 255, 258, 272 и 273. Перед уходом с них списали на берег находившихся под подозрением и политически неблагонадежных матросов. Например, с «Георгия Победоносца» списали, по неполным данным, 22 человека. По воспоминаниям М. Л. Волгина, на броненосце «Двенадцать Апостолов» сознательных матросов осталось 5—7% от всей команды². Эти впервые приводимые данные имеют важное значение для характеристики положения на эскадре, правильного освещения хода и результатов «немого боя».

В морском министерстве узнали о «Потемкине» 15 июня в 13 часов. Управляющий министерством адмирал Ф. К. Авелан немедленно вышел с докладом к Николаю II. На докладе царь наложил следующую резолюцию: «Где находится главный командир? Уверен, что ему удастся справиться с бунтом и жестоко наказать возмущившуюся команду». При этом он подчеркнул слова «уверен» и «жестоко наказать». Вечером Николай II направил телеграмму командующему Одесским военным округом с требованием «принять немедленно самые жестокие и решительные меры к подавлению восстания как на «Потемкине», так и среди населения порта». В свой дневник царь записал: «Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Князь Потемкин-Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе! Просто не верится!» Испытывая ненависть к восставшим, Николай Кровавый начал лично разрабатывать проекты примерной казни «бунтовщиков» на Воронцовском молу в Одессе перед всем Черноморским флотом и Одесским гарнизоном³.

Управляющий морским министерством направил срочную телеграмму старшему флагману Черноморской флотской дивизии вице-адмиралу А. Х. Кригеру: «Следуйте немедленно со всей эскадрой и минными судами в Одессу. Предложите команде «Потемкина» покориться, если получите отказ, то немедленно по-

топите броненосец двумя минами с миноносцев, которые приготовить раньше, дабы не дать возможности «Потемкину» успеть открыть огонь по городу и судам. Спасаящуюся команду «Потемкина», если будет сопротивляться, расстреливать, а остальных сдавать командующему войсками для заключения под стражу»⁴.

Утром 16 июня командующий Черноморским флотом вице-адмирал Г. П. Чухнин, находившийся в Петербурге, был вызван к царю для личной беседы. Содержание ее неизвестно. Вероятно, царь настаивал на скорейшем подавлении восстания и требовал не останавливаться даже перед потоплением «Потемкина»⁵.

В тот же день Севастополь, Николаев и Эриванская губерния были объявлены на военном положении⁶. В Севастополе вице-адмирал А. Х. Кригер, получив вышеприведенную телеграмму Ф. К. Авелана, стал готовить против «Потемкина» вторую эскадру. 17 июня около 19 часов из Севастополя вышли эскадренные броненосцы «Ростислав» под флагом А. Х. Кригера, «Синоп» и контрминоносцы «Строгий» и «Свирепый»⁷.

Тем временем одесские власти слали в Петербург одну телеграмму за другой с тревожными сообщениями: ««Потемкин» пустил снаряды», «Шлюпки подвозят толпе оружие», «Вызваны еще три полка артиллерии»⁸.

Морской министр Ф. К. Авелан и начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал М. А. Данилевский сообщили в Одессу о выходе двух эскадр и просили приготовить войска для ареста потемкинцев на берегу, так как флот имеет полномочия потопить мятежников⁹.

В Севастополе остались лишь броненосцы «Чесма» и «Екатерина II». На последнем, как уже упоминалось, еще 14 июня, во время вечерней молитвы, произошло стихийное возмущение команды. Матросы потребовали улучшить бытовые условия. Командир капитан первого ранга А. К. Дриженко бежал от разгневанных матросов, и офицерам едва удалось их успокоить. На следующий день контр-адмирал Ф. Ф. Вишневецкий приказал «Екатерине II» приготовиться к походу. Командир броненосца, не рискуя выходить с таким экипажем против «Потемкина», распорядился срочно разобрать машину. Адмиралу он ответил, что машина

неисправна и, кроме того, не хватает угля¹⁰. Таким образом, «Екатерина II» осталась в Севастополе вместе с «Чесмой», команда которой также считалась политически неблагонадежной. Исключение из операции «Екатерины II» — самого революционного броненосца с наиболее крепкой и многочисленной социал-демократической организацией,— несомненно, оказало большое влияние на исход восстания «Потемкина». Общая обстановка на флоте была настолько накалена, что социал-демократам «Екатерины II» не удалось удержать команду от преждевременной вспышки. Этим была значительно снижена возможность выполнения планов «Централки» о восстании всего Черноморского флота.

Отряд Вишневецкого в 17 часов 20 минут подошел к Тендре, и контр-адмирал вызвал командиров кораблей на совещание. Он заявил им, что рассчитывает обойтись без боя и взять мятежников измором, поскольку одесские власти получили приказ не допускать снабжения «Потемкина». Затем Вишневецкий добавил, что миноносцы должны приготовиться к торпедной атаке и, если представится возможность, атаковать «Потемкин». В заключение он раздал командирам копии своего приказа, в котором сообщалось о потемкинском «бунте» и объявлялась задача похода. Около 19 часов этот приказ зачитали командам всех кораблей¹¹.

Матросы эскадры узнали о «Потемкине» раньше. Например, команда «Георгия Победоносца» ночью во время похода оживленно обсуждала события. Моряки неоднократно обращались к своим начальникам с вопросом: «Правда ли, что мы идем усмирять взбунтовавшуюся команду «Потемкина», который стоит теперь в Одессе?»¹² Машинный квартирмейстер П. Гуляев еще до приказа Вишневецкого открыто заявил офицерам об отказе команды стрелять в «Потемкин»¹³. После прочтения адмиральского приказа и обращения командира «Георгия Победоносца» И. Е. Гузевича к команде с призывом «исполнить свой долг» только 50—60 человек, по наблюдению поручика Фармаковского, ответили «постараемся», остальные молчали. О том же свидетельствует в своих воспоминаниях матрос Н. Ф. Безбах¹⁴. Революционно настроенные моряки убеждали комендоров не стрелять в «Потемкин»¹⁵. В результате те заявили, что не

будут наводить орудия на восставшие корабли. Боцман «Геorgia Победоносца» А. А. Воронов предупредил команду «Двенадцати Апостолов», что если она будет стрелять в «Потемкин», то по их броненосцу откроет огонь вся эскадра¹⁶. И. Е. Гузевич, видя настроение команды, уверял ее, что боя с «Потемкиным» не будет¹⁷.

Во время стоянки на Тендре революционно настроенные моряки броненосца «Двенадцать Апостолов» вместе со старшим инженером-механиком Герасимовым собрались на сходку в машинном отделении. Герасимов сообщил им о намерении командира корабля М. Н. Коландса таранить и взорвать «Потемкин». Моряки решили сорвать замысел командира. К ним присоединился мичман Гофман. Он сказал, что поставит у штурвала матроса Филеева, который не даст «Двенадцати Апостолам» таранить «Потемкин»¹⁸.

На минном крейсере «Казарский» к моменту встречи с «Потемкиным» траверзный аппарат был заряжен боевой торпедой¹⁹. Но командир крейсера капитан второго ранга В. К. Ревелиоти даже не пытался атаковать броненосец.

Возможно, и на других кораблях матросы с сочувствием встретили известие о «Потемкине», и именно поэтому, несмотря на приказ срочно подавить восстание, царский адмирал не решился на открытый бой с восставшим броненосцем.

Аналогично были настроены команды кораблей эскадры А. Х. Кригера. Однако в отличие от первой эскадры большинство матросов до объявления приказа старшего флагмана не сразу поверили в возможность восстания на «Потемкине». Причина заключалась, вероятно, в следующем. Как известно, еще перед выходом «Потемкина» на Тендру со всех кораблей списали на берег неблагонадежных матросов. Возможно, перед походом на кораблях эскадры Кригера провели дополнительную чистку, как и на кораблях Вишневецкого. В результате их революционные организации оказались чрезвычайно ослаблены. Например, на флагманском броненосце «Ростислав» осталось только десять социал-демократов. В невероятно трудных условиях они вели среди новобранцев открытую агитацию за присоединение к «Потемкину», им удалось убедить молодых матросов в достоверности известий о восстании. Новобранцы отказались дейст-

зовать против «Потемкина». На миноносце «Свирепый» революционно настроенные моряки по инициативе члена «Централки» большевика Ф. Г. Мартыненко испортили торпеды ²⁰.

Опасаясь перехода команд на сторону потемкинцев, контр-адмирал Ф. Ф. Вишневецкий стоял на Тендре в полной нерешительности. А между тем одесские власти ждали эскадру с 15 часов. Только надеждой на ее приход и можно объяснить отказ командующего войсками принять ультиматум потемкинцев после обстрела города. Но контр-адмирал не спешил. В 19 часов 55 минут он послал в Одессу миноноски № 255 и 258 с задачей разведать местоположение «Потемкина». Около 21 часа Вишневецкий направил командиру Одесского порта генерал-майору В. П. Перелешину телеграмму с извещением о приходе и запросил данные о месте стоянки и настроении команды восставшего броненосца. Командующий войсками генерал С. В. Каханов послал Ф. Ф. Вишневецкому необходимые сведения с просьбой прибыть в Одессу возможно скорее. Одновременно он отправил телеграмму адмиралу Г. П. Чухнину с просьбой поторопить Ф. Ф. Вишневецкого ²¹.

На следующий день, 17 июня, в 4 часа 10 минут эскадра Вишневецкого снялась с якоря и пошла в Одессу. Но в 4 часа 45 минут она остановилась, чтобы встретить вернувшиеся из Одессы миноноски № 255 и 258. В 4 часа 50 минут миноноски подошли к «Трем Святителям» и сообщили о результатах разведки. В 5 часов 25 минут контр-адмирал отдал приказ о продолжении похода. Эскадра легла курсом на Одесский маяк. Корабли медленно шли восьмизловым ходом ²²: контр-адмирал так боялся восставших, что всемерно затягивал встречу с «Потемкиным».

Потемкинцы ждали эскадру всю ночь. Стояли на постах - сигнальщики. Сильный прожектор освещал горизонт и подходы к порту. За несколько часов до прихода эскадры на «Потемкине» перехватили радиogramму неизвестного корабля, в которой сообщалось о месте стоянки мятежного броненосца. Матросы начали готовиться к встрече с эскадрой. Для уточнения боевой готовности избрали особую комиссию из нескольких специалистов. Она обследовала все отсеки и боевые части корабля. «Потемкин» был полностью готов к бою. Не хватало только угля для

прожекторов, и за ним решили послать в город ²³.

До сих пор остается неясным вопрос об избранной потемкинцами тактике встречи с эскадрой. К. И. Фельдман предлагал остановить ее на горизонте, передав приказ стать на якорь, затем послать миноноску для ареста офицеров, а встретив отказ, открыть огонь по кораблям. Ему возражали другие члены комиссии во главе с А. П. Березовским. Они были уверены, что матросы эскадры первыми не выпустят в «Потемкин» ни одного снаряда. А если их броненосец сам начнет бой, то некоторые комендоры могут ответить, и тогда огонь подхватит вся эскадра. Неизвестно, к какой точке зрения пришла комиссия. У А. П. Березовского об этом не сказано. А. М. Коваленко и К. М. Перельгин настаивают на поддержании второго мнения. К. И. Фельдман пишет, что прошло его предложение, хотя впоследствии он и понял его ошибочность. Вероятнее всего, правы А. М. Коваленко и К. М. Перельгин, поскольку потемкинцы именно так и поступили. По воспоминаниям А. М. Коваленко и показаниям А. С. Галенко, комиссия решила начать бой только в случае явно враждебных действий со стороны эскадры, а если исход боя окажется роковым для «Потемкина», взорвать броненосец и погибнуть вместе с ним. «Такое решение,— рассказывает А. М. Коваленко,— сейчас же было сообщено всей команде, которая единодушно одобрила его». Члену Одесского комитета большевиков И. П. Лазареву комиссия поручила при встрече с эскадрой наблюдать за действиями прапорщика Д. П. Алексеева, чтобы не допустить предательства с его стороны ²⁴.

Ранним утром потемкинцы перехватили радиограмму: «Ясно вижу. «Ростислав»», а затем вторую: «Мы телеграфируем вам на расстоянии 5...» Эскадра была близка. Потемкинцы решили произвести разведку. Они нашли в порту новенький теплоход — ледокольное судно «Смелый» со скоростью 20 узлов. Командовал им капитан В. А. Кривоходкин. Он согласился помочь потемкинцам. Около 7 часов на «Смелом» отправились в разведку к Тендре 12 потемкинцев во главе с Е. К. Резниченко. Через десять минут они обнаружили эскадру Вишневецкого. В поисках кораблей Кригера Резниченко решил пройти мористее, но его заметили и дали сигнал остановиться. Теплоход продолжал следовать прежним курсом, не обращая

внимания на миноносец, начавший погоню за судном. Чтобы заставить «Смелый» остановиться, миноносец сделал несколько холостых выстрелов. Е. К. Резниченко приказал форсировать ход. «Стоп пары, пушу ко дну», — пригрозил по семафору миноносец. «Иду без паров», — ответил Е. К. Резниченко. Впоследствии К. И. Фельдман отметил, что в ту минуту опасности Е. К. Резниченко «не был лишен чувства юмора»²⁵. «Смелый» развил предельный ход, и скоро миноносец отстал от него: его командир решил, что судно спасается бегством, приняв эскадру за восставшие корабли*.

В 8 часов 10 минут с «Потемкина» увидели эскадру Вишневецкого. Она медленно приближалась шестиузловым ходом. Потемкинцы выбрали якорь и начали поднимать пары²⁶.

«Черноморцы удручены вашим поступком, — передал на мятежный броненосец по радиотелеграфу Ф. Ф. Вишневецкий. — Кончайте скандал. Смиритесь. Повинную голову и меч не сечет. Объясните, чего вы хотите. Будьте благоразумны. Адмирал Вишневецкий».

«Потемкин» ответил: «Неясно вижу. Пожалуйста, увеличьте искру и повторите вашу работу».

Вишневецкий повторил радиограмму, но потемкинцы ему не ответили. Революционный броненосец дал ход и пошел навстречу эскадре. «Убедительно вас просим, как своего начальника, пришлите к нам дать совет от всей команды», — передал он на «Три Святителя». Предлагая адмиралу прислать делегатов от команды флагманского корабля, потемкинцы, видимо, хотели вступить в непосредственный контакт с матросами эскадры и поднять их на восстание.

Контр-адмирал Ф. Ф. Вишневецкий, видя, что «Потемкин» приближается, приказал пробить боевую тревогу. Одновременно, уходя от «Потемкина», он приказал эскадре повернуть на 8 румбов влево и увеличить

* В работах П. П. Гришина и Р. М. Мельникова при описании этого момента имеется хронологическая ошибка. Они отнесли разведку ко времени между уходом эскадры Вишневецкого и появлением эскадры Кригера (Гришин П. П. Уроки «Потемкина» и тактика вооруженного восстания. М.; Л., 1932. С. 34; Мельников Р. М. Броненосец «Потемкин». Л., 1980. С. 158). Против них свидетельствуют мемуары К. И. Фельдмана и показания капитана «Смелого» В. А. Кривоходкина, причем последний называет точное время выхода своего корабля на Тендру — около 7 часов, т. е. до прихода эскадры Вишневецкого (ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 172 об.).

ход до 12 узлов. В 8 часов 58 минут «Потемкин» прекратил преследование эскадры и вернулся на рейд²⁷.

Если верить воспоминаниям И. А. Лычева и работе А. В. Федорова, Ф. Ф. Вишневецкий в ответ на предложение потемкинцев запросил делегацию для переговоров, и она направилась на миноноске № 267 к флагманскому кораблю. Число делегатов И. А. Лычев определил в семь человек, включая К. И. Фельдмана и А. П. Березовского. Однако в мемуарах последних сведения о делегации отсутствуют. Не отмечен данный факт и в других источниках. Вишневецкий действительно запросил делегацию от «Потемкина», но не при первой встрече с ним, а несколько позже. Во время же первой встречи Вишневецкий, получив последнюю радиограмму потемкинцев, в 8 часов 45 минут ушел в открытое море. Он боялся, что команды его кораблей присоединятся к восставшим. Офицеры эскадры почти не надеялись на своих матросов. Даже на флагманском корабле, писал 16 июля 1905 г. вице-адмирал Г. П. Чухнин морскому министру, «...офицеры в кают-компаниях бр[оненосца] «Три Святителя» громогласно разбирали вопрос, как поступать, ежели команда взбунтуется: следует ли употребить оружие или сдаваться. При чем тенденция была к сдаче и даже позволению себя вязать, так как сопротивление все равно бесполезно, так как убьют»²⁸. Бегство Вишневецкого потемкинцы расценили как подтверждение своей военно-политической мощи, их боевое настроение значительно повысилось.

Отряд Вишневецкого бежал от «Потемкина» в Тендровскую бухту. Там намечалась его встреча с эскадрой Кригера. В 9 часов 45 минут ее заметили с «Трех Святителей». Еще не зная о неудачном походе Вишневецкого в Одессу, Кригер в 10 часов 10 минут с удивлением запросил: ««Три Святителя», за чем дело стало? Почему не идете... в город Одессу?»²⁹ Ф. Ф. Вишневецкий растерялся и ничего не ответил.

Не дождавшись ответа, Кригер через пять минут передал: ««Три Святителя», в бр[оненосец] «Потемкин» не стрелять, это мое мнение, чтобы не повредить город»³⁰. Заботился адмирал конечно же не о городе. Он боялся восстания матросов в ответ на приказ стрелять в «Потемкин».

По свидетельству водолаза с «Георгия Победоносца» З. О. Левченко, «все офицеры были очень взволно-

ваны». Когда Левченко спросил старшего офицера: «Что ж, ваше благородие, неужто нас 5 броненосцев, и мы не можем взять его, «Потемкина»?» — старший офицер ответил: «Если бы я знал каждого матроса, а то ведь мы не уверены в каждом, а вдруг взбунтуются?»³¹

В 10 часов 30 минут эскадры соединились, и А. Х. Кригер вызвал командиров кораблей на совещание. О чем на нем шла речь, неизвестно. Вероятно, Кригер, узнав о результатах похода в Одессу, потребовал от Ф. Ф. Вишневецкого решительных действий и запросил командиров о настроении команд. Сведения он получил самые неутешительные. Но из Петербурга требовали подавить восстание, и Кригеру пришлось подчиниться приказу: в 11 часов 5 минут соединенная эскадра дала ход. Перед этим Вишневецкий отправил на «Потемкин» радиограмму: «В доказательство вашей искренности пришлите уполномоченных от команды на «Три Святителя» для мирных переговоров, ручаюсь [за] их безопасность. Мы идем [в] Одессу. Адмирал Вишневецкий»³².

В это время потемкинцы готовились к новой встрече с эскадрой. Судовая комиссия снова собралась на заседание. Матросы еще раз провели смотр боевой готовности, во время которого был выявлен недостаток некоторых материалов. За ними на берег послали матроса С. М. Шендерова, с которым отправился представитель Соединенной комиссии член Одесского комитета РСДРП И. П. Лазарев. На него возлагалась задача установить постоянную связь с большевистским комитетом и просить его прислать на «Потемкин» опытных агитаторов, специальную литературу и подробные планы города. Последнее показывает, что после встречи с отрядом Вишневецкого комиссия была уверена в присоединении эскадры и собиралась после ее прихода начать захват Одессы. Для постоянной связи с берегом был выделен паровой катер³³. К сожалению, С. М. Шендерова арестовали, а И. П. Лазарев не смог попасть на броненосец, так как полиция оценила порт.

На том же заседании судовая комиссия пересмотрела план встречи с эскадрой. Матросы решили вызвать Ф. Ф. Вишневецкого на борт «Потемкина». «Комиссия рассчитывала, — сообщал К. И. Фельдман, — что это требование вызовет негодование адмирала и заставит его отдать приказ стрелять по «Потемкину», что

неизбежно должно было вызвать восстание на кораблях эскадры»³⁴.

Расчет потемкинцев на сочувствие команд других кораблей был верным. Недаром А. Х. Кригер, зная настроение своих матросов, заранее отказался от артиллерийского боя с «Потемкиным». Но командование флота могло укомплектовать миноносцы офицерскими экипажами и послать их в торпедную атаку. Кроме того, офицеры броненосцев могли для завязки боя сами сделать первый выстрел по «Потемкину». Поэтому комиссия готовилась к встрече с эскадрой как к возможному бою.

После заседания инженер-механик А. М. Коваленко, проверив готовность трюмных машинистов, отправился смотреть организацию боевого лазарета. Там он застал только фельдшера и санитаров. А. С. Галенко в лазарете не было. Оказалось, что он перешел на «Веху» для устройства госпиталя и забрал с собой почти все медикаменты. Это граничило с предательством: в случае боя раненые матросы оставались без необходимых лекарств и даже без перевязочного материала, не говоря уже о квалифицированной помощи. А. М. Коваленко возмутился и доложил комиссии. На «Веху» за врачом послали катер. А. С. Галенко пришлось вернуть часть медикаментов и перевязочные материалы, но сам он остался на «Вехе»³⁵. Члены судовой комиссии, занятые подготовкой к бою, не обратили тогда должного внимания на поведение А. С. Галенко. Они и представить не могли, какую подлую роль сыграет он в дальнейших событиях.

Перед боем моряки «Потемкина», следуя старой традиции, переоделись в форму «первого срока». Они готовились победить или умереть за революцию. Кондукторы попробовали вызвать панику среди новобранцев, но их попытки успеха не имели. Революционная агитация и личный пример социал-демократов сплотили команду. К тому же ее вели не только рядовые матросы, но и инженер-механик поручик А. М. Коваленко³⁶.

Соединенная эскадра подошла к Одессе около полудня. В 12 часов 5 минут «Потемкин» снялся с якоря и взял курс навстречу эскадре, которая двигалась в строю двойного фронта десятиузловым ходом. В первой колонне шли эскадренные броненосцы «Ростислав», «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Синоп» и

«Двенадцать Апостолов», во второй — минный крейсер «Казарский», контрминоносцы «Строгий», «Свирепый», миноносцы № 272, 273, 255 и 258. По приказу адмирала Ф. Ф. Вишневецкого «Казарский» приготовился к торпедной атаке. Растянутые по фронту корабли заняли весь фарватер и отрезали «Потемкину» выход в открытое море³⁷. Корабли эскадры имели громадное превосходство в артиллерии: против четырех 305-миллиметровых и шестнадцати 152-миллиметровых орудий «Потемкина» эскадра выставила 20 305-миллиметровых, четыре 254-миллиметровых, 34 152-миллиметровых и четыре 120-миллиметровых орудия, не считая мелких пушек и торпедных аппаратов.

Моряки эскадры с волнением следили за «Потемкиным», который один шел навстречу царскому флоту. «Вот кому честь и слава, он будет памятен в русской истории», — заявил машинист «Георгия Победоносца» И. С. Моторный³⁸.

На «Потемкине» общее руководство взяла на себя группа членов судовой комиссии во главе с А. Н. Матюшенко. Они расположились в боевой рубке. Прапорщик Д. П. Алексеев отказался командовать кораблем в случае боя. Он сказал, что болен, умолял отправить его на берег и даже разыграл обморок. Но члены комиссии заставили Алексеева идти в боевую рубку³⁹, вероятно, предполагая, что в бою он будет вынужден воспользоваться своими знаниями офицера и поможет потемкинцам, хотя бы ради спасения собственной жизни.

«Потемкин» шел навстречу эскадре. На гафеле его развевался Андреевский флаг, а на фок-мачте — боевой красный вымпел. Корабли эскадры шли только под Андреевским флагом. Адмирал не решился принять смелый вызов восставшего броненосца.

Приближаясь к эскадре, «Потемкин» поднял сигнал: «Команда просит прибыть командующего флотом». ««Потемкин», стать на якорь!» — потребовал в ответ А. Х. Кригер. Тотчас с «Потемкина» передали семафором на «Синоп», «Двенадцать Апостолов» и «Три Святителя»: «Стать на якорь!» Затем на мачту броненосца взлетел сигнал: «Эскадре стать на якорь»⁴⁰.

Кригер снова приказал «Потемкину» остановиться. На эти сигналы броненосец ответил: «Стопорить машины», «Становиться на якорь» — и продолжал идти на эскадру, наводя орудия на флагманские корабли.

Кригер приказал пробить боевую тревогу. Когда этот приказ получили на «Георгии Победоносце», матросы встретили его криками: «Не будем стрелять! Не пойдем по орудиям! Не желаем мы драться с «Потемкиным»!» Несколько матросов вооружились ножами и стали у орудий в караул⁴¹.

«Потемкин» в это время потребовал: ««Ростиславу» и «Трем Святителям» застопорить машины». В ответ «Ростислав» в третий раз поднял сигнал: ««Потемкину» стать на якорь». С броненосца просигналили: ««Ростиславу» и «Трем Святителям» застопорить машины, иначе стрелять буду». Адмиральские корабли подчинились приказу «Потемкина»⁴², а на нем взвился новый сигнал: «Команда просит прибыть командующего флотом».

Пока А. Х. Кригер думал, что ответить восставшим, «Потемкин» в 12 часов 45 минут вошел в строй эскадры между «Ростиславом» и «Тремя Святителями»⁴³. Очевидец, матрос с «Ростислава», рассказывал: «На «Ростиславе» все затихло, замерло, притаилось и томительно ждет чего-то страшного, таинственного. А «Потемкин» гордо, смело, величественно идет между нами, не спуская пушек с намеченной цели. Вот он стал направлять свою большую 12-дюймовую пушку на мостик, где куча офицеров, онемев от ужаса, стоит, не шелохнувшись; увидав же, что на них целятся, они, как стадо скотов, шарахнулись, кто куда попал, а один из них, некто мичман Высококов, схватившись за ногу, с криком «ой, нога, нога!» убежал.

А на «Потемкине» ни души не видать, как будто это волшебное заколдованное судно, как будто это призрак. Одни лишь пушки ворочаются, не спуская намеченной цели... Казалось, что это сон, а не действительность»⁴⁴.

Рулевой «Потемкина» большевик М. М. Костенко повернул броненосец форштевнем к «Ростиславу». Он хотел, вероятно, угрозой тарана или торпедной атаки заставить адмиралов отдать приказ стрелять в «Потемкин» и вызвать тем самым восстание на флагманских кораблях.

Адмиралы действительно испугались маневра «Потемкина»: Ф. Ф. Вишневецкий с «Трех Святителей» семафором напомнил А. Х. Кригеру: ««Потемкин» имеет боевые мины Уайтхеда» (торпеды.— Б. Г.).

В этот момент командир броненосца Д. П. Алек-

сеев совершил очередное предательство. Он передал в машинное отделение приказ: «Левой машине полный ход вперед, а правой назад». Маневр был сорван. Но «Потемкин» развернулся и снова направил форштевень в борт «Ростислава», которому удалось уклониться. «Потемкин» средним ходом прорезал строй эскадры и вышел в открытое море. На «Ростиславе» подняли сигнал: ««Потемкину» стать на якорь», а затем Кригер приказал направиться вслед броненосцу. «Потемкин» развернулся и, дав полный ход, пошел навстречу эскадре. С него передали семафором: ««Синоп», «Три Святителя», «Двенадцать Апостолов», стать на якорь». В ответ А. Х. Кригер предложил: ««Князь Потемкин-Таврический», прислать к адмиралу число людей, назначенных для переговоров». «Команда просит командующего эскадрой», — ответили с «Потемкина»⁴⁵.

В 12 часов 55 минут революционный броненосец начал вторично прорезать строй эскадры между «Синопом» и «Георгием Победоносцем». Восставшие семафором передали на корабли: «Команда «Потемкина» просит комендоров не стрелять». Команды «Синопа» и «Георгия» вышли на верхнюю палубу и встретили потемкинцев криками «ура!»⁴⁶. Социал-демократы «Георгия Победоносца» воспользовались этим моментом и выступили с призывом присоединиться к «Потемкину», на их корабле началось восстание.

Матросы «Синопа» не менее дружно приветствовали потемкинцев. А. Н. Матюшенко семафором передал на него призыв к восстанию. Социал-демократы «Синопа» сделали попытку поднять команду. Но революционные группы не смогли этого сделать: слишком мало осталось на корабле революционно настроенных матросов, почти все они были списаны перед выходом в море. По воспоминаниям матроса с «Ростислава», «на «Синопе» образовались две партии — желающих и не желающих присоединиться к «Потемкину». Побеждала партия нежелающих...»⁴⁷.

В то время когда «Потемкин» во второй раз прорезал строй эскадры, почти вся его команда вышла на верхнюю палубу и криками «ура!» отвечала на приветствия «Синопа», «Георгия» и «Двенадцати Апостолов». А. М. Коваленко с трудом удалось удержать на местах хотя бы часть кочегаров и машинистов. Только адмиральские корабли — «Ростислав» и «Три Святителя» — не приветствовали «Потемкин». «Золотые чер-

номорцы, идем в Севастополь», — продолжал уговаривать Кригер. «Команда просит командующего эскадрой», — упорствовал «Потемкин»⁴⁸.

В это время «Георгий Победоносец» вышел из строя кораблей и малым задним ходом направился к «Потемкину», а через несколько минут совсем застопорил машины. «Почему «Георгий» не по-боевому?» — запросил Кригер. «Команда «Георгия» желает свезти офицеров на берег и присоединиться к «Потемкину»», — ответил командир «Георгия» И. Е. Гузевич. «Употребите все силы и следуйте за эскадрой!» — приказал адмирал. «Не могу, не могу!» — семафорил сигнальщик с «Георгия»⁴⁹.

Тогда Кригер приказал броненосцу «Двенадцать Апостолов» атаковать «Потемкин». «Двенадцать Апостолов» развернулся носом к мятежному броненосцу, но с него, прочитав семафор адмирала, подняли сигнал: «Броненосцу «Двенадцать Апостолов» остановиться». Матросы «Двенадцати Апостолов», зная о намечавшейся атаке, передали в машинное отделение приказ «полный назад». «Двенадцать Апостолов», не дойдя до борта «Потемкина» всего 3—4 метра, дал задний ход. Тогда командир «Апостолов» М. Н. Коландс нажал кнопку взрыва погребов, но минер Полецчук успел перерезать провода. Другие матросы привели в негодность основные механизмы орудий и торпедных аппаратов. «Потемкин» почти вплотную обогнул корму «Двенадцати Апостолов» и направился к Одессе⁵⁰. Революционные моряки просигналили: «Офицерам оставить корабли, сойти на берег».

А. Х. Кригер понял, что дальнейшее соприкосновение с «Потемкиным» может вызвать восстание на кораблях, и поднял сигнал: «Практическая эскадра, повернуть всем вдруг вправо на 8 румбов». Корабли развернулись и направились в море. Кригер в последний раз поднял сигнал: ««Потемкин». Жду уполномоченных» — и одновременно передал на «Георгий»: «Идите в Севастополь». Но «Потемкин» ничего не ответил адмиралу, а на «Георгии» выполнять его приказ не стали. Эскадра, выходя из бухты, развернулась на 16 румбов вправо и ушла в море. «Потемкин» последовал за ней. «Больше ходу!» — приказал в отчаянии Кригер, и корабли начали скрываться за горизонтом, оставив в бухте «Георгия Победоносца»⁵¹.

Позорное бегство царских адмиралов и присоеди-

нение «Георгия Победоносца» подняли боевой дух потемкинцев и укрепили в них уверенность в возможности соединения с другими кораблями. Однако результаты «немого боя» могли бы быть гораздо большими. Недостаточный уровень революционно-классовой сознательности матросов эскадры и отсутствие на кораблях крепких партийных организаций в результате проведенной командованием чистки и замены политически неблагонадежных малосознательными новобранцами не позволили выполнить план «Централки» о восстании всего флота. Следует отметить, что отрицательную роль сыграл также отказ потемкинцев от преследования эскадры вместе с «Георгием Победоносцем» с целью добиться присоединения других кораблей, тем более что матросы эскадры открыто выражали сочувствие восставшим, а на «Синопе» имела место попытка восстания. Выбранная потемкинцами тактика оправдала себя, но отказ от преследования эскадры не позволил сделать одержанную победу полной. Однако это не умаляет значения «немого боя», который показал бессилие царских адмиралов в борьбе с революционным движением. «Царское правительство,— отмечал В. И. Ленин,— оказалось без флота. Самое большее, чего ему удалось пока добиться, это — удержать флот от активного перехода на сторону революции»⁵².

2. Восстание и контрреволюционный переворот на «Георгии Победоносце»

Восстание на «Георгии Победоносце» — наименее изученная часть потемкинских событий. Исследование восстания и контрреволюционного переворота на «Георгии» способствует более полному изучению вопроса борьбы с внутренней контрреволюцией в условиях восстания.

Впервые проведенный анализ событий на «Георгии» показал, что большинство его команды, как и на «Потемкине», составляли новобранцы. В плане «Централки» он по уровню революционности занимал четвертое место после «Екатерины II», «Ростислава» и «Синопа». Но последние не присоединились к «Потемкину», и это еще раз показывает, насколько были ослаблены революционные группы на кораблях. Активное участие в восстании на «Георгии», команда которого включала 616 человек, приняли, по документам следствия, 76 человек, из

них 30 новобранцев. Явных врагов восстания насчитывалось 37 человек⁵³. Таким образом, большинство занимало неустойчивую позицию. Соотношение сил, следовательно, было таким же, как на «Потемкине».

Количество членов РСДРП и других партий на «Георгии» неизвестно*. Однако в ответ на запрос Севастопольского комитета о влиянии РСДРП на моряков их корабля участники восстания сообщали: «Расспрашивали товарищей о деятельности тех людей, под руководством которых они находились. Ответы, большей частью, получались симпатизирующие социал-демократам; но большинство товарищей — люди, мало знакомые с общим положением дела и неподготовленные. Из всего полученного материала... можем Вам ответить, что агитация социал-демократов стоит на высоте своего призвания»⁵⁴. Приведенное письмо свидетельствует, что восстанием на «Георгии», как и на «Потемкине», руководили социал-демократы, но революционные группы были, подобно потемкинским, ослаблены и не имели достаточной подготовки.

Восстание на «Георгии Победоносце», как уже говорилось, началось в тот момент, когда «Потемкин», вторично прорезая строй эскадры, проходил по его правому борту. Один из участников восстания на «Георгии» впоследствии рассказывал: Сначала на палубу вышла лишь часть матросов — они боялись, что «Потемкин» откроет огонь, но были уверены, что, увидев на палубе своих товарищей, потемкинцы не будут стрелять⁵⁵. Социал-демократы воспользовались этим, увлекли за собой на палубу большинство команды и выступили с призывом присоединиться к восставшим.

Командир «Георгия» И. Е. Гузевич в своем донесении вице-адмиралу Г. П. Чухнину отмечал весьма характерную для революции на флоте деталь — начали восстание кочегары и машинисты. Они первыми вышли на палубу с криками «ура!». За ними последовали другие, и на баке собралась большая толпа⁵⁶.

Новобранцы участия в восстании почти не принимали, занимая нейтральную позицию⁵⁷. Это также сближает восстание на «Георгии» с потемкинским.

Наибольшую активность проявляли матросы ниже-

* С. А. Томилов без ссылки на источник сообщил, что в июне 1905 г. в подпольную организацию «Георгия Победоносца» входило около 30 человек (Томилов С. А. Броненосец «Потемкин». Одесса, 1975. С. 59).

палубных команд. Среди них, как явствует из «Обвинительного акта» по делу о георгиевском восстании, особенно решительно действовали Д. П. Кошуба, С. П. Дейнега (Денига), Г. С. Рябоконь, Н. Ф. Безбах, З. Г. Бородин, А. В. Гиль, Н. К. Гирчич, А. И. Горобец, А. Д. Каюров, И. С. Моторный, И. К. Степанюк, С. А. Савченко, М. П. Панфилов, Ф. И. Яненский. Выполняя план «Централки», они открыто выступили с призывом к восстанию. Во главе с Д. П. Кошубой, С. П. Дейнегой, Г. С. Рябоконом около 40 матросов бросились на мостик, требуя от командира идти за «Потемкиным» и угрожая в противном случае выбросить всех офицеров за борт. «Теперь наша свобода!», «Наконец дождались своего!», «Ура, вали, ребята, на мостик!» — кричали матросы М. С. Бородатый (Бородач), И. П. Веклич и машинист И. И. Шаповалов⁵⁸. Стрелок-инструктор М. З. Каменев, матрос П. И. Черненко, рулевой В. А. Пискунов развернули революционную агитацию среди новобранцев.

Дальнейшие события излагаются в «Обвинительном акте» неверно. Если верить этому документу, матросам удалось сразу захватить мостик и передать в машинное отделение приказ: «Стоп машина». То же мы читаем и в последних изданиях мемуаров К. И. Фельдмана, где автор в отличие от первых публикаций упростил события на «Георгии». Аналогичное изложение содержится и в монографии Р. М. Мельникова⁵⁹. Совсем иную картину дают материалы следствия и донесение И. Е. Гузевича Г. П. Чухнину. Из них следует, что восставшим не удалось сразу захватить мостик. И. Е. Гузевич сообщил, что после того, как на мостик вбежали матросы, он еще некоторое время продолжал командовать броненосцем и переговаривался по семафору с вице-адмиралом А. Х. Кригером. «Почему так много нижних чинов на площадке?» — запросил адмирал. «Команда бунтуется с угрозой выбросить всех офицеров за борт», — ответил Гузевич. «Идите в Севастополь», — приказал Кригер. Прочитав этот сигнал адмирала, матросы потребовали шлюпку, чтобы съездить на «Потемкин» для переговоров. Гузевич сообщил об этом Кригеру. «Идите в Севастополь», — настаивал адмирал. Тогда Гузевич, рассчитывая на помощь последнего и выигрывая время, вступил в переговоры с матросами. Сам он о ходе переговоров ничего не написал, а в «Обвинительном акте» отме-

чена лишь безуспешность попыток командира «угговорить команду успокоиться». Установить, в чем заключались эти попытки, помогают воспоминания матроса с «Георгия» Н. Ф. Безбаха и показания на следствии матросов П. П. Городового, П. В. Грузина, Н. Л. Величко, А. С. Склярова и кондуктора А. В. Будяка. По словам Н. Ф. Безбаха и А. С. Склярова, И. Е. Гузевич предложил тем, кто хочет идти в Севастополь, стать по правому борту, а желающим присоединиться к «Потемкину» — по левому⁶⁰.

Строевой квартирмейстер З. Г. Бородин убеждал матросов: «Надо идти к «Потемкину»! Там хорошие, образованные люди, нужно узнать, что они хотят!» «К «Потемкину»!» — кричал кочегар М. И. Волков. До 70 матросов перешло на левый борт. «Братцы, — умолял Гузевич, — чего вам надо — я все сделаю, только идем в Севастополь!» Он обещал не сообщать командованию о попытке бунта и даже предлагал отправить желающих на «Потемкин». Но матросы не слушали командира. «Теперь наша воля!» — заявил кочегар Я. Г. Лысенко⁶¹.

Вооруженные моряки в соответствии с планом «Централки» заняли ключевые посты на корабле. Н. К. Гирчич, Д. П. Кошуба и Н. Силкин захватили оружие и раздали его матросам. Д. П. Кошуба оттолкнул командира от машинного телеграфа и передал в машину приказ: «Стоп пары!» «Георгий» остановился. По приказу Д. П. Кошубы место у руля занял матрос И. Щербина⁶².

Офицеры «Георгия» были полностью деморализованы примером «Потемкина» и противодействия восстанию не оказали, ограничившись лишь словесной агитацией*. Но все их попытки «успокоить» матросов оказались безрезультатными⁶³.

Захватив корабль, георгиевцы передали на «Потемкин»: «Команда «Георгия» желает присоединиться к вам. Просим «Потемкин» подойти к нам». Получив этот семафор, прапорщик Д. П. Алексеев отказался подойти к «Георгию», утверждая, что это маневр с целью торпедировать «Потемкин». Когда же «Георгий» хотел сам подойти к «Потемкину», по приказу Д. П. Алексеева дали задний ход и подняли сигнал:

* Версия С. А. Томилова о том, что офицеры «заняли оборону» на мостике, источниками не подтверждается (Томилов С. А. Указ. соч. С. 59—60).

«Стой, иначе буду стрелять!» «Георгий» остановился в трех кабельтовых. И. А. Дымченко, А. Н. Матюшенко и Е. К. Резниченко потребовали от Алексева решительных действий. Тогда он, понимая, что одни матросы стрелять в его корабль не будут, передал на «Георгий»: «Арестуйте офицеров и доставьте их на «Потемкин»». «У нас дело плохо. Не все согласны. Мы не можем справиться. Присылайте скорее помощь», — ответил А. И. Горобец⁶⁴.

Просьба «Георгия» о помощи объясняется тем, что большинство команды составляли новобранцы. Поскольку офицеры этого броненосца не оказали серьезного противодействия восставшим, то их просьбу о помощи можно расценивать лишь как свидетельство упорного нежелания подстрекаемой кондуктёрами основной массы новобранцев присоединиться к потемкинцам: они, сочувствуя потемкинцам в их борьбе с «начальством», еще не знали настоящей цели восстания.

В ответ на просьбу «Георгия» потемкинцы послали на миноноске № 267 делегацию во главе с А. Н. Матюшенко. В 14 часов 30 минут делегаты были доставлены. Затем миноноска отошла к корме и развернулась перпендикулярно к борту броненосца, направив на него торпедный аппарат, крышка которого была, однако, закрыта⁶⁵. Вероятно, не только Алексеев, но и некоторые члены комиссии не исключали возможности провокации со стороны георгиевцев.

Восставшие моряки «Георгия» встретили делегацию криками «ура!». Матрос А. В. Гиль обратился к команде миноноски с просьбой о помощи. В то же время многие матросы, вероятно новобранцы, плохо разбираясь в происходящих событиях, старались укрыться в нижних помещениях броненосца. Перед матросами «Георгия» выступил потемкинец В. П. Кулик. Он рассказал им о событиях на «Потемкине» и задачах российской революции. По наблюдениям членов делегации А. П. Березовского и минного машиниста И. П. Шестидесятого, команда «Георгия» резко раскололась на две части. Первая приветствовала речь В. П. Кулика, а вторая заняла враждебную позицию и требовала вернуться в Севастополь. Источники не указывают, из каких матросов состояла вторая группа. Но, вероятно, это были новобранцы. После В. П. Кулика выступил А. П. Березовский. Речь, произнесенные

ими, резко изменили настроение несознательных матросов. Подавляющее большинство перешло на сторону потемкинцев⁶⁶.

В 15 часов 30 минут караул «Геоργия» во главе с А. П. Березовским арестовал офицеров и запер их в кают-компании. Никто из них не пострадал. Только лейтенант К. К. Григорков, не желая сдаваться, застрелился на мостике⁶⁷.

С миноноски № 267 передали на «Потемкин» просьбу подойти к «Геоργию». Прапорщик Алексеев снова, и теперь уже явно из трусости, отказался это сделать, пока не доставят георгиевских офицеров на «Потемкин». Судовая комиссия направила в помощь первой группе потемкинцев вторую, но на полпути ее встретил ялик с миноноски: А. Н. Матюшенко просил прислать караул, чтобы доставить офицеров на «Потемкин».

Приезд на «Геоργий» первой группы потемкинцев и арест офицеров наиболее полно отражены помимо документов следствия в мемуарах А. П. Березовского и в первых публикациях воспоминаний К. И. Фельдмана⁶⁸. Однако в последующих изданиях мемуаров последнего арест офицеров не только неверно изображен, но и приобретает иной смысл. Если верить последнему изданию мемуаров К. И. Фельдмана, этот арест произвели потемкинцы А. Н. Матюшенко, И. А. Дымченко и В. П. Кулик без участия матросов «Геоργия». Тем самым автор свел роль георгиевских революционеров к позиции простых наблюдателей. В то же время А. П. Березовский, непосредственно руководивший арестом, указал на активное участие георгиевцев в аресте своих офицеров. О том же свидетельствует и командир «Геоργия» И. Е. Гузевич в рапорте Г. П. Чухнину от 28 июня 1905 г.⁶⁹

Итак, матросы «Геоργия» поддерживали потемкинцев. Следующим шагом восставших должен был стать совместный поход революционных кораблей за эскадрой с целью добиться присоединения остальных кораблей. Но вместо этого, упуская возможность перетянуть на свою сторону ядро Черноморского флота, революционеры «Геоργия» приступили к выбору комиссии для управления броненосцем. Отбирать кандидатов помогали потемкинцы. Выборы затянулись до вечера. Состав судовой комиссии «Геоργия» не был специально приведен ни в одном источнике. Кроме того, А. П. Березовский неверно указал численность георгиевской комис-

сии, определив ее в 25—30 человек⁷⁰.

Правильно установить состав и численность комиссии «Геоorgia» помогает «Обвинительный акт», составленный военно-морским судьей полковником П. А. Воеводским на основе показаний участников и очевидцев восстания. Достоверность сведений, сообщаемых Воеводским, подтверждается более всего тем, что он не ввел в состав комиссии многих самых активных матросов, имена и действия которых были известны всему экипажу «Геоorgia». Вероятно, А. П. Березовский включил в состав комиссии «Геоorgia» всех наиболее активных матросов, присутствовавших на заседаниях вместе с членами комиссии, как это было и на «Потемкине». Участник восстания на «Геоorgia» Н. Ф. Безбах в своих мемуарах указал, что он также входил в состав комиссии. Видимо, Безбах, как активный участник восстания, присутствовал на заседаниях комиссии, не входя формально в ее состав. Согласно «Обвинительному акту», в комиссию вошли 10 человек: А. С. Бутрин, А. И. Горобец, С. П. Дейнега, А. Д. Каюров, И. С. Моторный, М. Н. Панфилов, А. Е. Соседка, И. К. Степанюк, И. И. Шаповалов, А. И. Шулевицкий. Командиром корабля назначили боцмана А. О. Кузьменко. Тогда же состоялось и первое заседание комиссии, на котором обсуждался, в частности, вопрос о кондукторах. В отличие от потемкинцев комиссия «Геоorgia» постановила отправить их всех на берег, выдав по 10 руб. на дорогу⁷¹. Решив избавиться от кондукторов, комиссия «Геоorgia» проявила большую последовательность в борьбе с контрреволюцией, чем комиссия «Потемкина». Однако выполнить свое постановление в тот же вечер она не успела.

Офицеров «Геоorgia» на катере доставили к Пересыпи. Но на берегу их встретил ружейный огонь, крики «ложись!» и «руки вверх!». Прямо на них с винтовками наперевес бежал сводный патрульный отряд из казаков, драгун и пограничной стражи: офицеров приняли за потемкинский десант⁷². Одесское командование уже не могло положиться на весь гарнизон и перешло к формированию сводных подразделений для отражения потемкинского десанта.

Поздно вечером революционная эскадра вернулась в Одессу. «Геоorgia Победоносец» прошел на якорное место мимо «Потемкина», отсалютовав ему как флагману⁷³.

В военном отношении «Потемкин» и «Георгий» представляли вместе большую силу*. Еще большее значение имел их союз в политическом смысле. Присоединение «Георгия Победоносца» способствовало росту революционного сознания среди самых политически отсталых потемкинцев. Они увидели, что «Потемкин» не одинок, на его сторону начинает переходить ядро флота. В них крепили уверенность в правоте начатого дела и доверие к революционному руководству социал-демократов.

Это учитывали и враги восстания. А. С. Галенко понял, что надо спешить с организацией контрреволюционного выступления. Считая, вероятно, что прапорщик Д. П. Алексеев действует недостаточно энергично, Галенко сам начал сколачивать контрреволюционную организацию⁷⁴.

А тем временем вице-адмирал А. Х. Кригер на расстоянии 12 миль от Одессы в 15 часов 30 минут оставил эскадру и собрал командиров кораблей на совещание. Командиры заявили о полной ненадежности команд. Было решено вернуться в Севастополь и сформировать сильный отряд миноносцев со специально подобранными командами для потопления «Потемкина»⁷⁵.

Перед уходом в 19 часов 15 минут А. Х. Кригер послал в Одессу миноноску № 272 для переговоров с восставшими о капитуляции. На миноноске находились старший офицер с «Трех Святителей» капитан второго ранга И. Н. Псиол, лейтенант с «Синопа» В. Д. Чайковский и священник с «Ростислава». Оказавшись на расстоянии видимости, они световыми сигналами предложили «Потемкину» сдаться. «Никогда», —

* Броненосец «Георгий Победоносец» был заложен в 1889 г., спущен на воду в 1892 г., вступил в строй в 1896 г. Имел водоизмещение 10 280 т, мощность машин 10 600 л.с. и скорость хода 17 узлов. Толщина броневых пояса по борту доходила до 406 мм, броневой палубы — 57 мм. Орудийные башни и боевую рубку прикрывала броня в 305 мм. Это был корабль типа «Чесма», четвертый в мире после «Екатерины II» и «Синопа» броненосец с тремя башнями орудий главного калибра. Две такие башни, с двумя 305-миллиметровыми орудиями в каждой, стояли по обе стороны от боевой рубки и одна на корме (заметим, кстати, что именно эти корабли послужили английскому инженеру Р. Риду основой для проекта знаменитого «Дредноута», многобашенного линкора-броненосца с единым калибром главной артиллерии, который стал прототипом для всех последующих линейных кораблей). Помимо шести 305-миллиметровых орудий «Георгий» имел семь 152-миллиметровых, десять 37-миллиметровых и две десантные 64-миллиметровые пушки.

ответили с мятежного броненосца. Встретив отказ, офицеры все же предложили вступить в переговоры. Следует заметить, что в телеграмме А. Х. Кригера в морское министерство о результатах «немого боя» совершенно искажен смысл переговоров с «Потемкиным». Если верить А. Х. Кригеру, его офицеры не ставили вопрос о капитуляции, а сразу предложили вступить в переговоры и получили отказ. Вероятно, они сознательно исказили в своем докладе А. Х. Кригеру ход переговоров, не желая сознаваться в трусости. В действительности потемкинцы согласились на переговоры. По воспоминаниям А. П. Березовского, он вместе с А. Н. Матюшенко и еще несколькими матросами вышел на катере навстречу миноноске. «Мы хотели,— писал он,— заставить посланных от эскадры вести с нами переговоры в присутствии всей команды контрминоносца (Березовский ошибочно называл миноноску № 272 контрминоносцем.— Б. Г.), надеясь, что она позднее сумеет передать о наших целях и стремлениях матросам других судов»⁷⁶. Но этого и боялись офицеры. Заметив катер, миноноска № 272 полным ходом ушла в море и в 23 часа 50 минут присоединилась к эскадре. Выслушав доклад офицеров, А. Х. Кригер понял, что последняя надежда рухнула, и повел корабли в Севастополь.

Утром 18 июня в 10 часов «Ростислав» и через 15 минут «Три Святителя» боевыми выстрелами разрядили свои орудия главного калибра. В морской простор унеслись снаряды, предназначенные «Потемкину». Орудия других кораблей молчали: там матросы при встрече с «Потемкиным» вывели из строя и пушки и торпедные аппараты⁷⁷. Так позорно для царских властей закончилась карательная экспедиция против восставшего «Потемкина».

Военные и городские власти Одессы после появления на рейде второго броненосца находились в полной растерянности. Некоторые полагали даже, что «Потемкин» сдался «Георгию». Старший портовый лоцман Н. И. Романенко предложил произвести разведку и на паровом катере подошел к «Георгию». Там Романенко передал матросам: «Я послан к вам командиром порта спросить, не нужно ли чего новому броненосцу?» К. И. Фельдман с борта «Георгия» направил его к «Потемкину», на котором Н. И. Романенко беседовал с членами комиссии. Они расспрашивали его о положе-

нии в городе, а затем вручили письменное заявление командующему войсками с требованием срочно доставить на «Потемкин» необходимую провизию⁷⁸.

Командование Одесского гарнизона после присоединения «Геоργия» к «Потемкину» перестало надеяться на помощь эскадры. На Жеваховой горе начали устанавливать восемь 229-миллиметровых мортир, а на берегу — торпедные аппараты, чтобы взорвать броненосцы на рейде. Командование гарнизона вывело из Одессы 52-ю пехотную дивизию и 8-й Донской казачий полк, ставшие ненадежными. Вместо них в город вошли 273-й Ставучанский и 275-й Хотинский пехотные полки, а также 23-й Вознесенский драгунский полк. По всему городу расклеили тексты распоряжения командующего войсками не собираться более 20 человек, в противном случае войскам было приказано стрелять без предупреждения. Не надеясь на эти меры, начальник Одесского жандармского управления полковник Н. М. Кузубов направил в Петербург телеграмму с просьбой прислать с Балтики миноноски и даже подводные лодки для потопления мятежных броненосцев⁷⁹.

Настоящая паника охватила представителей имущих классов Одессы. Перепуганная буржуазия штурмом брала уходившие из города поезда. «На вокзале светопреставление,— писал очевидец,— билетов достать нельзя». 17 июня только в товарных вагонах уехало 5400 человек. 20 тыс. одесских буржуа с семьями выехало за границу⁸⁰.

Официального сообщения о восстании на «Потемкине» тогда еще не было, но слухи начали распространяться по всей России. Появились известия в иностранной печати. Из Петербурга в Одессу направилось много иностранных корреспондентов⁸¹.

«Потемкин» и «Геоργий Победоносец» стали на ночь на внешнем рейде напротив выхода из порта. Учитывая угрозу ночных торпедных атак, потемкинцы приказали командам миноноски № 267 патрулировать на линии горизонта, а минных катеров — вблизи броненосцев. Прожекторы «Геоργия» освещали акваторию порта и берег, а более сильные прожекторы «Потемкина» — море и горизонт⁸².

Как только революционные корабли вернулись в Одессу, на «Потемкин» от комиссии «Геоργия» приехали С. П. Дейнега, Д. П. Кошуба и Н. Ф. Безбах, чтобы вместе разработать план дальнейших действий.

С докладами о положении на «Георгии» выступали Кошуба, Дейнега и Фельдман. Они сообщили, что большинство команды «Георгия», не дождавшись присоединения эскадры, начинает сомневаться в успешном продолжении восстания. Кошуба и Безбах предложили обменять 300 георгиевцев на 300 потемкинцев*. Но большинство потемкинской комиссии выступило против перевода части потемкинцев на «Георгий» из опасения ослабить тем самым боеспособность обоих кораблей, так как матросы, мало знакомые с механизмами броненосца другого типа, не смогут во время боя действовать быстро и уверенно⁸³. Очевидно, потемкинская комиссия недостаточно хорошо понимала, какую опасность представляла контрреволюционная агитация кондукторов и их сторонников, а также плохо учитывала настроение моряков эскадры, допуская возможность боя с крупными силами царского флота. Наконец по настоянию Д. П. Кошубы для укрепления революционного сознания экипажа «Георгия» комиссия решила послать туда 60—70 потемкинцев. Но споры о том, кого именно послать, чрезмерно затянулись — начальники боевых частей не хотели отдавать своих лучших матросов.

На этом же заседании постановили снабдить миноноску № 267, не имевшую боеприпасов, снарядами и торпедами. Потемкинские 37-миллиметровые снаряды и торпеды не подходили к орудиям и аппаратам миноноски. По совету потемкинца Д. С. Шопарева боеприпасы решили взять с «Георгия». Но, когда около двух часов ночи за ними послали, кондукторы «Георгия» отказались дать снаряды и торпеды. Вначале они мотивировали отказ поздним временем и усталостью команды, а в заключение категорически заявили, что никаких боеприпасов со своего корабля не дадут⁸⁴.

Не дожидаясь конца заседания, С. П. Дейнега и Н. Ф. Безбах вернулись на «Георгий». Они знали, как мало там активных матросов, которые без них не сумеют справиться с контрреволюционной агитацией. Беспокоились об этом и потемкинцы. После заседания В. П. Кулик и К. И. Фельдман отправились на помощь

* Л. В. Богуцкая утверждает, что предложение внес А. Н. Матюшенко (*Богуцкая Л. В. Очерки по истории вооруженных восстаний в революции 1905—1907 гг. / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1956. С. 64*). Однако ее версия не подтверждается ни одним известным источником.

С. П. Дейнеге и Н. Ф. Безбаху. Д. П. Кошуба остался на «Потемкине», требуя скорее выделить людей для переезда на его корабль⁸⁵.

А тем временем кондукторы «Георгия», тайно собравшись в кают-компани, составили заговор. О его существовании и планах заговорщиков стало известно из их следственных показаний. Они поставили целью увести утром корабль в Карантинную гавань и сдать его военным властям. Весь вопрос был в том, как заставить команду сняться с якоря. Однако заговорщики нашли выход. Они отобрали самых «верных» фельдфебелей и квартирмейстеров и, скрывая даже от них истинную цель мятежа, заявили, что хотят вернуться в Севастополь и просят их содействия. Кондукторы поручили им вести среди матросов агитацию: одних призывать, пока не поздно, идти сдаваться, а революционно настроенных — звать в Севастополь для продолжения борьбы, убеждая их не терять понапрасну времени на одесском рейде⁸⁶.

Спустя несколько часов после заговора кондукторов на «Георгий» прибыли К. И. Фельдман и В. П. Кулик. С. П. Дейнега сообщил им, что положение на корабле ухудшилось и всех кондукторов во главе с боцманом А. О. Кузьменко необходимо арестовать, для чего потребуется поддержка потемкинцев. Кроме того, считал он, надо объяснить команде необходимость этого шага и заменить арестованных специалистами с «Потемкина». По воспоминаниям Н. Ф. Безбаха, на «Георгий» было много матросов, призванных из запаса, у которых остались в Севастополе жены и дети. Эти матросы особенно активно выступали за поход туда. Команда раскололась на две части, одна из которых говорила о необходимости прекратить восстание⁸⁷.

Зная о настроениях экипажа «Георгия», потемкинцы утром 18 июня послали на него делегацию в составе А. П. Березовского, А. С. Галенко, А. М. Коваленко, А. В. Макарова и Т. В. Скребнева для борьбы с контрреволюционной агитацией. Их встретили враждебно. Возбужденные матросы не давали им выступать. В общем шуме особенно выделялись голоса кондукторов. Лишь часть команды требовала, чтобы делегаты продолжали говорить. «Трудно сказать,— вспоминал А. П. Березовский,— чем бы все это могло кончиться, но, увидев среди нас офицеров, часть матросов стала кричать: «Пусть офицеры скажут. Послушаем, господа,

офицеров». Доктор Галенко и тов. Коваленко протолкались вперед, и матросы сразу же стихли. Рабская психология перед авторитетом «начальства», очевидно, была еще жива у многих, замуштрованных дисциплиной моряков». Однако содержание и смысл выступлений А. М. Коваленко и А. С. Галенко А. П. Березовский передал неверно. Если верить ему, первым выступил А. С. Галенко, причем речь его была очень туманной и расплывчатой. Тем самым Березовский свел на нет роль Галенко в первой делегации. Вероятно, он сделал это под впечатлением предательства врача, совершенного в тот же день во время приезда на «Георгий» второй делегации потемкинцев. Истинную картину дают материалы следствия. Они сообщают, что первым выступил Коваленко. Он упрекал георгиевцев в измене, призывал их поддерживать потемкинцев, доказывал неизбежность и необходимость революции. После его речи матросы «Георгия» выразили согласие продолжать борьбу вместе с потемкинцами⁸⁸. Но когда Коваленко спросил, что они думают делать дальше, то в ответ услышал: идти в Севастополь и предъявить начальству свои требования.

Положение спас, сам того не желая, А. С. Галенко. Он спросил матросов, зачем они собираются идти в Севастополь, чего требовать: «Чтобы борщ лучший варили или чтобы на берег больше увольняли?» Матросы не смогли найти ответа на этот иронический вопрос. Замолчали и кондукторы. Далее Галенко призывал матросов к активной борьбе за революцию⁸⁹.

После него выступили сторонники возвращения в Севастополь. Они предложили подойти к главной базе и вызвать адмирала Чухнина для переговоров. Но когда их спросили, какие переговоры они собираются вести с адмиралом, то оказалось, что это им самим неясно⁹⁰.

Пока матросы решали, как поступить, Галенко успел войти в контакт с группой кондукторов. Он открыто заявил им: «Я на «Потемкине» больше не могу, все равно меня там расстреляют» — и предложил заключить союз для борьбы с восстанием⁹¹.

Матросы «Георгия» решили послать делегацию на «Потемкин» для совместного обсуждения дальнейших действий, а до тех пор ничего не предпринимать. Делегаты «Потемкина», успокоенные достигнутыми результатами, стали спускаться на катер. В этот момент

к ним подошел боцман А. О. Кузьменко и заявил: «Наша комиссия к вам не поедет, ей там делать нечего. Мы все равно в 12 часов снимемся с якоря»⁹².

Потемкинцы совершили крупную ошибку, не обратив должного внимания на эти слова. Вместо того чтобы остаться на «Георгии» для продолжения агитации и послать за помощью на «Потемкин», они все уехали обедать на свой броненосец. Из документов следствия известно, что вместе с ними отправился один из участников заговора, комендор М. Г. Юрченко, с задачей проверить, заряжены ли орудия на «Потемкине»⁹³.

Едва делегация успела вернуться и доложить о результатах поездки, как на «Потемкин» прибыла комиссия с «Георгия». Георгиевцы сообщили о положении на их броненосце. Обе комиссии решили арестовать кондукторов «Георгия» и перевести на него часть потемкинской команды. Затем георгиевцы поспешили вернуться на свой корабль. Вместе с ними отправилась вторая делегация «Потемкина», чтобы еще раз до приезда потемкинского караула рассказать матросам «Георгия» о принятых решениях и объяснить необходимость ареста кондукторов. Делегация состояла из 10 человек во главе с А. С. Галенко. С ними вернулся на свой броненосец и М. Г. Юрченко, известивший заговорщиков о постоянной боевой готовности «Потемкина»⁹⁴.

Пока происходили эти события, потемкинцы около 10 часов направили делегацию к командующему войсками для переговоров о покупке лекарств, перевязочных средств, провизии и угля. Генерал С. В. Каханов отказался удовлетворить требования матросов в угле и провизии и распорядился доставить в порт только медикаменты. Тогда потемкинцы заказали провизию в селе Дофиновка под Одессой. Но военное командование узнало об этом, и, когда миноноска № 267 подошла к селу, казачьи патрули конфисковали провизию и не пустили матросов на берег⁹⁵.

В то время как миноноска ходила к Дофиновке, потемкинцы захватили в порту пароход Российского общества пароходства и торговли «Петр Регир». На нем находилось более 100 тыс. пудов угля. «Наша команда,— вспоминал А. П. Березовский,— с такой поспешностью таскала мешки и ссыпала их, так дружно кипела работа, что едва ли что-нибудь подобное

наблюдалось при грозном Голикове»⁹⁶.

Около полудня к командующему войсками явилась вторая делегация с «Потемкина». Она потребовала освобождения арестованных накануне потемкинцев и доставки на броненосец провизии, угрожая в 21 час начать бомбардировку города⁹⁷. Вероятно, данная поездка к командующему имела скорее разведывательный характер с целью узнать дислокацию войск. На это косвенно указывает то, что, пока делегация находилась в Одессе, потемкинская комиссия обсудила и приняла заявление командующему войсками. В документе говорилось:

«Третьего дня [16-го июня], после похорон матроса Вакулечука, не возвратились с берега трое наших товарищей... кроме того, в тот же день не вернулись с берега еще трое матросов, посланных нами в город за покупкой мяса... По имеющимся у нас сведениям, все эти матросы арестованы полицией и заключены под стражу. Ввиду этого мы требуем немедленного их освобождения и беспрепятственного возвращения на судно.

Далее мы требуем:

1. Доставки для всей команды необходимой провизии, угля, воды и пр. запасов.

2. Освобождения из тюрем всех политических, как борцов за народное дело, за которое готовы сражаться и мы.

3. Немедленного очищения города от войск, передачи его во власть населения и свободного вооружения всего города.

4. Мы же после этого будем добиваться установления Народного Правления как в городе, так и по всей России.

В заключение мы заявляем, что если хоть одно из наших требований не будет удовлетворено в течение 24 часов, то мы приступаем к бомбардировке города и захвату его силой. И тогда мы снимаем с себя всякую ответственность за невинные жертвы,— они падут на вашу зачерствелую совесть.

Команда революционной эскадры, состоящей из броненосцев — «Князь Потемкин-Таврический», «Георгий Победоносец», миноносца № 267 и госпитального судна «Веха»⁹⁸.

Это был настоящий ультиматум. Потемкинцы чувствовали себя уверенно и готовились к решительным действиям. А. Н. Матюшенко еще утром ездил

в город, чтобы под предлогом посылки жене убитого командира «Потемкина» 1 тыс. руб. в виде пенсии собрать данные о положении в Одессе. Он успел переговорить с солдатами разных полков, которые сообщили ему о своей готовности присоединиться к восстанию, если матросы продолжат бомбардировку и помогут солдатам⁹⁹. К каким полкам принадлежали эти солдаты, неизвестно. А это было бы чрезвычайно важно, так как давало возможность в какой-то мере выяснить отношение к восстанию во вновь прибывших воинских частях.

Врач А. С. Галенко, узнав о решении обеих комиссий арестовать кондукторов «География», решил упредить события и организовать общее выступление контрреволюционеров на обоих броненосцах. Перед отъездом второй делегации он договорился с потемкинскими кондукторами о сигнале к началу выступления, который будет подан с борта «География». По прибытии на него Галенко объявил матросам о решении совместного совещания бомбардировать Одессу и арестовать кондукторов. Однако о причинах такого решения он не сказал ни слова, поэтому его заявление вызвало бурные споры в команде. Не зная в чем дело, многие матросы наотрез отказались стрелять по городу и выдать своих кондукторов потемкинскому караулу. Настроение части георгиевцев изменилось не в пользу «Потемкина». Тогда Галенко решился на открытое предательство. Он заявил, что экипаж его броненосца хочет прекратить бунт, но боится своей комиссии. «Георгий» должен подать пример и первым сняться с якоря. Провокатор обещал лично ходатайствовать перед командованием о прощении тех, кто одумается и прекратит восстание¹⁰⁰.

Прибывшие вместе с Галенко потемкинцы, потрясенные его изменой, сначала растерялись и пробовали возражать, но быстро опомнились и бросились на предателя. Однако ему удалось спуститься по шлангам с мостика на бак и скрыться в толпе своих сторонников. Неожиданно кондукторы увидели, как на «Веху», подошедшую к борту «Потемкина», переходят вооруженные матросы. Заговорщики поняли, что караул послан за ними, и решили выступить немедленно¹⁰¹.

В этот момент к борту «География» подошел катер «Пройда» с лоцманом Н. И. Романенко. Он приехал за георгиевским ресторатором, которого матросы пос-

тановили отправить на берег. А. О. Кузьменко сообщил лоцману о решении заговорщиков немедленно поднять мятеж и уйти от «Потемкина», а в случае неудачи сдать одесским властям и спросил, позволят ли глубины подойти близко к берегу. Лоцман ответил положительно и обещал переправить кондукторов на берег, если мятеж потерпит поражение. Затем он отправился на «Потемкин», чтобы под предлогом доставки провизии отвлечь внимание потемкинцев от «Георгия»¹⁰².

Воспользовавшись общим замешательством, вызванным речью А. С. Галенко, заговорщики начали осуществление своих замыслов. А. О. Кузьменко приказал первой группе заговорщиков осторожно выбрать якорь, не поднимая его над водой, чтобы не заметили с «Потемкина», второй — занять места в машинном отделении. Третьей группе поручили снять с винтовок штыки и затворы и разобрать замки у орудий. Четвертая группа во главе с А. О. Кузьменко действовала на мостике. Как только кондуктор А. В. Будяк доложил на мостик: «Якорь выбран», Кузьменко передал своим сообщникам в машинном отделении приказ: «Полный вперед!»¹⁰³

В это время на «Потемкине» лоцман Н. И. Романенко отвлекал внимание комиссии рассказами о положении в городе. Командующий войсками приказал ему доставить на «Потемкин» немного провизии и медикаменты. Военные власти, испуганные появлением второго броненосца и угрозами восставших, начали выполнять их требования. Пока шло заседание комиссии, на «Потемкин» явился посыльный от командующего гарнизоном с предложением передать список всего необходимого революционной эскадре. Список составили, и чиновник повез его в Одессу¹⁰⁴.

Внезапно вахтенный матрос сообщил, что «Георгий» выбирает якорь. Потемкинцы встревожились. Но Н. И. Романенко успокоил их, заявив, что, вероятно, на «Георгий» просто стравливают якорную цепь, так как ее может оборвать начавшийся шквальный ветер. Беседа продолжалась, но вдруг снова вбежал вахтенный. ««Георгий» дал ход и идет мимо «Потемкина»», — доложил он. Члены комиссии бросились на палубу. Романенко успел бежать на своем катере¹⁰⁵.

К. И. Фельдман, наблюдавший за «Георгием» с борта «Потемкина», в своих воспоминаниях отметил, что,

едва «Георгий» дал ход, А. О. Кузьменко приказал сыграть боевую тревогу. Р. М. Мельников присоединился к этой версии. Однако сам Кузьменко в своих следственных показаниях ничего об этом не сообщил. А. В. Будяк на следствии сказал, что матросов разогнал с палубы начавшийся дождь. Так или иначе, палуба была очищена от матросов, и заговорщики подняли сигналы: «Иду в Севастополь» и «Прошу позволения сняться с якоря»¹⁰⁶.

Команды «Потемкина» и миноноски № 267 в это время перегружали уголь с парохода «Петр Регир», потому орудия правого борта броненосца, прикрытые угольщиком, не могли сразу открыть огонь по изменнику. Выигрывая время, с «Потемкина» ответили: «Ясно вижу», а затем просигналили: «Подождать 15 минут и следовать в Севастополь вместе»¹⁰⁷.

А. С. Галенко передал семафором на «Потемкин», что хочет переговорить с одним из боцманов. Он намеревался подать сигнал к началу мятежа. Но с «Потемкина» ответили, что этого боцмана на мостике нет¹⁰⁸.

«Георгий», не останавливаясь, прошел мимо правого борта «Потемкина» к выходу из бухты. Тогда на фалах последнего взвился сигнал: ««Георгию Победоносцу» стать по диспозиции». А. О. Кузьменко приказал увеличить ход. Команде он заявил, что «Потемкин» тоже идет в Севастополь и разрешил им выйти первым. Революционные матросы «Георгия» и находившиеся на корабле потемкинцы бросились на мостик и в машинное отделение, чтобы расправиться с предателями. Но кондукторы и их сторонники имели численный перевес. В машинном отделении кочегар-потемкинец И. М. Коваленко едва вырвался из рук заговорщиков, ударив одного из них прикладом по голове. Вступили в рукопашную борьбу и другие революционные моряки¹⁰⁹. Тогда члены делегации послали двух матросов на «Потемкин» за помощью. Кондукторам удалось перехватить их и запереть в каюте. Революционные георгиевцы оказались в меньшинстве и не смогли подавить мятеж своими силами. «Георгий» вышел из бухты и направился в открытое море.

На «Потемкине» пробили боевую тревогу. Матросы быстро отшвартовались от угольщика, развернули башни главного калибра в сторону «Георгия», подняли боевой красный вымпел и сигнал: «Буду стрелять»¹¹⁰.

Если флажные сигналы умели разбирать не все матросы, то красный вымпел и развернутые орудия были понятны каждому. Георгиевцы потребовали от А. О. Кузьменко вернуться назад. «Георгий» развернулся и стал входить в гавань. В этот момент к его борту подошел катер с лоцманом Н. И. Романенко. Он знаками предложил А. О. Кузьменко следовать за ним. Боцман повел корабль курсом, который указывал лоцман. Видя, что «Георгий» возвращается, А. С. Галенко, испугавшись возмездия, бросился к боцману с криком: «Братцы, это измена! Чего вы смотрите? Бросьте его за борт!»¹¹¹ Не обращая внимания на врача, Кузьменко продолжал идти за катером. Вбежавших на мостик Д. П. Кошубу, З. Г. Бородина и С. П. Дейнегу, пытавшихся захватить управление броненосцем, оттеснили заговорщики во главе с А. С. Галенко. Революционные моряки кинулись вниз за винтовками. Но заговорщики успели спрятать оружие. Пока матросы искали винтовки, Кузьменко, следуя за катером, ввел броненосец в порт и отдал якорь на небольшой глубине у Платоновского мола. К «Георгию» снова подошел лоцманский катер, на который перебрались 15 кондукторов во главе с Кузьменко. С собой они взяли кормовой флаг «Георгия». Катер доставил их на берег.

Потемкинцы, находившиеся на «Георгии», спустили шлюпку, чтобы идти за помощью на «Потемкин». Вместе с ними поехали трое георгиевцев: М. И. Волков, Д. П. Кошуба и Н. Силкин. На полпути шлюпку встретила миноноска, посланная потемкинцами за своей делегацией. Д. П. Кошуба, едва поднявшись на борт «Потемкина», выступил с призывом открыть огонь по изменникам на «Георгии»¹¹².

Измена «Георгия Победоносца» явилась переломным моментом потемкинского восстания. Этот броненосец, ставший на якорь на малой глубине, превратился в прекрасную крепость, угрожая «Потемкину» правой носовой и кормовой башнями 305-миллиметровых орудий. Только захватив броненосец и высадив десант, восставшие могли надеяться на успех. Революционные матросы «Георгия» с борта своего корабля обратились к потемкинцам с просьбой о помощи. Но в этот момент на «Потемкине» выступили кондукторы и те, кто поддался их агитации. «По всему кораблю,— вспоминал С. П. Токарев,— внезапно пронесся крик: «Идем в Румынию!» Тогда из нас никто не мог понять, откуда

исходит этот призыв, и лишь позднее выяснилось, что эту подлую мысль подал жалкий трус командир Алексеев». Остановить начавшуюся панику судовой комиссии не удалось.

18 июня около 17 часов «Потемкин» выбрал якорь и взял курс к берегам Румынии. За ним последовала миноноска № 267¹¹³.

Заговорщики «Георгия», бежавшие с корабля, были доставлены к градоначальнику. Не разобравшись полностью во всем происшедшем, градоначальник поторопился сообщить командующему войсками, что «Георгий» посажен на мель*, а команда желает сдаться, и предложил отправить на броненосец две роты для ареста «зачинщиков». Когда же выяснилось, что броненосец не стоит на мели и борьба среди его команды еще продолжается, на Николаевский бульвар послали батальон 133-го Симферопольского полка и поставили артиллерийскую батарею у памятника Ришелье. К вечеру заговорщикам на «Георгии» удалось почти полностью овладеть положением, и в 23 часа они предложили командующему войсками ввести солдат на броненосец. На «Георгий» прибыл батальон пехоты. В ночь на 19 июня генерал С. В. Каханов сообщил царю о сдаче «Георгия». Царь наложил на его телеграмму следующую резолюцию: «После самого скорого следствия и полевого суда надо привести приговор в исполнение перед всей эскадрой и городом Одессой»¹¹⁴.

20 июня командир и офицеры «Георгия» прибыли в Одессу. Предатели выдали И. Е. Гузевичу 68 активных участников восстания. В момент отправки арестованных один из них, машинный квартирмейстер П. Гуляев, вырвался из рук конвоиров и, бросившись в воду, утонул. Одесские большевики сообщали в редакцию газеты «Пролетарий»: «Когда команда «Георгия» выдала 67 товарищей и сдалась начальству, солдаты негодовали, называя их изменниками. Матросов же на «Потемкине» никто из них изменниками не называл. Их называли молодцами, гордились поступком их, сочувствовали им и выражали желание, чтобы и у них в войске «скорее бы так сделали». Просят листов. Когда свезли на берег «бунтовщиков» с

* С тех пор версия о том, что «Георгий Победоносец» был якобы посажен на мель, встречается почти в каждой статье и книге о потемкинском восстании.

«Георгия», их прогнали сквозь строй казаков, и казаки били их нагайками, а офицеры пашками. Арестованные же и конвоируемые войсками по городу матросы шли, улыбаясь прохожим. При виде этой процессии на улицах поднялась страшная паника. Солдаты и полиция сгоняли всех с тротуаров, с балконов. Закрывались магазины, и процессия двигалась по опустевшим улицам. Городовые и конвойные очень боялись, чтобы в них не стреляли и не бросили бомбу»¹¹⁵.

Перед выходом в море «Потемкин» приказал «Вехе» погрузить уголь с парохода «Петр Регир» и следовать за ним. В 20 часов 20 минут «Веха» закончила погрузку и около 21 часа отошла от угольщика. Но «Потемкин» уже скрылся с горизонта. Не зная, куда он направился, «Веха» взяла курс на Очаков.

Во время судебного следствия переход в Очаков члены команды «Вехи» объясняли своим постоянным желанием бежать от «бунтовщиков» и заявили, что воспользовались для этого первой возможностью. Однако уже отмечалось, что матросы этого судна настаивали на расправе со своими офицерами. Следовательно, большинство команды сочувствовало восстанию. Но измена «Георгия Победоносца» и уход «Потемкина» в неизвестном направлении вызвали растерянность и в команде «Вехи». Небольшое безоружное судно не могло самостоятельно искать «Потемкин», так как «Веху» мог утопить любой патрульный миноносец. С другой стороны, в Одессу прибыли новые войска, настрояние которых команда не знала. В этих условиях морякам «Вехи» пришлось отказаться от участия в борьбе. 19 июня в 4 часа утра их судно прибыло в Очаков, а оттуда в 20 часов по приказу перешло в Николаев¹¹⁶. Во время судебного следствия, как уже говорилось, моряки «Вехи» не назвали и не выдали ни одного участника восстания, кроме А. Н. Матюшенко, революционная деятельность которого была известна царскому суду.

В. И. Ленин, находившийся в 1905 г. в эмиграции в Швейцарии, узнав о восстании на «Потемкине», направил в Одессу для политического руководства восстанием стойкого большевика М. И. Васильева-Южина, который вспоминал впоследствии, как В. И. Ленин, напутствуя его перед отъездом, сказал: «Задания очень серьезные. Вам известно, что броненосец «Потемкин» находится в Одессе. Есть опасения,

что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нем восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение».

«Владимир Ильич явно волновался и, как мне тогда казалось, несколько увлекался,— продолжал Васильев-Южин.— В таком состоянии я раньше никогда не видел его. Особенно меня поразили и, каюсь, очень удивили тогда дальнейшие его планы, расчеты и ожидания.

— Далее необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию.

— Вы серьезно считаете все это возможным, Владимир Ильич? — невольно сорвалось у меня.

— Разумеется, да! Нужно только действовать революционно и быстро. Но, конечно, сообразуясь с положением,— твердо и уверенно повторил он»¹¹⁷.

М. И. Васильев-Южин приехал в Одессу утром 20 июня. Но «Потемкин» покинул одесский рейд, и найти мятежный броненосец было уже нельзя.

Итак, восстание на «Георгии Победоносце» произошло в соответствии с планом «Централки». Быстро-му и бескровному успеху выступления способствовала близость и помощь «Потемкина». Расстановка сил в команде «Георгия», как уже говорилось, была аналогична потемкинской, но количество революционно настроенных матросов значительно меньше. Слабость революционного руководства и его промедления в борьбе с враждебными элементами позволили последним организовать контрреволюционный переворот. События

на «Георгии» подтвердили необходимость выполнения уже отмеченных рекомендаций III съезда РСДРП и «Централки» о решительной борьбе с контрреволюционерами и постоянной революционной агитации среди политически несознательных участников выступлений. Революционные моряки «Георгия» не имели даже нескольких дней для свободной пропаганды и агитации среди молодых матросов. В отличие от них на «Потемкине» постоянно велась социал-демократическая пропаганда и агитация на митингах. Поэтому команда потемкинцев, как отмечают материалы следствия, «все больше воодушевлялась» и проникалась революционными идеями¹¹⁸.

Революционная агитация социал-демократов и каждый новый успех восстания способствовали политическому воспитанию потемкинцев. Присоединение к ним «Георгия Победоносца» означало образование революционной эскадры, что подняло боевой дух потемкинцев и способствовало их переходу к решительным действиям. Восстание на «Георгии» усилило растерянность одесских властей и командования флота, создавая благоприятные условия для дальнейшего развития событий. Измена георгиевцев подрывала веру матросов в успех восстания, ухудшила положение на самом «Потемкине», с полной очевидностью выявила необходимость срочных и решительных мер по борьбе с контрреволюционными элементами в его команде.

В целом одесский период потемкинского восстания прошел под знаком превосходства восставших. Он выявил их силу и скрытые резервы (рабочее движение Одессы, борьба крестьян уезда, сочувствие восстанию моряков эскадры и части солдат гарнизона), показал растерянность властей и их неспособность подавить выступление. Но одновременно он вскрыл и отрицательные стороны, главнейшая из которых — недостаточный уровень партийного руководства, что объясняется неопытностью потемкинских социал-демократов.

Приход восставшего корабля в бастующую Одессу впервые в истории России создал условия для образования революционной армии и революционного правительства. Размах рабочего движения в Одессе и его усиление с приходом «Потемкина», сочувствие восстанию солдат гарнизона делали общую обстановку благоприятной для высадки десанта и реализации плана Соединенной комиссии. Осуществлению этого

плана помешали пассивная тактика судовой комиссии «Потемкина» и предательство меньшевистского руководства Одесской группы РСДРП, а также слабость Одесского большевистского комитета.

Чрезвычайная ослабленность революционных организаций на кораблях эскадры и наличие на них большого количества политически несознательных новобранцев не позволили социал-демократам организовать восстание эскадры. Этому способствовал и отказ потемкинцев от ее преследования. Сочувствие матросов других кораблей и присоединение георгиевцев укрепили в потемкинцах веру в победу. Восстание на «Георгии» имело сходные черты с восстанием на «Потемкине»: активное участие кочегаров и машинистов, разделение команды на три группы: участников, колеблющихся и явных контрреволюционеров, слабость руководства и нерешительность в подавлении контрреволюционных элементов. Последнее привело к перевороту на «Георгии», измена которого в полной мере выявила опасность оставления на корабле враждебных элементов при подавляющем превосходстве в составе команды политически несознательных, забитых казарменной муштрой матросов.

Последние попытки

---

1. Поход «Потемкина» в Феодосию и его последствия

На переходе в Констанцу судовой комиссии «Потемкина» с большим трудом удалось восстановить порядок на корабле. Утром 19 июня члены комиссии собрались на заседание для обсуждения создавшегося положения и плана дальнейших действий. На заседании, которое вел И. А. Дымченко¹, были правильно определены причины последних событий на корабле: измена «Георгия» и предательство кондукторов во главе с Д.П. Алексеевым, которые воспользовались моментом и вызвали панику среди новобранцев. Члены комиссии постановили высадить кондукторов на берег вместе с Алексеевым при первой же возможности. Затем по предложению К. И. Фельдмана был избран исполнительный комитет в составе А. Н. Матюшенко, М. М. Костенко и Е. К. Резниченко для централизованного руководства и управления броненосцем *. Комитет должен был выполнять роль командира и отчитываться в своих действиях перед комиссией. Необходимость такого решения видели

* В последнем издании своих мемуаров К. И. Фельдман отнес это событие к более раннему времени — к вечеру 15 июня, сославшись на И. П. Лазарева как на соавтора идеи выбора комитета (Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». М., 1964. С. 83). Однако в воспоминаниях последнего и в его отчете в ЦК РСДРП отсутствуют сведения о комитете. Другие источники подтверждают, что комитет был выбран по пути в Констанцу (см., например: Кирилл. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С. 217; Лычев И. А. Потемкинцы. М., 1965. С. 104).

все ее члены. Они понимали, что комиссия слишком громоздка для постоянного руководства, особенно когда требуется быстро принять какое-либо важное решение². Выборы комитета укрепили революционную власть на «Потемкине».

На том же заседании был обсужден вопрос о цели похода в Румынию. Матросы решили, что сдаваться не будут, а попытаются достать там угля, воды и провизии для продолжения борьбы. Кроме того, члены комиссии рассчитывали получить из иностранных газет сведения о положении в Севастополе. В заключение они постановили составить обращения к иностранным державам с изложением задач своей борьбы для предупреждения возможной клеветы на восставших со стороны царского правительства. К. И. Фельдман написал текст обращения «Ко всему цивилизованному миру», А. П. Березовский — «Ко всем европейским державам»³. Первое из них объявляло миру о начале революции в России и провозглашало восстание «ПОТЕМКИНА» составной частью революционной борьбы. При этом специально подчеркивалось, что восстание броненосца есть начало перехода армии на сторону народа. В документе говорилось: «И вот мы, КОМАНДА ЭСКАДРЕННОГО БРОНЕНОСЦА «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль на улицах и полях, снимут с нас свое проклятье, как их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его, и наш общий девиз: смерть или свобода для всего народа. Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Маньчжурии. Мы требуем немедленного созыва всенародного УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы вместе с нашим броненосцем пасть в бою или добиться победы. Мы глубоко уверены, что честные граждане всех стран и народов откликнутся горячим сочувствием нашей ВЕЛИКОЙ БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ.

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ!» *

* Ввиду имеющихся расхождений в публикациях текста документа здесь он приведен по фотокопии с подлинника, хранящейся

Второе обращение гарантировало неприкосновенность иностранным судам и портам на Черном море.

В. И. Ленин, высоко оценивал значение этих документов⁴.

Оба воззвания с энтузиазмом были приняты всеми матросами. Социал-демократам удалось снова сплотить команду и укрепить ее боевой дух.

Рассматривался на комиссии и вопрос о флаге. Этот момент весьма показателен не только как свидетельство общего положения на «Потемкине», но и как свидетельство успехов членов РСДРП в политическом воспитании матросов. Теперь вся команда понимала, что назад ей пути нет. Социал-демократы с первого дня восстания требовали поднять Красное знамя, но встречали упорное сопротивление матросов и даже части судовой комиссии, как бы избегавших точного определения своих действий*. А на пути в Констанцу это требование было принято командой. Враги восстания пытались вести агитацию против Красного знамени, но большинство пошло за социал-демократами. На громадном куске кумача маляры И. И. Старцев-Шишкарев и И. М. Сучкин написали с одной стороны «Свобода, равенство и братство», а с другой — «Да здравствует народное правление!»⁵. Знамя решили натянуть на деревянную раму и поднять к гафелю, чтобы его издали могли видеть проходящие суда.

Новый подъем революционного настроения матросов проявился также и в их решении сдать свои деньги в общую кассу⁶.

19 июня в 18 часов «Потемкин» вошел на рейд Констанцы. Отсалютовав 21 орудийным выстрелом, он стал на якорь, ожидая прибытия городских властей. Комендант порта капитан-лейтенант Н. Негру явился на броненосец в сопровождении офицера и двух портовых чиновников. На палубе «Потемкина» их

в Центральном ордена Красной Звезды музее Вооруженных Сил СССР.

* Отказ от Красного знамени — показатель низкого уровня политического сознания большинства команды. Однако следует заметить, что на отказ матросов сразу же после восстания поднять Красное знамя повлияло то, что по морским законам того времени чисто-красный флаг (как и чисто-черный) считался пиратским флагом, а в сочетании с военным флагом — боевым сигналом. Знамя с надписями являлось удачным компромиссным решением. Его предложил А. П. Березовский.

встретил почетный караул из 30 человек, и прозвучал новый артиллерийский салют. Восставшие точно соблюдали морской дипломатический этикет. Румынских представителей пригласили в кают-компанию, рассказали о восстании, вручили список необходимых броненосцу материалов и продовольствия. Н. Негру обещал запросить разрешение на обслуживание корабля у правительства и дать ответ на следующий день. Одновременно он предложил потемкинцам сдать броненосец румынским властям и высадиться на берег на правах политических эмигрантов, но матросы категорически отказались. Тогда Н. Негру вместе с А. Н. Матюшенко и еще тремя потемкинцами отправился в город заказывать провизию и материалы. Матросы проводили его криками «ура!» и новым салютом из 19 выстрелов⁷.

После отъезда Н. Негру потемкинцам нанес «визит» капитан второго ранга Н. Н. Банов, командир русского транспорта «Псезуапэ». Увидев на броненосце Андреевский флаг и услышав салют, Банов решил, что восстание подавлено, и собирался по уставу отдать рапорт командиру броненосца. Он и представить не мог восставших иначе как «мятежников и грабителей». Потемкинцы могли бы арестовать его и захватить транспорт, но броненосец находился в иностранном порту, и приходилось подчиняться международным законам. Поэтому матросы не тронули Банова и даже отбуксировали своим катером его вельбот до гавани⁸.

А. Н. Матюшенко, сделав в городе необходимые заказы, заехал на румынский крейсер «Елизавета» за разрешением освещать ночью подходы к порту прожекторами «Потемкина». Румынские офицеры разрешили, но опять начали уговаривать потемкинцев сдать-ся и, наконец, предложили продать броненосец Румынии. «Скажите сперва, за сколько вы продадите нам вашу «Елизавету»», — с возмущением ответил А. Н. Матюшенко⁹.

Капитан Н. Н. Банов, опасаясь захвата «Псезуапэ» потемкинцами, обратился к командованию порта с просьбой о помощи. 20 июня в 3 часа утра румынские власти отвели транспорт в глубину порта под прикрытие мола, на берегу расположили поблизости две роты солдат и обещали, что крейсер «Елизавета» не пустит в порт миноноску № 267¹⁰.

В 7 часов 30 минут миноноска № 267 сделала

попытку войти в порт, но ее остановили двумя выстрелами с крейсера «Елизавета». Однако Н. Н. Банов волновался напрасно: потемкинцы извинились и объяснили, что их вынудило к тому разыгравшееся на море сильное волнение. «Действительно,— отмечал Н. Негру,— море начало волноваться, и если бы ветер продолжался бы с той же силой 2—3 часа, то, безусловно, миноносец не мог бы больше находиться вне порта»¹¹.

В 10 часов Н. Негру получил телеграмму министра иностранных дел Румынии с запрещением снабжать «Потемкин» провизией, водой и углем. Румынское правительство предлагало потемкинцам высадиться на берег и стать политическими эмигрантами. Комендант порта пригласил представителей «Потемкина» и зачитал им текст телеграммы, копию которой они по возвращении на броненосец и огласили на общем собрании команды¹².

Экипаж «Потемкина» отверг предложения румынского правительства. Матросы были полны решимости продолжать борьбу. Судовая комиссия стала решать, в какой пункт российского побережья направить корабль, чтобы соединиться с борьбой рабочих и одновременно обеспечить броненосец углем и провизией. А. П. Березовский предложил идти в район Поти, где можно было перехватить угольщик, идущий в Константинополь. С. А. Денисенко звал матросов в Батум, поскольку к моменту потемкинского восстания революционная борьба в Западной Грузии приняла угрожающие для самодержавия размеры (к тому же известие о «Потемкине» вызвало там новый подъем революционного движения, и правительство не могло полностью рассчитывать на дислоцированные в этом районе войска). Последнее предложение встретило сопротивление прапорщика Д. П. Алексеева, но Денисенко доказал матросам, что Батум станет настоящей базой для восставшего «Потемкина», и комиссия решила идти к берегам Кавказа. Однако сначала надо было запастись углем и провизией, хотя бы на первое время. Предложение А. П. Березовского о захвате турецкого угольщика матросы отклонили. К. И. Фельдман посоветовал идти в Феодосию, так как, во-первых, это был крупный железнодорожный узел и уголь в нем имелся в достаточном количестве, а во-вторых, там можно было установить связь с Крымским союзом

РСДРП и получить сведения о положении в Севастополе. Но Д. П. Алексеев снова выступил против. Он предложил выбрать Евпаторию, хотя она располагалась в нескольких часах хода от Севастополя, и минной дивизии ничего не стоило потопить броненосец. На это и рассчитывал Д. П. Алексеев, но матросы поняли истинный смысл его предложений и дали ему гневный отпор. Комиссия постановила идти в Феодосию, а затем к берегам Кавказа, где высадить десант. В случае неудачи в Феодосии дойти на остатках угля до Кавказа, взорвать броненосец и присоединиться на берегу к восставшим крестьянам и рабочим¹³.

Итак, план дальнейших действий был принят. Оставалось только передать ответ румынскому правительству, послать иностранным консулам обращения «Ко всем европейским державам» и «Ко всему цивилизованному миру», а также специальное письмо в редакцию газеты «Искра». Выполнение этих заданий комиссия поручила А. П. Березовскому, В. З. Никишкину и Е. К. Резниченко. Они немедленно съехали на берег. Румынские власти обещали переслать корреспонденцию по назначению и еще раз предложили потемкинцам политическое убежище. Но матросы отказались, несмотря на все уговоры. На прощание румыны поинтересовались намерениями восставших. А. П. Березовский, соблюдая конспирацию, ответил, что «Потемкин» пойдет в Турцию, где надеется получить необходимые материалы и продовольствие¹⁴.

20 июня в 13 часов 20 минут броненосец «Потемкин» и миноноска № 267 покинули Констанцу.

Революционные моряки за границей показали себя достойными представителями революционной России. Капитан порта Констанца Н. Негру в докладе румынскому министру иностранных дел специально отмечал: «Прекращением критического положения, в котором находился порт Констанца, мы обязаны только тому, что восставшие твердо решили не применять силы и уважать, несмотря на любые жертвы, неприкосновенность кораблей и морских портов... Надо признать, что у нас была возможность только незначительного и слабого сопротивления этой огромной силе, которая противостояла нам»¹⁵. В. И. Ленин указывал, что

* К признанию Н. Негру добавим, что противостоят потемкинцам могли только солдаты на берегу и крейсер «Елизавета». Это был старый корабль постройки 1887 г. водоизмещением все-

поход «Потемкина» в Румынию «сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу...»¹⁶.

...«Потемкин» вышел в море. Никто не мог предположить, где появится он на следующий день, но все знали, что восставшему броненосцу необходимы уголь и продовольствие. «Потемкин» мог получить и то и другое в море с торговых кораблей. Поэтому Российское общество пароходства и торговли прекратило движение судов по Черному морю. Вслед за ним австрийский «Ллойд» отменил пароходные рейсы Константинополь — Одесса, несмотря на то что потемкинцы гарантировали безопасность иностранным судам¹⁷.

Революционный броненосец шел в Феодосию. Обгоняя его, из российского посольства в Румынии летели в Петербург телеграммы: ««Потемкин» ушел, направляясь на юго-восток», «Русские моряки отказались сдать оружие и передать корабли властям, даже при условии, что с ними поступят, как с иностранными дезертирами...»¹⁸ Неопределенность намерений команды броненосца еще более усиливала растерянность и страх царских властей.

Николай II требовал немедленно «снестись с болгарским и румынским правительствами с целью запрещения ими снабжения указанных судов («Потемкина» и миноноски № 267.— *Б. Г.*) как углем, так и провизией в портах обоих государств, а также недопущения съезда команды на берег»¹⁹.

Положение на «Потемкине» стало тяжелым. Из провизии осталось четыре мешка сухарей. Угля было на одни сутки, пресную воду даже для питья приходилось добывать опреснителем. Машинные котлы питались забортной водой и обросли солью, причем действовали только два из них. Их постоянно чистили, иначе корабль мог потерять ход. Кочегары и машинисты до предела были измучены непрерывной работой. Бедственное положение броненосца использовали контрреволюционеры. Они говорили матросам, что скоро котлы совсем выйдут из строя и тогда потемкинцев возьмут голыми руками. Кондукторы убеждали матросов в необходимости, пока не поздно, идти сдаваться

го 1320 т, вооруженный четырьмя 152-миллиметровыми орудиями, шестью мелкими пушками и четырьмя надводными торпедными аппаратами. «Потемкин» мог уничтожить его в несколько минут

в Румынию. Социал-демократы прилагали все усилия, чтобы поднять настроение команды²⁰. Такова была обстановка на броненосце ко времени завершения перехода Констанца — Феодосия.

А тем временем царское правительство продолжало принимать меры к подавлению восстания потемкинцев. Еще 18 июня управляющий морским министерством Ф. К. Авелан приказал адмиралу Г. П. Чухнину сообщить по всему побережью о выходе «Потемкина» из Одессы. 20 июня царь Николай II записал в дневнике: «Черт знает, что происходит в Черноморском флоте. Три дня тому назад команда «Георгия Победоносца» присоединилась к «Потемкину», но скоро опомнилась, просила командира и офицеров вернуться и, раскаявшись, выдала 68 зачинщиков. «Потемкин» очутился сегодня перед Констанцей в Румынии. На «Пруте» тоже были беспорядки, прекращенные по приходе транспорта в Севастополь. Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! Зато надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников»²¹.

21 июня наместник царя на Кавказе направил в Анапу, Новороссийск, Поти и Сухум войска, чтобы не допустить высадки потемкинцев. В Екатеринодаре был усилен вооруженный резерв²².

Николай II, узнав о приходе «Потемкина» в Феодосию, направил Г. П. Чухнину телеграмму с требованиями «прекратить шатания «Потемкина» по портам» и «покончить с этим невыносимым положением»²³.

22 июня в 8 часов утра вице-адмирал А. Х. Кригер с эскадрой в составе броненосцев «Двенадцать Апостолов», «Ростислав», «Три Святителя» и шести миноносцев прибыл в Одессу и, уведя с собой усмиранный «Георгий», в 15 часов вышел обратно в Севастополь, оставив в Одессе на случай нового появления «Потемкина» миноноски № 272 и 273²⁴.

Пока эскадра следовала в Севастополь, командующий флотом Г. П. Чухнин получил телеграмму морского министра: ««Потемкин» требует уголь и воду от городского управления Феодосии под угрозой бомбардировки города при отказе. Необходимо принять самые энергичные меры за невозможностью допускать подобный образ действий мятежного корабля. Если нужно, утопите «Потемкин». Авелан»²⁵.

Не успела эскадра войти в Северную бухту, адмирал

Г. П. Чухнин потребовал Кригера к себе и вручил ему срочное секретное предписание № 678 с приказом вести эскадру в Феодосию и уговорить «Потемкин» сдаться, а в противном случае — утопить торпедной атакой или в артиллерийском бою. Учитывая общее настроение черноморцев, Чухнин в предписании специально отметил: «Само собой разумеется, что, подходя к Феодосии, вверенная Вам эскадра должна быть в полной готовности к боевым действиям. При перемене обстоятельств или безуспешности всех указанных мер предоставляю Вам свободу действий, смотря по обстоятельствам...» Видимо, и сам командующий флотом не очень-то верил в успех экспедиции. Перед выходом эскадры он обратился к командам с «патриотической» речью и призывом «исполнить свой долг». Матросы ответили ему молчанием. Однако, несмотря на явное сочувствие команд потемкинцам, Чухнин приказал Кригеру вести эскадру в Феодосию. 23 июня в 14 часов из Севастополя вышли броненосцы «Ростислав», «Георгий Победоносец», «Двенадцать Апостолов», «Три Святителя», крейсер «Память Меркурия», минный крейсер «Казарский», контрминоносцы «Завидный», «Свирепый», «Сметливый», «Строгий» и миноноска № 270²⁶. Но мятежный броненосец в Феодосии они уже не застали.

Поход «Потемкина» в Феодосию обычно рассматривают главным образом в связи с расстрелом матросов при попытке захватить уголь. Однако для изучения проблемы революции и вооруженного восстания события в этом порту следует рассматривать еще и с точки зрения связи военных восстаний с борьбой пролетариата.

«Потемкин» пришел в Феодосию в седьмом часу утра 22 июня. В 8 часов на гафеле матросы торжественно подняли революционное знамя. Однако потемкинцы решили оставить и Андреевский флаг как знак национальной принадлежности корабля и символ героической истории российского флота. Броненосец украсили флажками расцвечивания²⁷.

Все эти дни жители Феодосии напряженно всматривались в горизонт, надеясь увидеть восставший броненосец. И как только он появился из-за мыса Святого Ильи, толпа народа хлынула в порт. Рабочие спешили приветствовать героев революции²⁸.

Едва «Потемкин» остановился на рейде, к нему подошел катер с морским офицером. Матросы пригла

сили катер к трапу. Они торопились начать переговоры о покупке угля и провизии. Но катер развернулся и ушел в гавань. Тогда группа матросов во главе с А. П. Березовским высадились на берег. Городскому голове Л. А. Дуранте отправили приглашение явиться на «Потемкин». Для лечения больных матросов пригласили врача. Л. А. Дуранте, его заместитель А. Я. Крым, гласный городской думы С. С. Крым, полицейский исправник, портовый чиновник и городской врач Муралевич в 9 часов прибыли на броненосец. Городскому голове вручили список необходимых материалов. Л. А. Дуранте обещал немедленно все исполнить и доложил о требованиях матросов военному командованию²⁹.

Городские и военные власти собрались на совещание. Начальник гарнизона и начальник жандармского управления старались уговорить городского голову и гласных «не срамить Феодосии и не исполнять никаких требований мятежников». Но Л. А. Дуранте и гласный С. С. Крым были крупными домовладельцами, как и другие члены управы. Под угрозой бомбардировки, опасаясь за свое имущество, они настаивали на удовлетворении требований потемкинцев. Кроме того, у здания управы собралась огромная толпа рабочих и либерально настроенных жителей города, которые категорически требовали выполнить все заказы матросов³⁰.

Военным властям пришлось пойти на компромисс — разрешить доставку на «Потемкин» некоторой части провизии. Одновременно послали срочные телеграммы таврическому губернатору и командиру 7-го армейского корпуса, в состав которого входил гарнизон Феодосии, с запросом о возможности снабжения броненосца провизией и углем. Губернатор ответил, что решение вопроса он предоставляет городским властям. Но командующий гарнизоном генерал-майор Ф. С. Плешков получил приказ «никаких требований мятежников не исполнять». Гражданским властям пришлось подчиниться. Однако еще до завершения телеграфных переговоров они около полудня успели отправить на «Потемкин» часть заказанной провизии: хлеб, муку, мясо и четырех живых быков. Воды привезли мало, так как стояла сильная засуха и самому городу воды не хватало. Уголь обещали доставить позднее. Матросы решили ждать до вечера, а в случае невыполнения их

требований направить военным властям ультиматум³¹.

С той же шаландой, которая привезла провизию, на «Потемкин» приехал корреспондент одной из французских газет. Матросы встретили его очень приветливо, показали ему корабль и разрешили сделать несколько фотографических снимков³².

Потемкинцы имели все основания рассчитывать на успех в Феодосии. Ее гарнизон состоял всего из 400 человек. Около двух тысяч рабочих бастовали и были готовы к восстанию. Кроме того, в городе находились несколько сотен прибывших из плена солдат Порт-Артура, которые вели среди рабочих революционную агитацию. Местные власти охватила паника. Прекратилась отправка в Феодосию товарных поездов. Начальник Таврического губернского жандармского управления полковник М. Д. Загоскин докладывал командиру отдельного корпуса жандармов, что «студенты и толпа собирались на углах улиц и, видимо, готовы были примкнуть к матросам, если бы те высадились на берег»³³.

Потемкинцы, находившиеся на берегу, организовали митинг и открыто раздавали прокламации. Полиция не вмешивалась. Под угрозой бомбардировки она покорно выполняла распоряжения матросов и даже помогала им наводить порядок в порту. У матросов снова окрепла уверенность в победе. Их настроение поднялось еще выше, когда от пассажиров вошедшего в гавань парохода они услышали, что броненосцы «Екатерина II» и «Синоп» подняли восстание и ушли к берегам Турции разыскивать «Потемкин». Только одно омрачало радость матросов — они узнали о расправе над командой «Георгия».

Судовая комиссия собралась на заседание. Известие о восстании «Екатерины» и «Синопа» заставило матросов поспешить с доставкой угля и провизии. А в это время с берега сообщили о противодействии военных властей выполнению потемкинских заказов. Комиссия решила направить начальнику гарнизона ультиматум с требованием выполнить заказы до 6 часов утра, угрожая иначе взять все необходимое силой. При этом потемкинцы давали еще четыре часа сроку для выхода из города мирных жителей. В 22 часа А. П. Березовский и Е. К. Резниченко через городскую управу передали ультиматум начальнику гарнизона³⁴.

Ночью на берег съехал К. И. Фельдман. Ему

поручили установить связь с местной организацией РСДРП. Потемкинцы рассчитывали на ее помощь в получении данных о расположении войск. Но войти в контакт с социал-демократическим комитетом не удалось³⁵. Остается неясным, почему потемкинцы не сделали этого еще раньше, во время митингов в порту.

На следующий день, 23 июня, в 5 часов утра городской голова расклеил по городу объявление, в котором говорилось:

«Не имея возможности по независящим от городского управления причинам удовлетворить все требования команды броненосца «Потемкин-Таврический», городская управа рекомендует жителям Феодосии оставить город, ввиду угрозы со стороны команды броненосца принять решительные меры.

Городской голова Л. Дуранте.
Члены управы: А. Крым, С. Иванов»³⁶.

Вслед за этим потемкинцы увидели, что из Феодосии в горы целыми семьями уходят жители. Они спасались от обстрела.

По воспоминаниям феодосийского большевика Д. Н. Басальго, особый переполох и настоящую панику известие об ультиматуме вызвало среди власть имущих и богачей: «Семьи буржуазии, чиновников, купцов, полицейских, военных — все бросились на улицы, ища транспорта. Извозчики брали бешеные деньги за выезд из города. Паника росла по мере распространения слухов, что революционные матросы будут стрелять по городу из пушек, что займут город, что всех чиновников, полицейских, жандармов арестуют»³⁷

Потемкинцы поняли, что ультиматум отклонен. Но от обстрела им пришлось отказаться. Не имея сведений о расположении войск и даже простых планов Феодосии, они не могли начать бомбардировку из опасения вызвать жертвы среди рабочих.

К. И. Фельдман и А. Н. Матюшенко отправились в порт на катере на поиски угля. Им удалось обнаружить три шхуны с углем — по 10 тыс. пудов на каждой. За ними послали миноноску и паровой катер. Матросы предложили хозяину продать уголь. Но хозяин ответил, что он дарит уголь потемкинцам и просит только вернуть ему пустые шхуны. Около 30 матросов перешли с катера на одну из шхун и стали выбирать якорь, не обращая внимания на роту солдат, стоявшую на бе-

регу. Ротой командовал полковник А. А. Герцык. Увидев, что потемкинцы хотят захватить уголь, полковник приказал открыть огонь. В 9 часов 5 минут раздались три перекрестных залпа. Несколько матросов было убито, остальные укрылись в трюме или бросились в воду, пытаясь доплыть до катера или миноноски³⁸

«Этот предательский залп,— рассказывал впоследствии А. Н. Матюшенко,— напугал команду миноносца, и он пошел полным ходом к кораблю, в катере же вся прислуга легла на дно*. Одна из пуль сломала регулятор, и катер пошел было полным ходом прямо на берег... Видя, что все от неожиданности потеряли голову... я решил спасти хоть катер с оставшейся на нем командой. Взявшись за штурвал, я повел катер к броненосцу. Всю дорогу — версты полторы — пули осыпали катер, даже пробили на нем дымовую трубу; раза три пули надвигали мне фуражку на лоб... но все же катер был спасен»³⁹.

Из числа матросов, находившихся на шхуне, восемь человек попали в плен: И. В. Балдин, Е. И. Горбачев, И. П. Задорожный, А. Н. Заулошнов, Т. Г. Мартынов, Е. С. Шевченко, К. И. Фельдман и герой восстания на «Георгии Победоносце» Д. П. Кошуба. Остальные погибли. Погиб и В. З. Никишкин, пламенный большевик-агитатор⁴⁰.

Когда команда «Потемкина» узнала о расстреле, часть матросов бросилась к орудиям, чтобы отомстить за товарищей. В 10 часов 30 минут «Потемкин» поднял боевой вымпел и сигнал иностранным судам покинуть порт. Иностранные корабли вышли из гавани. Броненосец развернул орудия в сторону вокзала⁴¹, откуда продолжала уезжать местная буржуазия.

Но в этот момент выступили кондукторы и их сторонники. Они стали кричать, что матросов никто не поддерживает, их убивают поодиночке, помощи ждать неоткуда и, пока еще остался уголь, надо идти сдаваться в Румынию. Кондукторы спровоцировали новобранцев. Социал-демократы и члены комиссии прилагали все усилия, чтобы успокоить команду. Члены РСДРП

* Версия С. Ф. Найды о том, что миноноска № 267 и катер уходили, отстреливаясь (*Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825—1917. М.; Л., 1948. С. 139*), источниками не подтверждается. Как было отмечено, миноноска не имела боеприпасов, а на катере не было даже винтовок. Иначе матросы не оставили бы своих товарищей.

и сочувствующие предлагали сжечь палубу, изрубить мачты, но только не сдаваться и дойти до Кавказа. Однако их усилия оказались тщетны. Большинство вновь потребовало идти в Констанцу.

Следует отметить одно очень важное обстоятельство, на которое указывал в свое время еще А. П. Березовский: команда потеряла надежду на близкую победу, продолжать борьбу у нее не было сил, но сознание правоты своего дела у значительной части матросов оставалось непоколебимым⁴².

В 11 часов «Потемкин» спустил боевой вымпел, развел пары и в 12 часов 30 минут вышел в море. Курс корабля потемкинцы проложили сначала к юго-востоку и лишь затем к западу*, чтобы пройти как можно дальше от Севастополя, поскольку они узнали, что их подстерегают и разыскивают миноносцы. Матросы всю ночь пристально следили, чтобы какой-нибудь предатель не изменил курс и не привел корабль вместо Румынии в Севастополь. Мрачный, с потухшими огнями шел броненосец по Черному морю⁴³. Только слабая надежда встретить «Екатерину II» и «Синоп» оставалась у революционных матросов. Миноноску № 267 из-за нехватки угля пришлось взять на буксир.

Когда «Потемкин» подходил к Румынии, Черное море, до сих пор приветливо встречавшее броненосец, разбушевалось. Оно словно злилось на потемкинцев за то, что они не смогли сделать его берега свободными. Крутая волна оборвала буксир, соединявший броненосец с миноноской, и ее едва отыскивали в бушующей темноте⁴⁴.

Около берегов Румынии произошло еще одно важное событие. «...В море,— вспоминал А. Н. Матюшенко,— похоронили мы свой и всего русского народа боевой красный флаг — флаг свободы, равенства и братства, чтобы он не достался в чужие руки. Черное море было свидетелем наших слез и горя, когда бросили его за борт!** Как было тяжело смотреть, когда он то опускался, то поднимался на гребнях волн, как будто пригласил всех матросов продолжать борьбу»⁴⁵.

* Версию А. К. Селяничева о походе «Потемкина» из Феодосии в Сухум источники опровергают (*Селяничев А. К. Флот под красным стягом. Книга для учащихся. М., 1983. С. 16*).

** Версия И. А. Лычева о передаче революционного знамени румынским социал-демократам (*Лычев И. А. Потемкинцы. С. 114*) другими источниками не подтверждается.

24 июня в полночь броненосец «Потемкин» вошел на рейд Констанцы. В 2 часа ночи на берег съехала группа матросов для переговоров о сдаче броненосца. Они спросили у коменданта порта Н. Негру, заходил ли в Констанцу «Синоп». Узнав, что этот корабль не появлялся и последняя их надежда рухнула, потемкинцы заявили о желании сдаться и пригласили коменданта на броненосец. 25 июня в 8 часов утра он прибыл на «Потемкин», выступил перед командой и огласил следующие условия сдачи: корабль передается румынским властям в хорошем состоянии; команда сходит на берег только с личными вещами; ей гарантируется свободное проживание на всей территории Румынии; потемкинцы обязуются не заниматься в Румынии политической деятельностью. В 12 часов 30 минут «Потемкин» вошел в порт и опустил Андреевский флаг. В 14 часов русские моряки начали покидать броненосец. Когда последний матрос сошел на берег, на «Потемкине» был поднят флаг Румынии⁴⁶.

Экипаж грозной крепости революции 11 дней самоотверженно боролся против царского самодержавия. Продолжать борьбу у матросов уже не было сил. Об этом комиссия сообщила приехавшему по своей инициативе для помощи восставшим русскому эмигранту Х. Г. Раковскому. Он предлагал матросам помочь в доставке угля и провизии, но, выслушав рассказы потемкинцев, понял, что восстановить прежний революционный дух на «Потемкине» невозможно⁴⁷. Однако и в этих условиях восставшие предпочли стать политическими эмигрантами, чем признать себя побежденными.

Пока команда «Потемкина» сходила на берег, миноноска № 267 в 17 часов подняла якорь и ушла в Севастополь⁴⁸.

Часть денег из судовой кассы «Потемкина» А. Н. Матюшенко раздал команде. На каждого, в переводе на румынскую валюту, пришлось по 47 лей. А поскольку некоторые матросы решили вернуться в Россию, то оставшуюся сумму в 2431 франк 80 сантимов деньгами и 800 рублей четырехпроцентной русской государственной рентой А. Н. Матюшенко вручил румынским властям для возвращения России, чтобы никто не мог упрекнуть восставших в неблагоприятных поступках⁴⁹.

Власти Констанцы прислали вооруженный конвой

для сопровождения потемкинцев. Увидев его, матросы решили, что их заманили в ловушку, и едва не произошло столкновение⁵⁰. Участник восстания минный машинист И. П. Шестидесятый впоследствии вспоминал: «На берегу в это время собралось много народа. Многие приехали из далеких мест, чтобы посмотреть на революционный броненосец, на смелых моряков. Я с благодарностью вспоминаю встречу румынских граждан с потемкинцами — так тепло, так дружески приветливо встретили нас на берегу. Я и сейчас не могу вспомнить без волнения те минуты встречи, особенно с рабочими. Этот день был каким-то праздником в Констанце. Некоторые граждане обменяли свои котелки и шляпы на матросские бескозырки с георгиевской лентой. Многих потемкинцев румыны разобрали к себе по квартирам, остальные были размещены в казенных зданиях. На следующий день потемкинцы отправились искать работу. Специалисты попали в мастерские, а остальные поехали на сельские работы»⁵¹.

События последних дней восстания показывают, что, несмотря на резкий упадок революционных настроений из-за измены «Георгия» и недостатка необходимых материалов, социал-демократам удалось снова увлечь за собой команду, выборы исполнительного комитета укрепили руководство броненосцем. Главным свидетельством успеха социал-демократов в политическом воспитании матросов явилось согласие команды поднять Красное знамя РСДРП. Но важное решение членов комиссии избавиться от контрреволюционных элементов не было выполнено: они ограничились лишь временным арестом одного из кондукторов во время следования в Феодосию⁵². Отсутствие должных мер борьбы с контрреволюционерами вместе с ухудшением общего положения на броненосце привело команду к требованию прекратить борьбу, хотя еще были возможности для ее продолжения. Пребывание «Потемкина» в Румынии имело большое политическое значение. Оно способствовало пропаганде российской революции и идей РСДРП.

События в Феодосии еще в большей степени, чем одесский период, вскрыли необходимость связи военных восстаний с борьбой пролетариата. Именно отсутствие этой связи явилось причиной неудачи феодосийского похода: все мысли потемкинцев были заняты Кавказом и

борьбу рабочих Феодосии они оставили без внимания, в то время как последние могли оказать помощь в снабжении броненосца. Потемкинцы же после неудачной попытки установить связь с местным комитетом РСДРП отказались от взаимодействия с рабочими Феодосии. В свою очередь изоляция от борьбы пролетариата усугубила положение на самом «Потемкине», где враги восстания постоянно вели контрреволюционную агитацию. Выступление контрреволюционеров с требованием прекратить восстание ввиду отсутствия поддержки со стороны других частей армии и флота, а также из-за недостатка угля, пресной воды и провизии привело в конечном итоге к отказу команды от дальнейшей борьбы.

2. Революционные события в Севастополе

Изучение революционных событий, происходивших в Севастополе в потемкинские дни, имеет значение для исследования не только июньского восстания, но и всей первой российской революции. При этом особого внимания заслуживают вопрос о влиянии революции на классовое сознание рядовых участников и проблема практической организации революционных выступлений. В связи с этим при рассмотрении севастопольских событий следует проанализировать влияние потемкинской эпопеи на рядовую массу черноморцев, а также выяснить причины неудачи попыток восстания в поддержку потемкинцев.

Севастополь узнал о «Потемкине» 16 июня. Городской комитет РСДРП организовал демонстрацию под лозунгом «Долой самодержавие!», в которой участвовало несколько тысяч рабочих. Демонстрация была разогнана казаками и полицией⁵³.

На следующий день произошли волнения в Севастопольском крепостном батальоне. Солдат крепостной саперной роты член РСДРП Н. Т. Назаренко впоследствии вспоминал: «Почти все до одного слали горячее пожелание «Потемкину» в его смело-трудном деле и были очень рады, когда пронесся слух о присоединении всей эскадры к героически восставшему «Потемкину»»⁵⁴.

Революционно настроенные матросы с кораблей, стоявших на рейде, были уверены, что посланная против «Потемкина» эскадра присоединится к нему, и в

ночь с 17 на 18 июня ждали возвращения кораблей и их сигнала к восстанию⁵⁵.

18 июня около 400 матросов «Екатерины II» ($\frac{2}{3}$ команды), получив известие о «немом бое», решили поднять ночью восстание и идти в Одессу. В случае противодействия правительственной эскадры матросы готовились вступить с нею в бой. Причем в отличие от потемкинцев они постановили арестовать не только офицеров, но и вообще всех противников восстания. Все было готово к выступлению, но нелепый случай разрушил намерения и планы матросов. Один из участников сходки, на которой обсуждался вопрос о восстании, сообщил обо всем своему товарищу, старшему фельдшеру, нередко пребывавшему в нетрезвом состоянии. «Часу в 4-м дня,— рассказывали очевидцы,— старший фельдшер пришел пьяный в кают-компанию и сказал командиру: «Ваше высокоблагородие, скоро будет наше высокоблагородие, а вы пойдете раков ловить в море». — «В чем дело?» — переспросил его командир. «У нас революция. Вечером едем к «Потемкину». Все едут, и я еду!»» — заявил фельдшер. Командир А. К. Дриженко немедленно арестовал его и отправился с докладом к вице-адмиралу А. Х. Кригеру. Кригер тут же сообщил о новой угрозе бунта в Николаев адмиралу Г. П. Чухнину. Чухнин приказал: «Из команды «Екатерины II» немедленно отобрать всех неблагонадежных нижних чинов по личному усмотрению начальства и арестовать их, в каком бы числе это ни было. Передать [их] лучше военному ведомству». По распоряжению А. Х. Кригера с броненосца свезли под конвоем на берег почти всю команду, осталось только 150 человек. Кроме того, в целях предосторожности вывезли винтовки и замки от орудий⁵⁶. Так из-за несоблюдения элементарной конспирации была ликвидирована попытка восстания на «Екатерине II».

Вице-адмирал А. Х. Кригер, не надеясь на солдат местного гарнизона, направил срочную телеграмму командующему Одесским военным округом генералу С. В. Каханову с просьбой «ввиду крайней необходимости» прислать в Севастополь казаков. Вместо казаков Каханов направил туда два батальона Литовского полка из Симферополя. «Более посылать не могу,— телеграфировал он в морское министерство,— так как у меня не осталось уже ни одной части без специального назначения, а требования от губернаторов посту-

пают постоянно». Управляющий морским министерством адмирал Ф. К. Авелан предложил Г. П. Чухнину разоружить корабли и отправить команды на берег⁵⁷.

Известие об уходе «Потемкина» из Одессы вызвало страх и растерянность у командования флота, испугавшегося, что появление «Потемкина» в Севастополе вызовет восстание матросов и солдат местного гарнизона. Чтобы предотвратить это, были погашены инкерманские створные огни, в море на расстоянии пяти миль от берега крейсировал дивизион дозорных миноносцев⁵⁸.

На поиск мятежного броненосца вице-адмирал А. Х. Кригер направил контрминоносец «Стремительный» и минный крейсер «Гридень», поставив им задачу потопить «Потемкин». «Стремительным» командовал лейтенант А. А. Янович. Его экипаж вместо четырех офицеров и 52 матросов по штату составили из специально отобранных 20 офицеров и 13 матросов: большее число матросов командование послать не рисковало. По этому поводу В. И. Ленин заметил: «Аристократия против народа!»⁵⁹ Рейс миноносца глубоко засекретили. Совершенно случайно о нем стало известно рабочему Лазаревского адмиралтейства социал-демократу Н. Г. Албулу. Он немедленно поставил в известность Севастопольский комитет РСДРП, который сумел под видом «добровольца» устроить на «Стремительный» своего представителя, кочегара парохода «Волга» Л. Пыхтина. Ему поручили испортить котлы миноносца.

19 июня «Стремительный» вышел в море. По пути ему встретился контрминоносец «Завидный». Лейтенант А. А. Янович взял из его команды еще несколько человек, среди которых оказался член «Централки» торпедист И. Бабенко, товарищ Л. Пыхтина с 1902 г. Они обменялись планами. Ночью И. Бабенко удалось вывести из строя торпеды, при этом он воспользовался помощью кочегарных квартирмейстеров Е. Карпенко и А. Кузнецова, матросов П. Кипенко, М. Ситникова и М. Соболева. Когда на рассвете 20 июня «Стремительный» подошел к Одессе, командиру доложили о негодности торпед. И. Бабенко обвинили в нерадивости и списали с корабля. Только вечером, приняв уголь, масло и новые торпеды, «Стремительный» смог уйти из Одессы. Однако утром 21 июня выяснилось, что и новые торпеды не могут действовать, так как испорчены

уже не только они, но и торпедные аппараты. Днем «Стремительный» пришел в Констанцу. Не застав там «Потемкин», он направился в Варну, где торпеды и аппараты были исправлены. Затем миноносец проследовал к берегам Крыма, получив в пути известие, что «Потемкин» в Феодосии. По дороге на «Стремительном» вышел из строя один машинный котел. Чинили его два часа. Перед Феодосией миноносец 23 июня зашел в Ялту, и когда он наконец прибыл в Феодосию, то «Потемкина» там уже не было. 24 июня в 6 часов утра «Стремительный» покинул Феодосию. Революционные моряки миноносца, узнав, что «Потемкин» не имеет угля и воды, решили, что пора совсем прекратить рейс своего корабля: в 6 часов 25 минут в котлах не без их помощи произошла авария, в результате которой котлы полностью вышли из строя⁶⁰. Моряки на деле продемонстрировали свою солидарность с экипажем «Потемкина», при этом наиболее активно помогали потемкинцам матросы технических специальностей, составлявшие ядро революционеров на флоте.

Командир минного крейсера «Гридень» капитан второго ранга Степанов перед выходом на поиски «Потемкина» объявил команде задачу похода и призвал матросов «выполнить свой долг». Как только крейсер вышел в море, старший инженер-механик капитан Н. Н. Зайцев вызвал к себе машиниста второй статьи И. Г. Захарченко и открыто предложил ему сделать все, чтобы сорвать поход, потому что «Потемкин», по мнению инженера-механика, «не заслужил того, чтобы его подрывали». О разговоре с Зайцевым Захарченко сообщил своим товарищам. Революционно настроенные моряки решили при встрече с «Потемкиным» поднять восстание и распределили обязанности для захвата корабля. Но командир крейсера Степанов заметил перемену в поведении команды и предпочел вернуться в Севастополь⁶¹. Впоследствии матросы «Гриденя» активно участвовали в ноябрьском восстании во главе с лейтенантом П. П. Шмидтом. Орудия минного крейсера стреляли по царским войскам, прикрывая горящий «Очаков».

К «Потемкину» готовилась присоединиться и команда канонерской лодки «Черноморец», находившейся в Греции в афинском порту Пирей⁶². С той же целью утром 19 июня было поднято восстание на учебном судне «Прут» *. 15 июня в 4 часа утра «Прут» вышел

* «Прут» был спущен на воду в 1879 г. Судно имело водоизме-

из Николаева для осмотра учебных укреплений на Тендре. На судне было 170 членов команды, военная комиссия из 22 офицеров для приемки укреплений, подрядчик-строитель, 38 практикантов Одесского училища торгового мореплавания и 430 учеников-машинистов, которых списали на «Прут» с других кораблей эскадры (двух из них «Прут» должен был передать на «Потемкин», но, когда судно подошло к Тендре, броненосец уже шел в Одессу). На Тендре командир «Прута» капитан второго ранга А. П. Барановский получил известие о восстании на «Потемкине». Одновременно матросам судна сообщили о восстании рыбаки. Командир «Прута», не зная что делать, запросил по телеграфу Севастополь и получил приказ идти в Николаев. Перед уходом А. П. Барановский послал на Тендру 8 человек для покупки мяса. Вероятно, он надеялся задобрить этим матросов, боясь повторения на «Пруте» потемкинских событий.

16 июня около 10 часов утра «Прут» пришел в Николаев и стал на якорь против французского завода. К тому времени начавшиеся 30 апреля забастовки в Николаеве под влиянием известий о «Потемкине» слились во всеобщую политическую. Николаевский комитет РСДРП выступил с призывом к вооруженному восстанию. 16 июня в городе было введено военное положение. Моряки Николаевской базы выражали сочувствие потемкинцам, среди них, как сообщал в департамент полиции начальник городского сыскного пункта «началось заметное брожение»⁶³.

Около полудня, рассказывал позднее участник восстания на «Пруте» машинист первой статьи И. И. Атамасов, «какой-то шустрый мальчуган добрался вплавь к борту «Прута» и перебросил фуражку с зашитыми в нее прокламациями Николаевского городского комитета «большинства». В прокламации подробно рассказывалось о том, что в Одессе восстали тысячи рабочих, что на помощь пролетариям пришел броненосец «Потемкин»»⁶⁴. Из города доносились выстрелы: казаки стреляли в рабочих.

На следующий день 50 матросов сошли на берег,

шение 5459 т, длину 109,7 м, ширину 13,1 м и углубление 7,9 м. Его машины обладали мощностью 2628 л.с. и сообщали судну ход в 13,5—14 узлов. Вооружение составляли восемь 47-миллиметровых и два 37-миллиметровых орудия, три пулемета. Кроме того, на «Пруте» было 152 винтовки — личное оружие матросов.

чтобы принять военный груз для Севастополя. Рабочие в порту рассказали им о столкновениях с казаками и полицией, о сочувствии восстанию солдат Николаевского гарнизона, дали пароль и явку в Николаеве. К 15 часам матросы закончили работу и вернулись на судно⁶⁵.

По плану «Централки» «Прут» должен был присоединиться на Тендре к восставшей эскадре, а затем идти вместе с ней в Севастополь, где высадить десант в районе Сухарной балки для захвата оружейных складов. Узнав о «Потемкине», революционеры учебного судна решили подождать восстания всей эскадры, а пока усилить агитацию среди молодых матросов. Обстановка на корабле была чрезвычайно напряженной. С 15 июня команда фактически перестала повиноваться офицерам и даже открыто насмеялась над ними. Социал-демократы едва удерживали матросов от преждевременного выступления.

Днем 17 июня командир «Прута» получил из Севастополя срочную телеграмму с приказом немедленно идти в Одессу на соединение с эскадрой, и в пятом часу вечера судно вышло в море. Перед этим А. П. Барановский получил дополнительные инструкции от контрминоносца, специально посланного вице-адмиралом А. Х. Кригером. Около Очакова «Прут» встретила яхта главного командира Черноморского флота «Эрик-лик», с нее было получено подтверждение приказа идти в Одессу⁶⁶.

До сих пор советские историки выдвигают различные предположения, пытаясь выяснить, для чего понадобился транспорт «Прут» при усмирении «Потемкина». Думается, что разгадка проста: на «Пруте» находился взрывоопасный в революционном отношении элемент — ученики машинной школы, да и команда этого судна имела репутацию революционной, поэтому А. Х. Кригер предпочел иметь «Прут» перед дулами орудий своей эскадры, чем отпустить его в беспокойный Севастополь, где и без того осталось слишком много революционно настроенных моряков.

18 июня в 2 часа ночи «Прут» подошел к Тендре. Руководителю судовой социал-демократической организации А. М. Петрову удалось связаться с рыбаками и передать им письмо для потемкинцев о готовности команды судна к восстанию. В ту же ночь на «Пруте» состоялась сходка, в которой участвовали около 100 ре-

волюционно настроенных матросов. Популярный среди команды машинист первой статьи Д. М. Титов призвал матросов к немедленному выступлению. А. М. Петров возражал ему и убеждал матросов подождать до присоединения к «Потемкину» остальных кораблей эскадры, доказывая, что плохо вооруженный «Прут» в случае боя будет только мешать броненосцу. Сходка продолжалась всю ночь, но ни к какому решению ее участники так и не пришли, за исключением договоренности заявить в обед протест против плохой пищи⁶⁷.

Командир «Прута» А. П. Барановский ждал эскадру 18 июня. Видя напряженное положение на корабле и стараясь не раздражать матросов, он отменил в этот день все занятия, и свободная от вахты команда была предоставлена сама себе. Революционно настроенные матросы собрались на сходку: Д. М. Титов вновь требовал немедленного восстания, а А. М. Петров по-прежнему убеждал его подождать исхода встречи «Потемкина» с эскадрой.

Около 13 часов с Тендры на «Прут» передали для А. П. Барановского сообщение о тревожных настроениях в эскадре и приказ ожидать дальнейших распоряжений, соблюдая осторожность. Сообщение сразу стало известно всей команде. Обстановка на судне продолжала накаляться. А. П. Барановский посылал на Тендру шлюпку за шлюпкой, ожидая новых распоряжений от командующего эскадрой. В 20 часов он получил из Одессы телеграмму от командующего войсками с извещением об уходе эскадры в Севастополь, а на рассвете 19 июня пришла телеграмма от начальника штаба флота с приказом идти в главную базу⁶⁸.

В ночь на 19 июня матросы еще раз собрались на сходку. На горизонте виднелись неизвестные корабли, а со стороны Одессы светил прожектор «Геоorgia Победоносца». Матросы, не зная о событиях на одесском рейде, приняли его за «Потемкин». Они решили начать восстание утром, когда «Прут» снимется с якоря и скроется из виду неизвестных кораблей на горизонте. Матросы опасались, что ими могут оказаться верные правительству миноносцы.

19 июня «Прут» снялся с якоря и взял курс на Севастополь. В 9 часов 30 минут часть команды судна собралась на юте для воскресного богослужения. В это время машинист Д. М. Титов подал сигнал к восстанию. Оно началось в нижних помещениях корабля. Матросы

расхватали винтовки и взломали замок патронного погреба. Затем с криками «ура!», «в Одессу!», «к «Потемкину»!» они бросились на спардек. Офицеры пытались спрятаться в каютах, но матросы выгоняли их на палубу.

Восстание возглавил А. М. Петров — преданный революции большевик. В ходе восстания был убит только боцман И. Козлитин, который постоянно издевался над матросами и теперь попытался оказать вооруженное противодействие восставшим. Случайно погиб прапорщик С. Нестерцев. Остальных офицеров заперли в кают-компаниях. Не были арестованы лишь старший офицер лейтенант Н. И. Руднев и судовой врач О. В. Перониус, которые пользовались уважением команды. С арестованными офицерами прутовцы обращались вежливо. Как показывал на следствии практикант Одесского училища торгового мореплавания В. А. Стерлигов, матросы говорили, что «если они с нами плохо обращались, то покажем, что, когда они в нашей власти, мы с ними обращаемся хорошо»⁶⁹.

В восстании приняли участие все члены команды, за исключением нескольких человек. Офицеры были полностью деморализованы и не оказали никакого сопротивления восставшим. Они еще во время перехода на Тендру договорились сдать при встрече с «Потемкиным», не обращая внимания на командира, которого Н. И. Руднев предлагал даже связать. Лейтенант сразу перешел на сторону восставших, но на суде матросы его не выдали, и судьи ограничились указанием, что он «в период бунта был в странных отношениях к бунтующим»⁷⁰.

Захватив корабль, матросы направили его в Одессу. Практиканты мореходного училища присоединились к восстанию и помогали матросам прокладывать курс. Командиром судна назначили прапорщика В. Яцимирского, старшим офицером — прапорщика И. Сандакова. Руководство восстанием возложили на комиссию, в которую вошли: А. М. Петров, машинист первой статьи В. Ф. Козуб (большевики), кочегар первой статьи М. М. Чугунов, квартирмейстер Г. Дружинин и матрос второй статьи Д. Н. Филимонов (сочувствующие). После выбора комиссии перед командой выступил А. М. Петров. Он разъяснил матросам задачи революции и призвал их помочь «Потемкину»⁷¹.

Около 16 часов «Прут» подошел к Одессе. «Потем-

кина» на рейде не было. Только «Георгий» стоял у мола. Матросы спросили у лоцмана Н. И. Романенко, где броненосец. Не получив необходимых сведений, «Прут» ушел из Одессы⁷².

А тем временем командующий Одесским округом генерал С. В. Каханов телеграммой уведомил адмирала Г. П. Чухнина о заходе учебного судна в Одессу и о том, что, «по заявлению лоцмана, на «Пруте» не было офицеров»⁷³.

«Прут» малым ходом шел на восток. Матросы не знали, что делать. Искать «Потемкин» в море судно не могло — у него было очень мало угля и провизии. Моряки уже начали ломать и жечь в топках деревянные переборки. Вопрос о дальнейших действиях комиссия вынесла на решение всей команды. Перед общим собранием выступил А. М. Петров. Он поставил на голосование два предложения: первое — сдать румынским или болгарским властям и второе — идти в Севастополь и поднять на восстание эскадру. Сторонники первого предложения становились по левому борту, второго — по правому. Так решалась судьба восстания. А. М. Петров первым перешел на правый борт. За ним последовали активные участники и руководители восстания И. Ф. Адаменко, Д. М. Титов, И. А. Черный и большинство экипажа. «Это были минуты большого волнения, — вспоминал впоследствии участник восстания М. Д. Потороко. — Некоторые матросы перебежали с борта на борт, меняя свое решение. И было над чем подумать. Идти в Севастополь слабовооруженному кораблю — путь героический, но смертельно опасный, а поход в Румынию означал эмиграцию... Голосование сложилось в пользу похода в Севастополь»⁷⁴.

20 июня в 2 часа ночи на подходе к Севастополю «Прут» встретил контрминоносец «Стремительный», который осветил прожектором мостик судна со стоявшим на нем прапорщиком В. Яцимирским. Увидев офицера, с миноносца спросили, не встречал ли «Прут» «Потемкина». «Нет», — ответил прапорщик и в свою очередь поинтересовался: — «А у вас как, спокойно?» «Все в порядке», — просигналил «Стремительный» и прошел мимо. Спустя некоторое время «Прут» встретил патрульный контрминоносец «Жуткий», под конвоем которого утром 20 июня судно было доставлено на севастопольский рейд. Никакого сопротивления мино-

носу «Прут» оказать не мог за неимением боевых снарядов.

В 10 часов утра к «Пруту» подошли баржи с солдатами. На судно прибыли вице-адмирал Г. П. Чухнин и военно-морской прокурор полковник И. И. Александров. Командир «Прута» А. П. Барановский дал матросам честное слово не выдавать никого из восставших, но в команде нашлись три предателя: И. Беликов, П. Калашников и К. Труш. Они выдали 44 активных участника восстания, в том числе и Д. М. Титова. А. М. Петров признался сам. Он хотел взять на себя всю вину и спасти товарищей ценою жизни.

В тот же день, в 22 часа, на «Прут» семафором передали с минного крейсера «Гонец»: «Вы свое дело сделали. Не допускайте, чтобы начальство съехало на берег. Есть распоряжение ночью взорвать «Прут» с командой». Но это сообщение оказалось ложным.

Утром 21 июня на «Прут» снова явились командование флота и судебные власти. Матросов начали свозить с корабля. На берегу кто-то из них кирпичом убил предателя П. Калашникова. Всю команду поместили в плавучую тюрьму, блокив «Бомборы». Ночью, проломив борт, несколько человек бежали. Тогда прутьевцев перевели в крепость⁷⁵. Восстание на учебном судне «Прут» потерпело поражение, одной из главных причин которого было то, что матросы судна в силу не зависевших от них причин не смогли соединиться с командой «Потемкина».

Эскадра не присоединилась к «Потемкину», но матросы ее кораблей ясно продемонстрировали свое сочувствие восставшим. «Состояние команд остальных судов тревожное, высшее морское начальство в распоряжениях теряется»,— доносил из Севастополя в департамент полиции начальник городского жандармского управления подполковник А. П. Бельский⁷⁶.

Положение на флоте настолько обострилось, что Г. П. Чухнин приказал срочно уволить в запас до трех тысяч моряков. Такого количества людей хватило бы для укомплектования командами четырех броненосцев. Сам вице-адмирал попросил морское министерство срочно предоставить ему специальный поезд для переезда из Николаева в Севастополь. Чухнин не хотел идти морем, боясь попасть в руки восставших моряков. «Мне не подобает быть захваченным»,— телеграфировал он⁷⁷.

19 июня Севастопольский комитет РСДРП выпустил листовку «Ко всем», в которой призвал матросов и солдат города поддержать потемкинцев в борьбе за свободу. Местная буржуазия начала покидать Севастополь⁷⁸.

Вечером того же дня во дворе флотских казарм собралось около 500 революционно настроенных матросов. Еще не зная об уходе «Потемкина» в Румынию, они решили захватить оружие, вывести из казарм несколько экипажей, посадить их на «Екатерину» и «Синоп», а затем идти в Одессу. Другие матросы должны были вместе с солдатами гарнизона захватить Севастополь. Но командованию удалось узнать о подготовке восстания. Утром 20 июня матросов под предлогом смотра вывели из казарм и, пока они находились на дворе, увезли оружие. Войска оцепили казармы и арестовали около двух тысяч человек. Оставшиеся на свободе революционеры решили отложить восстание до установления контакта с матросами на кораблях и получения сведений о местонахождении «Потемкина», поскольку стало известно о его уходе из Одессы⁷⁹.

Вице-адмирал Г. П. Чухнин ввиду угрозы новых попыток восстания обратился к командующему Одесским округом с просьбой прислать в Севастополь артиллерийскую бригаду или «хотя бы одну батарею»⁸⁰.

Председатель военно-морского суда Севастопольского порта генерал-лейтенант И. П. Андреев докладывал в морское министерство о полной ненадежности даже специально подобранных караульных матросов, охранявших здание суда. Кроме того, он особо отметил революционное настроение севастопольского пролетариата. «Портовые рабочие,— писал он,— которыми населена Корабельная слободка, хотя и не восстали еще, но так волнуются, что, по словам сведущих лиц, малейшего недоразумения достаточно, чтобы возникли беспорядки, сопровождаемые насилием всех видов»⁸¹.

Николай II каждый день получал все новые тревожные известия о «Потемкине», Одессе, Севастополе... Царь был поражен и разгневан неспособностью командования армии и флота справиться с революционным движением. 20 июня на телеграфном сообщении о восстании команды «Прута» он написал: «Объявить Кригеру в приказе от моего имени строжайший выговор за безобразное состояние дисциплины на судах этой

дивизии»⁸². Но «строжайшими выговорами» остановить революцию было невозможно!

Вечером 20 июня начались волнения на броненосце «Синоп». Их поводом послужили воровство судового офицера-ревизора, из-за чего многим матросам не хватило ужина, и недоброкачественность пищи. Матросы требовали предоставить им возможность самим закупать провизию. С большим трудом офицеры смогли успокоить команду. Ночью социал-демократы распространили прокламацию, в которой разъясняли недостаточность одних только экономических требований и призвали к восстанию. Утром 21 июня командир корабля капитан первого ранга М. Г. Афонасьев приказал списать на берег десять человек, заподозренных в революционной агитации. Возмущенные матросы с криком: «Не отдадим товарищей на гибель!» — выбежали на бак. Но офицерам все же удалось отправить неблагонадежных на берег.

Среди членов команды не оказалось опытных руководителей, способных правильно организовать коллективный протест и превратить инцидент в вооруженное восстание. На другой день на «Синоп» явился контр-адмирал И. П. Тихменев с батальоном пехоты и, угрожая расстрелом каждого десятого, потребовал выдать зачинщиков. Предатели выдали 16 человек⁸³. Выступление на «Синопе» было подавлено.

Положение в Севастополе оставалось напряженным. 21 июня жандармский подполковник А. П. Бельский телеграфировал в Петербург, что матросы стараются задержать отъезд уволенных в запас и в отпуск, «настроение флотских команд вызывающее, тревожное». Кроме того, он сообщил о высылке из Севастополя рабочих, находившихся в начале восстания на «Потемкине», так как их рассказы «производят нежелательное влияние»⁸⁴.

На следующий день вице-адмирал Г. П. Чухнин послал телеграмму управляющему морским министерством с просьбой ввиду полной ненадежности караульных из числа матросов немедленно прислать в Севастополь еще два батальона солдат специально для охраны арестованных моряков⁸⁵.

Без разрешения вице-адмирала была запрещена продажа оружия и боеприпасов в магазинах Севастополя. Частным лодкам не разрешалось ночью подплывать к военным кораблям ближе чем на сто сажен⁸⁶.

23 июня Г. П. Чухнин обратился к командиру отдельного корпуса жандармов с просьбой как можно скорее увеличить численность севастопольской жандармерии. В морское министерство Чухнин сообщил: «Броненосцы «Екатери́на» и «Сино́п» совершенно ненадежны. На всех судах есть партии человек 50—60, которые держат в руках команду, большинство пассивно трусливо, но легко возбуждается и присоединяется к бунтовщикам. Офицеры потеряли авторитет и власть, нельзя ни за что ручаться... Необходимо увеличить войска для ареста»⁸⁷.

23 и 24 июня «Централка» и Севастопольский комитет РСДРП выпустили две листовки, обращенные к матросам и солдатам. В них разъяснялись задачи и цели борьбы потемкинцев и содержались призывы переходить на сторону революции под лозунгами РСДРП⁸⁸.

24 июня Г. П. Чухнин вновь направил телеграмму в Одессу С. В. Каханову, умоляя его прислать в Севастополь казаков. Каханов ответил, что свободных частей у него нет, но обещал прислать при первой возможности⁸⁹.

Даже известие о сдаче «Потемкина» и отъезд на родину трех тысяч демобилизованных и уволенных в отпуск матросов не смогли полностью успокоить бурливший Севастополь. Г. П. Чухнин приказал перевести в армию 1100 политически неблагонадежных матросов. Но оказалось, что и этой меры недостаточно. Пример «Потемкина» оказал огромное влияние на моряков. «Черноморский флот в настоящем его составе,— писал 1 июля и.о. прокурора симферопольского окружного суда В. В. Новицкий прокурору одесской судебной палаты А. И. Поллану,— представляет грустное зрелище: высшее начальство растерялось и буквально не знает, что делать, младшие офицеры бранят начальство и всю вину за происшедшее сваливают на него, матросы сознают, что они господа положения, что их боятся, и ведут себя вызывающе. Одним словом, полное разложение флота, чреватое в будущем грозными событиями»⁹⁰.

«Положение было очень опасно,— телеграфировал позднее Г. П. Чухнин Николаю II,— все опасались общего бунта». По мнению вице-адмирала, только своевременные аресты и высылка из Севастополя политически неблагонадежных матросов смогли предотвратить восстание эскадры⁹¹.

Уволенные во временный отпуск и в запас матросы привозили с собой на родину свободолюбивый дух «Потемкина», вели революционную пропаганду и агитацию. Местным властям пришлось просить вице-адмирала Г. П. Чухнина убрать этих матросов из сел и деревень «как подбивающих крестьян к беспорядкам»⁹².

После завершения потемкинского восстания «Централка» и Севастопольский комитет РСДРП выпустили специальную листовку «Товарищи, не унывайте!», в которой призывали моряков не падать духом и готовиться к новому восстанию. «За нас сама жизнь, она толкает нас на борьбу с самодержавием,— говорилось в листовке.— Никаким царям не совладать с разбушевавшимся океаном справедливого народного гнева... Наше правительство не первый раз подавляет революционное движение части народа... Не приходите в отчаяние! Далеко не все потеряно. Быстро сомкнем наши разрозненные ряды и плечом к плечу с восстающим пролетариатом поведем освободительную борьбу. На бой же, товарищи! На славный, кровавый бой за народное благо! Долой ненавистного нам царя! Да здравствует народная свобода! Да здравствует социализм!»⁹³

Восстание на «Потемкине» всколыхнуло весь Черноморский флот. Приведенные материалы показывают резкое ускорение революционизирования самых широких масс черноморцев и свидетельствуют о реальности осуществления общего плана «Централки». Революционные моряки пытались организовать восстание в поддержку потемкинцев. Но недостаточный уровень партийного руководства и ошибки в конспирации наряду с принятыми командованием мерами не позволили сделать этого. Июньские события в Севастополе показали значение крепкой сети партийных организаций для подготовки военных восстаний.

3. Возвращение и расправа

После переговоров румынское правительство согласилось вернуть России броненосец «Потемкин». 26 июня в 10 часов в Констанцу под командованием адмирала С. П. Писаревского пришла эскадра в составе броненосцев «Чесма» и «Синоп», миноносек № 261, 262, 264, 265. Писаревский тут же дал телеграмму в морское министерство: «Прибыл в Констанцу, нашел красавца

«Потемкина» в порту под румынским флагом, ведя переговоры о его принятии, надеюсь, что выйду 11-го ночью»⁹⁴.

Адмирал, видимо, рассчитывал найти «Потемкин» после восстания в очень запущенном состоянии, поэтому и указал в телеграмме такой отдаленный срок выхода. Однако все механизмы броненосца оказались в полной исправности, за исключением того, что некоторые приборы были похищены румынскими властями. Вероятно, по той же причине в машинном отделении на два метра стояла вода, чего не было при сдаче корабля потемкинцами. Вода проникла через открытые кингстоны, и ее быстро откачали⁹⁵.

В 11 часов чиновник румынского министерства иностранных дел посетил С. П. Писаревского на «Чесме» и вручил ему телеграмму румынского правительства: «Господин адмирал, его величество Кароль, король Румынии, желает возвратить его величеству императору России броненосец «Потемкин», который, в нарушение правил войдя в наши воды, был разоружен». В телеграмме ни слова не было сказано о предоставлении команде «Потемкина» политического убежища: правительство Румынии дипломатически тонко обошло этот вопрос — речь шла лишь о возвращении имущества, принадлежащего другой стране. Кроме того, румынское правительство еще раньше ответило отказом на просьбу Николая II выдать потемкинцев как уголовных преступников. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Что касается до румынского правительства, то оно поступило правильно, игнорируя просьбу рассматривать составших матросов как уголовных преступников. Этого, конечно, и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя... Румынское правительство отнюдь не на стороне революции, ничего подобного! Но унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому и презираемому царю всей России оно все же не хочет»⁹⁶.

В 14 часов шесть шлюпок с «Синоп» доставили на «Потемкин» десять офицеров и около 200 матросов. Произошла смена караулов, спущен румынский флаг, и в 14 часов 10 минут поднят Андреевский. Русский священник отслужил молебен и окропил корабль «святой водой», чтобы изгнать «дьявола революции»⁹⁷.

28 июня в 19 часов 20 минут эскадра Писаревского покинула Констанцу. «Синоп» вел на буксире теперь

уже не опасный «Потемкин», на котором в Россию возвращались 47 матросов и кондукторов, прапорщик Д. П. Алексеев и подпоручик П. В. Калюжный. Одни из них надеялись на «царскую милость», другие были уверены в ней, поскольку с самого начала выступали против восстания. С ними находился и активный участник восстания машинист Ф. Я. Кашугин. Он не успел съехать с корабля, и русские офицеры схватили его⁹⁸.

1 июля «Синоп» ввел «Потемкин» в Южную бухту Севастополя. Остатки бывшей команды сняли с броненосца и отправили под арест на учебное судно «Прут». Моряков миноноски № 267 еще до этого заключили в «Бомборы»⁹⁹.

После завершения потемкинской эпопеи царские власти стали вершить суд и расправу над участниками восстания. 30 июня начался судебный процесс над прутовцами. Он проходил под Севастополем в Киленбалке в помещении ангара для аэростатов. Район ангара на пять верст в четыре ряда оцепили солдаты. Два миноносца охраняли вход в бухту. Суду были преданы 44 человека, хотя известно, что в восстании участвовала почти вся команда «Прута». Объяснение этому содержится в письме председателя суда, военно-морского прокурора полковника Ю. Э. Кетрица главному военно-морскому прокурору тайному советнику К. Ф. Виноградову. «На «Пруте», — писал он, — было 152 ружья, все разобранные бунтовщиками по рукам, и по делу выяснено, что еще больше было бунтующих, принимавших в восстании деятельное участие, так что 44 человека, преданные суду, были только случайно вырваны (вероятно, для скорости) из общей массы виновных»¹⁰⁰.

Самодержавие поспешило расправиться со своими главными врагами. Суд приговорил Александра Михайловича Петрова, 23 лет, Ивана Ферапонтовича Адаменко, 24 лет, Дмитрия Матвеевича Титова, 25 лет, и Ивана Арефьевича Черного, 27 лет, к смертной казни; 16 матросов — к каторге; одного — к отдаче в исправительные арестантские отделения; шестерых — к отдаче в дисциплинарные батальоны и одного — к аресту. Остальных оправдали за отсутствием прямых доказательств революционной деятельности, поскольку на суде матросы держались стойко и старались не выдавать друг друга¹⁰¹.

Военно-морской прокурор полковник И. И. Александров опротестовал решение суда как слишком мяг-

кое и фактически упрекнул суд в пособничестве обвиняемым, заявив, что председатель суда Ю. Э. Кетриц намеренно затянул чтение приговора до десяти минут первого ночи 30 июля — дня рождения наследника престола. Последнее обстоятельство давало повод для ходатайства о замене смертной казни другим наказанием. Защитники подсудимых Г. Куперник и Л. Я. Резников действительно воспользовались этим и послали телеграмму царю с просьбой о помиловании. Николай II предоставил окончательное решение адмиралу Г. П. Чухнину, который не только утвердил приговор, но еще и подал 1 августа рапорт морскому министру А. А. Бирилеву с жалобой на суд. Адмирал жаждал крови. Он писал: «С судом над бунтовавшими командами Черноморского флота ничего назидательного для команд не выходит... К суду за участие в бунте на учебном судне «Прут» было привлечено 43 человека... хотя принимали участие в бунте, конечно, сотни. Дело было так ведено, что и из этих... 15 человек совершенно оправдано. Что же делать с остальной командой, значит, ее уж надо безусловно оправдать... Суд не считает участием в бунте тех из нижних чинов, которые были с ружьями, считая, что это не есть доказательство участия в бунте. Какого же доказательства надо, ведь никто не скажет, что взял ружье, чтобы убивать... То же явление, конечно, будет и при суде над зачинщиками бунта на броненосце «Георгий Победоносец», командой броненосца «Синоп», миноносца № 267...» Чухнину было мало смертей, он требовал еще больше суровых наказаний¹⁰², хотя царский суд никогда не отличался мягкостью при вынесении приговоров революционерам.

24 августа в пять часов утра на Длинной косе у Михайловской крепости приговор был приведен в исполнение. Расстреливали осужденных три взвода матросов-новобранцев, отобранных с разных кораблей. На молодых матросов были в свою очередь нацелены винтовки солдат Литовского полка, но некоторые из них просили матросов не стрелять... На осужденных надели холщовые мешки и завязали глаза. Перед залпом Д. М. Титову удалось сорвать повязку. Он встретил смерть с открытыми глазами. Моряки умирали героями. Присутствовавший при расстреле священник рассказывал: «Они шли на казнь, как на танцы... веселые, бодрые, жизнерадостные». А. М. Петров перед смертью

сказал: «Вы этой казнью ничего не сделаете: на место нас станут тысячи!..»¹⁰³ Тела казненных положили в два гроба и закопали на Братском кладбище.

После прутовцев судили 75 участников восстания на «Георгии Победоносце». Суд длился с 16 по 26 августа. Руководители восстания Семен Пантелеймонович Дейнега, 27 лет, Дорофей Петрович Кошуба, 26 лет, и Иван Кондратьевич Степанюк, 27 лет, были приговорены к смертной казни. Остальные — к вечной каторге или каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, к отдаче в арестантские исправительные отделения на срок от 3 до 5 лет. Защитники опять просили царя смягчить приговор, и опять Николай II передал дело на усмотрение Г. П. Чухнина. «Милосердие» адмирала было известно — он утвердил приговор, и лишь И. К. Степанюку удалось с помощью адвокатов заметить казнь бессрочной каторгой¹⁰⁴.

Все вернувшиеся в Россию потемкинцы и моряки миноноски № 267 также были преданы суду. Вначале их хотели судить гражданским судом как политических преступников. Но затем царское правительство сочло более выгодным рассматривать восстание потемкинцев как воинское преступление, и дело передали военно-морскому суду Севастопольского порта. Судили 68 человек, разделив их на четыре группы. В первую включили тех, кто принадлежал к революционной организации и сознательно начал восстание с целью свержения существующего строя (среди них — А. Н. Заулошнов, Ф. П. Луцаев, Т. Г. Мартьянов); во вторую — тех, кто добровольно или под угрозой насилия присоединился к первой, но не разделял всех ее политических убеждений (в том числе С. Я. Гузь, И. П. Задорожный, Ф. Я. Кашугин); в третью — тех, кто помогал восставшим под угрозой насилия (такие, как Д. П. Алексеев, А. С. Галенко, Ф. В. Мурзак и несколько матросов); в четвертую — тех, кто не принимал участия в восстании, но и не оказал ему активного противодействия и находился на корабле, имея возможность бежать и сдать властям.

Севастопольский комитет РСДРП и «Централка» развернули активную агитацию за предоставление амнистии потемкинцам. В октябре 1905 г. в обстановке назревания новых революционных событий к ним присоединилась даже городская дума Севастополя: 20 октября ее члены послали телеграмму председателю со-

вета министров С. Ю. Витте с требованием отмены смертной казни и амнистии всем участникам июньского восстания¹⁰⁵.

Суд над потемкинцами начался 4 февраля 1906 г. после разгрома ноябрьского восстания в Севастополе. Трех потемкинцев — Александра Николаевича Заулошнова, 22 лет, Федора Пантелеймоновича Луцаева, 28 лет, и Тихона Григорьевича Мартыянова, 23 лет, — приговорили к смертной казни. Но на основании царского указа от 21 октября 1905 г. о смягчении наказаний за политические преступления, совершенные до издания манифеста 17 октября 1905 г., казнь заменили 15-летней каторгой. Матросы Сергей Яковлевич Гузь, 28 лет, Иван Павлович Задорожный, 23 лет, и Феодосий Яковлевич Кашугин, 27 лет, также были приговорены к каторге: первый — на десять, второй — на три с половиной года, третий — на шесть лет. Остальных отдали в арестантские роты и подвергли другим наказаниям. Прапорщика Д. П. Алексева *, врача А. С. Галенко и подпоручика П. В. Калюжного уволили со службы. 23 февраля вице-адмирал Г. П. Чухнин приказом № 293 утвердил приговор¹⁰⁶.

По дороге на каторгу И. П. Задорожному удалось бежать. Пытался бежать и А. Н. Заулошнов, но был схвачен. 24 февраля 1910 г. он умер в одиночной камере саратовской тюрьмы¹⁰⁷.

Несколько сотен матросов с «Прута», «Геоorgia Победоносца», «Потемкина» и других кораблей были высланы на Дальний Восток в Амурскую флотилию. После окончания службы их оставили там на поселение¹⁰⁸.

Руководитель восстания на «Потемкине» Афанасий Николаевич Матюшенко, ставший политическим эмигрантом, в Женеве встречался с Владимиром Ильичем Лениным. Впоследствии он сошелся с известным провокатором попом Г. А. Гапоном, служба которого в охране тогда еще оставалась тайной, и вступил в связь с анархо-синдикалистами. Матюшенко всегда стремился к «самым революционным», по его мнению, действиям, не различая за громкой фразой ее подлинного содержания. От анархистов он получил явку в Одессе

* Д. П. Алексеев во время гражданской войны в Крыму был расстрелян деникинцами как «командир «Потемкина»». Они не стали разбираться, какую роль сыграл он в ходе восстания: для них было достаточно сочетания двух этих страшных им слов.

и 28 июня 1907 г. туда нелегально приехал, но за ним уже следили. Из Одессы А. Н. Матюшенко перебрался в Николаев. В это время анархисты совершили крупное ограбление около Одессы. Матюшенко был арестован в Николаеве по подозрению в соучастии и привезен в Одессу. Здесь в тюрьме его опознал провокатор. Из Севастополя за Матюшенко прислали контрминоносец «Строгий». Везли его в ручных и ножных кандалах под конвоем семь офицеров и 60 солдат. В Севастополе Матюшенко судили и приговорили к смертной казни через повешение. На рассвете 20 октября приговор был приведен в исполнение. В севастопольской тюрьме с А. Н. Матюшенко находился арестованный в Москве еще 3 июня 1907 г. и осужденный на 15 лет каторги потемкинец Е. Р. Бредихин. Перед смертью Афанасий Николаевич написал ему записку: «Сегодня приговор будет исполнен, умираю за правду с горестью *», как подобает революционеру, передай мой привет Арборе **. Прощай!»¹⁰⁹

Мало кто знает, что казнить А. Н. Матюшенко царские власти по закону не имели права, так как восьмой пункт упомянутого указа от 21 октября 1905 г. всем без исключения заменял смертную казнь 15-летней каторгой за совершенные до 17 октября политические преступления. В связи с этим после казни А. Н. Матюшенко либеральная газета «Русь» 23 октября 1907 г. опубликовала специальную статью. Но что значили для царя его собственные законы и указы, когда речь шла о самом существовании самодержавия?!

Арестованному в Феодосии Константину Исидоровичу Фельдману удалось бежать вместе с охранявшим его часовым и благополучно перейти румынскую границу.

Вице-адмирал Г. П. Чухнин после восстания на «Потемкине» еще год командовал Черноморским флотом. В ноябре 1905 г. он усмирал восставший «Очаков». Этот адмирал поистине заслужил славу цепного пса самодержавия. Его ненавидели все матросы и неоднократно строили планы его убийства. Севастопольский комитет РСДРП убеждал матросов не делать этого,

* Встречающееся в литературе иногда написание «умираю за правду с гордостью» не соответствует подлинному тексту.

** З. К. Арборе-Ралли — российский эмигрант-народоволец, профессор. В его доме в Бухаресте часто собирались потемкинцы и другие эмигранты.

но 27 января 1906 г. на Чухнина было совершено нападение: эсерка, дочь генерала Екатерина Адольфовна Измайлович ранила адмирала из браунинга и сама при этом погибла. Однако эсеры на этом не успокоились, и 28 июня по заданию их боевой организации матрос Яков Степанович Акимов при содействии садовника адмиральской дачи Феофана Григорьевича Шатенко привел приговор над Чухниным в исполнение, смертельно ранив его из ружья. В ночь на 29 июня Чухнин умер¹¹⁰. Он был настолько верным и преданным слугой самодержавия, что царское правительство возвело его в ранг национальных героев России — его торжественно похоронили в севастопольском Владимирском соборе, где покоится прах знаменитых адмиралов — В. И. Истомина, В. А. Корнилова, М. П. Лазарева и П. С. Нахимова.

Была попытка убить и полковника А. А. Герцыка, отдавшего в Феодосии приказ стрелять в потемкинцев. 25 июля 1905 г. между 9 и 10 часами утра барабанщик Иосек Мочидлов (Могидлобер) во время построения на плацу выпустил в него три пули, но не попал и ранил другого офицера. На докладе об этом полковника А. А. Герцыка Николай II написал: «Судить полевым судом». 20 июля суд приговорил Мочидлову к смертной казни, и, несмотря на то что рабочие Феодосии объявили забастовку, требуя отмены приговора, 6 октября он был повешен¹¹¹.

* * *

Потемкинское восстание является частью первой российской революции. Поэтому выяснение причин его неудачи важно для изучения всей проблемы революции.

Главные причины поражения восстания заключаются в том, что оно не смогло распространиться на весь Черноморский флот и соединиться с рабочим движением. Это в значительной мере было обусловлено преждевременностью выступления и незавершенностью его подготовки. Объективное развитие революции шло к вооруженному восстанию, но момент его не настал. Матросские массы в тот период не были готовы к вооруженному выступлению, а руководители восстания не приобрели опыта его организации. Уровень охвата масс революционной пропагандой и агитацией был еще

невысок. К этому прибавились списание с кораблей на берег накануне и в ходе восстания революционно настроенных матросов и замена их политически несознательными новобранцами. Революционные группы на судах флота оказались настолько ослаблены, что не смогли организовать выступление в поддержку потемкинцев. Значительная часть революционно настроенных моряков была списана и с самого «Потемкина».

Роковую роль сыграли также тяжелое положение Одесского большевистского комитета и предательская тактика меньшевистского руководства Одесской группы РСДРП.

Важной причиной неудачи восстания моряков явилось отсутствие у них связи с борющимся пролетариатом Одессы. Потемкинцы не успели осуществить свои решения о высадке десанта и соединении с рабочими — помешала измена «Георгия». Революционная армия не была образована. Но попытка ее создания заключалась в самом приходе восставшего броненосца к революционным рабочим Одессы. В. И. Ленин в связи с этим писал: «...трудная задача «сочетания морских и сухопутных сил» (одна из труднейших задач даже для регулярного войска) не была еще разрешена. Но она была поставлена, и все признаки говорят за то, что одесские события не останутся единичным казусом»¹¹².

Изолированность восстания позволила командованию армии и флота принять меры для его локализации. К неопределенности внешнего положения прибавилось отсутствие единства в командах «Потемкина» и «Георгия Победоносца» вследствие наличия в них большой группы колеблющихся и прямых противников восстания. Нерешительная тактика восставших во многом объясняется именно нахождением на «Потемкине» большой массы политически незрелых и забитых палочной дисциплиной новобранцев. У потемкинцев не было опыта организации восстания, не хватало опытных агитаторов для пропаганды среди неустойчивой части команды. В ходе восстания ими был совершен ряд серьезных ошибок, в том числе невыполнение рекомендаций III съезда РСДРП и «Централки» о решительной борьбе с контрреволюционными элементами, отказ от преследования эскадры вместе с «Георгием» и отказ от подавления мятежа на «Георгии».

Однако ошибки и просчеты восстания отнюдь не умаляют его значения как первого перехода крупной

части вооруженных сил царизма на сторону народа. Революционные моряки в условиях полной неясности положения броненосца, недостатка необходимых материалов, продовольствия и даже пресной воды самоотверженно боролись с царским самодержавием. Известный революционер-большевик В. В. Воровский писал в газете «Пролетарий»: «Сколько трагической поэзии в судьбе этого скитальца, дни и ночи обреченного носиться по далекому морю, одинокого, отрезанного от друзей, преследуемого врагами. Зловеще смотрят убийственные жерла пушек, день и ночь стоит на часах зоркая стража, каждую минуту готова команда идти в бой,— враг не решается подойти к этой плавучей крепости,— нет приюта отважным: берег враждебно отталкивает их от себя, грозя гибелью, и только море, не знающее цепей рабства, протягивает братские объятья этим борцам за свободу»¹¹³.

Оценивая события восстания, отмечая его ошибки и недостатки, не следует забывать, что оно происходило в условиях революции 1905 года, а не 1917-го, когда была выше политическая сознательность масс, шире охват их революционной пропагандой и агитацией, выше уровень партийного руководства революционной борьбой, крепче союз армии и народа, крестьян и рабочих. Но именно 1905 год подготовил 1917-й, воспитал и закалил поколение революционных борцов, помог партии выработать правильные пути организации социалистической революции.

«Тяжел урок одесского восстания,— писал В. И. Ленин,— но на почве революционизированного уже настроения он научит теперь революционный пролетариат не только бороться, но и побеждать. По поводу одесских событий мы скажем: революционная армия разбита,— да здравствует революционная армия!»¹¹⁴

Значение восстания на «Потемкине» для развития революции

---

1. Потемкинское восстание в ленинской революционной теории и агитационно-пропагандистской деятельности РСДРП в период первой российской революции

Июньское восстание 1905 г. на Черноморском флоте положило начало переходу войск на сторону народа в условиях революции, ознаменовав, по определению В. И. Ленина, «новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия». Оно явилось первым массовым революционным выступлением в царских войсках, первой крупной победой партии в борьбе за армию. «Громадное значение последних одесских событий,— писал В. И. Ленин,— состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма,— целый броненосец,— перешла открыто на сторону революции». Восстание «Потемкина» показало, что революционное движение в войсках поднялось на высшую ступень, перейдя в стадию открытых восстаний и объединения революционных сил армии и народа. «Никакие репрессии,— отмечал В. И. Ленин,— никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром»¹.

Изучение июньских событий сыграло большую роль в разработке В. И. Лениным проблем вооруженного восстания и революционной армии. Основываясь на примере потемкинского восстания, он сделал вывод о

практической возможности и исторической необходимости образования отрядов революционной армии на основе соединения восставшего войска с революционным народом для свержения самодержавия и защиты революции. Главное значение потемкинского восстания, как уже отмечалось, В. И. Ленин видел именно в том, что оно явилось первой попыткой образования авангарда, ядра революционной армии. «Бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии,— писал Владимир Ильич,— таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли наконец и до последнего этапа»². Конкретная постановка вопросов об отрядах революционной армии и их социальном составе, разработка стоящих перед ними задач явились важным вкладом В. И. Ленина в развитие революционной теории.

Владимир Ильич проявлял большой интерес к потемкинским событиям. Первое известие о восстании он получил в Женеве 16 июня³. На следующий день по его указанию в Восточное бюро ЦК РСДРП, находившееся в Самаре, было направлено письмо, в котором говорилось: «Из этого частичного восстания может вырасти нечто грандиозное, ибо, по последним сведениям от Крымского союза, матросы носились с планом захватить Одессу, идти поднимать Кавказ и т. д. Во всяком случае, факт первого военного мятежа налицо, необходимо его использовать. Надо сейчас же оповестить об этом событии всю массу, приналежъ на солдат и офицеров: на них это событие должно произвести потрясающее впечатление... Постарайтесь связаться с Одессой... Если частичное восстание не замрет в самом начале, его необходимо поддержать всеми средствами»⁴.

21 июня, как только стало известно о просьбе Николая II к иностранным державам послать свои корабли против «Потемкина», В. И. Ленин направил письмо в Международное социалистическое бюро с призывом поддержать восставших матросов и рабочих России, не допустить участия иностранных кораблей в подавлении восстания.

Как уже говорилось, В. И. Ленин неоднократно беседовал в Женеве с руководителем потемкинского восстания А. Н. Матюшенко, редактировал книгу Н. Росточкой (О. И. Виноградовой) о «Потемкине», оказывал материальную помощь потемкинцам-эми-

грантам. По подсчетам Ю. П. Кардашева, за 12 лет, с июня 1905 по январь 1917 г., В. И. Ленин около 60 раз возвращался к урокам и значению потемкинских событий⁵.

Владимир Ильич был уверен, что за «Потемкиным» последуют новые попытки создания отрядов революционной армии, призывал большевиков всеми силами поддерживать эти попытки, брать на себя руководство отрядами революционной армии, разъяснять трудящимся массам значение и задачи таких отрядов⁶.

После революционных событий в армии и на флоте с июня по декабрь 1905 г., начало которым положило восстание на броненосце «Потемкин», В. И. Ленин выступил с требованием изменить тактику борьбы за войско. Он указывал, что в условиях революции нельзя ограничиваться только агитацией и пропагандой в войсках. «...В момент восстания,— подчеркивал В. И. Ленин,— нужна также и физическая борьба за войско». Он требовал, чтобы все партийные работники в ходе революции и борьбы за армию руководствовались мыслью «о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско»⁷.

Исходя из опыта деятельности Одесского комитета РСДРП в дни восстания «Потемкина» и стремительного роста революционного движения в армии летом 1905 г., В. И. Ленин определил значение заблаговременной подготовки к созданию революционной армии. Он призвал усилить подготовку восстания, поставить его «в число неотложных практических задач...»⁸.

На примере «Потемкина» в работе «Теория самопроизвольного зарождения» В. И. Ленин опроверг утверждение бундовцев о преждевременности технической подготовки революции и невозможности поднять массы на восстание. Он указывал, что стихийный рост революции обгоняет планомерную работу партии по подготовке восстания, и требовал «спешить с распространением и разъяснением всех политических задач и политических условий успешного восстания». Одновременно, учитывая опыт «Потемкина», В. И. Ленин обращал внимание на необходимость тщательно готовить восстание и удерживать массы от преждевременной вспышки⁹.

Уроки потемкинского восстания Владимир Ильич

использовал для разоблачения вредных для революции последствий меньшевистской тактики. Как известно, под влиянием восстания на «Потемкине» и событий в Одессе меньшевистское руководство, чтобы не потерять доверие масс, было вынуждено фактически признать и поддержать лозунги III съезда РСДРП о восстании и временном революционном правительстве. В. И. Ленин в статье «Революция учит» подчеркивал, что меньшевики *«фактически»* стали переходить на сторону своих оппонентов, т. е. действовать не сообразно своим резолюциям, а сообразно резолюциям III съезда. Нет лучшего критика ошибочной доктрины, как ход революционных событий»¹⁰.

Вслед за большевиками меньшевики признали огромное значение восстания «Потемкина» как первого перехода части царской армии на сторону революции. Они выступили с призывом усилить пропаганду в армии, организовать братание рабочих с солдатами, активно привлекать армию на сторону революции, готовить армейские организации РСДРП к восстанию в союзе с рабочими. Меньшевики отмечали, что неудача восстания в Одессе во многом объясняется пассивной тактикой всех революционных сил, несогласованностью их действий. Признали меньшевики и свои ошибки в деятельности Одесской группы РСДРП. Они писали, что следовало бы направить к морякам делегацию рабочих с призывом к десанту, увлечь сочувствовавшую часть гарнизона, вместе с матросами овладеть городом и провозгласить демократическую республику¹¹. В связи с этим В. И. Ленин отмечал: «Нелепый лозунг «оставаться партией крайней революционной оппозиции» (нелепый в эпоху революции, хотя очень правильный для эпохи только парламентарной борьбы) фактически сдан в архив, ибо одесские события заставили «Искру» понять, что во время восстания смешно ограничиваться этим лозунгом, что надо активно звать к восстанию, к самому энергичному проведению его и использованию революционной власти. Нелепый лозунг «революционные коммуны» тоже отброшен, ибо события в Одессе заставили «Искру» понять, что этот лозунг лишь облегчает смешение демократического и социалистического переворота»¹².

Восстание «Потемкина» на деле опровергло утверждение меньшевиков о том, что руководить воинскими выступлениями должны не сами солдаты и матросы, а

демократически настроенные офицеры. Принимая во внимание деятельность судовой комиссии броненосца, меньшевики были вынуждены признать возможность руководства восстанием самими солдатами и матросами¹³.

Развитие революции заставило меньшевиков признать правильность большевистской тактики. Но не надолго. Уже в августе 1905 г. они выдвинули оппортунистический лозунг организации революционного самоуправления как пролога восстания. В. И. Ленин осудил его как «повторение ошибки «экономистов», хотевших видеть в «борьбе за права» пролог к борьбе с самодержавием»¹⁴.

В связи с разоблачением В. И. Лениным вредных последствий меньшевистской тактики необходимо отметить отношение к потемкинскому восстанию видного деятеля русского революционного движения Г. В. Плеханова, который сразу оценил и приветствовал борьбу потемкинцев как первый пример открытого перехода части армии на сторону народа. Он справедливо полагал, что наибольшего успеха потемкинцы могли бы добиться, лишь высадив десант в Одессе, вооружив рабочих и выделив представителей команды для военного руководства рабочими отрядами. К вероятным причинам, затруднявшим осуществление десанта, он отнес «пробелы в нашей агитационной и организационной деятельности», т. е. политическую несознательность массы новобранцев «Потемкина», недостаточную агитацию среди солдат гарнизона, слабость Одесского большевистского комитета и неспособность меньшевистской группы РСДРП организовать и возглавить восстание. Проанализировав поведение широких солдатских и матросских масс в ходе потемкинских и последующих кронштадтских событий, Г. В. Плеханов призвал социал-демократов развернуть работу среди наиболее отсталых в политическом отношении солдат пехотных частей и среди офицеров. Но при этом решающее значение он придавал пропаганде среди офицерства, полагая, что только его руководство сможет придать военным восстаниям необходимую организованность¹⁵. Позиция Плеханова являлась в целом меньшевистской, поскольку он отдавал предпочтение руководству движением в армии демократически настроенных офицеров, а не партийных групп самих солдат и матросов. Восстание «Потемкина» опровергло этот взгляд и дока-

зало, что организованные партией матросы могут сами руководить восстанием.

Июньское восстание занимало большое место в агитационно-пропагандистской работе партии. Большевики развернули широкую пропаганду восстания «Потемкина» как переломного момента в развитии революции. По подсчетам Ю. П. Кардашева, листовки и прокламации о «Потемкине» выпустили 35 комитетов и групп РСДРП. В летучих листках ЦК РСДРП и листовках местных комитетов помещалась информация о ходе восстания и отмечалось его огромное значение¹⁶. Специальные листовки были обращены к солдатам и матросам с призывом последовать примеру потемкинцев¹⁷. Московский комитет в июне 1905 г. издал две листовки, обращенные к офицерам, с упоминанием потемкинских событий и призывом переходить на сторону народа. Екатеринбургский комитет выпустил специальную листовку «Граждане», в которой отмечал, что восстание «Потемкина» знаменует собой начало победы народа над царизмом, и призывал граждан России присоединиться к борьбе. Аналогичные листовки выпустили Воронежский и Саратовский комитеты¹⁸.

Немалую роль в пропаганде идей восставших сыграл выпуск некоторыми комитетами обращений и воззваний потемкинцев в виде листовок¹⁹.

Съезд группы литераторов-пропагандистов при ЦК РСДРП в июле 1905 г. указал на необходимость скорейшего издания особой брошюры, посвященной восстаниям и волнениям военных моряков. После суда над участниками восстания на «Потемкине» РСДРП выпустила листовки с призывом требовать для них амнистии²⁰.

Большую роль в пропаганде потемкинского восстания сыграла газета «Пролетарий». Из номера в номер она помещала материал о «Потемкине» и событиях в Одессе, на их примере учила массы организации вооруженного восстания. Так, она опубликовала статьи В. Северцева (В. В. Филатова) «Князь Потемкин-Таврический» и В. В. Воровского «Уроки жизни»²¹, в которых определялись ошибки и упущенные возможности восставших, критиковалась предательская тактика меньшевиков, делались практические выводы об основах тактического взаимодействия восставшей армии и народа.

Агитационно-пропагандистская деятельность

РСДРП в связи с восстанием на «Потемкине» была направлена на политическое воспитание и сплочение трудящихся, на распространение идей и опыта технической подготовки вооруженного восстания, на привлечение армии на сторону восставшего народа.

2. Влияние июньского восстания на события революции 1905—1907 гг.

Потемкинские события способствовали росту революционного сознания в самых широких слоях российской армии и флота. Например, В. Ю. Ульянинский, бывший в 1905 г. вольноопределяющимся расквартированного в Москве Ростовского гренадерского полка, впоследствии вспоминал: «Восстание матросов на «Потемкине» оказало на солдатские массы огромное влияние. До сей поры они знали, что бунтуют студенты, бастуют рабочие, иногда происходят аграрные беспорядки в деревнях, но войско было спокойно, войско подчинялось воле начальства, а тут ярко вспыхнул матросский бунт... Образцовый унтер-офицер, обучавший солдат в учебной команде, с восторгом рассказывал другому: «Потемкинцы-то, слышал, какие молодцы — всех своих офицеров побросали за борт. Так им... и надо!» Меня несколько не поразило бы, если бы это говорил рядовой гренадер... Но это говорил образцовый унтер-офицер, для которого войсковая дисциплина и всякое начальство, казалось, были священны»²².

С большим сочувствием отнеслись к известию о восстании «Потемкина» солдаты, служившие в Вятке. «И нам бы также», — говорили они²³.

Возвращавшийся в июне 1905 г. с Тихого океана вспомогательный крейсер «Днепр» получил приказ идти из Порт-Саида в Гибралтар вместо намеченного маршрута на Черное море²⁴. Вероятно, его команда тоже выразила сочувствие потемкинцам.

Выступление «Потемкина» повлекло за собой целую полосу солдатских и матросских восстаний. Известия о «Потемкине» резко усилили революционные настроения среди солдат Тифлиса и Брянска. Солдаты Батума ждали появления «Потемкина» и собирались в день его прихода начать вооруженное восстание. Поднялись моряки-балтийцы: 25 июня произошли волнения на броненосце «Александр II», восстал крейсер «Минин», 9 июля начались кронштадтские события. Сведения о

потемкинском восстании вызвали сильное брожение среди военных моряков и рабочих Владивостока. Оно приняло такие размеры, что 1 июля 1905 г. главнокомандующий вооруженными силами Дальнего Востока генерал Н. П. Линевич попросил морского министра вице-адмирала А. А. Бирилева выслать неблагонадежных рабочих во внутренние губернии, а матросов — в Кронштадт для предания военному суду²⁵. 15 июля вспыхнуло восстание матросов в Либаве. В июле — августе произошли солдатские выступления в Варшаве, Лодзи, Минске, Риге, Смоленске, Усть-Двинске и других местах.

Открыто выразили сочувствие потемкинцам солдаты частей, размещенных в Бердичеве, Гомеле, Луцке, Мариуполе, Митаве, Новой Александрии, Павловске, Ченстохове, Черкассах²⁶. Осенью 1905 г. солдатские восстания вспыхнули в Киеве, Курске, Самарканде, Ташкенте и ряде других городов.

20 октября военные власти подавили восстание матросов Каспийского флотского экипажа в Баку. 30 октября восстали матросы Сибирского флотского экипажа и солдаты Владивостокского гарнизона.

Высшее морское командование после восстания на «Потемкине» перевело многих моряков-черноморцев на Балтику. Они не только принесли с собой мятежный дух «Потемкина», но и стали организаторами новых революционных кружков в балтийских экипажах, приняли активное участие в подготовке и проведении второго кронштадтского восстания 25—28 октября 1905 г.²⁷

11 ноября вспыхнуло восстание в Севастополе. Красный флаг подняла революционная эскадра лейтенанта П. П. Шмидта. Вместе с нею снова восстал первый корабль революции. Арестованные ранее потемкинцы получили свободу и вновь приняли участие в восстании. Среди них — И. П. Задорожный, А. Н. Заулошнов, И. П. Киселев, Т. Г. Мартьянов, Г. П. Хаценко и Е. С. Шевченко. А. Н. Заулошнов вернулся на «Потемкин», вошел в состав новой судовой комиссии и стал одним из руководителей восстания. Машинист Е. С. Шевченко охранял на крейсере «Очаков» арестованных офицеров. Матрос Г. П. Хаценко при обстреле «Очакова» царскими войсками лишился ноги²⁸.

14 ноября матросы Амударьинской флотилии предъявили свои требования командованию.

24 ноября в Петербурге произошло возмущение матросов 8, 14 и 18-го флотских экипажей. Готовились к вооруженному восстанию матросы Гвардейского экипажа.

10 января 1906 г. восстали солдаты и матросы Владивостока.

6 июня вспыхнуло восстание солдат Севастопольского гарнизона и береговых батарей.

20 июня имела место попытка восстания на учебном судне «Рига» Балтийского флота.

27—30 июня произошли беспорядки на крейсере «Рында».

В ночь с 17 на 18 июля восстал Свеаборг, а 19 июля — Кронштадт. Выступили в защиту революции крейсер «Память Азова» и учебное судно «Рига». Открыто заявили о сочувствии восставшим моряки броненосца «Александр II». 20 июля происходили беспорядки на минных крейсерах «Казанец» и «Эмир Бухарский», 20 октября — на эскадренном броненосце «Слава».

В мае 1907 г. на Черноморском флоте готовилось восстание на броненосцах «Пантелеймон», «Ростислав», «Синоп» и «Три Святителя», но планы восставших были раскрыты. Последовали аресты и суд. Зачинщиков отправили на каторгу.

В сентябре 1907 г. имела место новая попытка восстания в Севастополе. 16 октября вновь восстали гарнизон и матросы Владивостока.

Источники и исследования показывают резкий рост революционных настроений на всех флотах и флотилиях после восстания «Потемкина», усиление революционного брожения во многих армейских гарнизонах. Только до октября 1905 г. произошло 42 массовых солдатских выступления, причем увеличилось количество выступлений с политическими требованиями. Борьба, начатая потемкинцами, революционная деятельность партии в войсках способствовали установлению равновесия сил революции и контрреволюции в дни октябрьской политической стачки 1905 г. В. И. Ленин писал, что царское войско «стоит накануне превращения в пародное войско», и ставил задачу «добиться полного перехода войск на сторону народа»²⁹.

Организация восстания на «Потемкине» являлась заслугой исключительно РСДРП. Под влиянием событий восстания партия эсеров, дабы не потерять доверия

масс, в свою очередь выдвинула ряд революционных лозунгов и поставила задачу усилить борьбу за армию. В связи с этим эсеры выпустили значительное количество агитационно-пропагандистской литературы о «Потемкине»³⁰, что способствовало популяризации восстания и тем самым сыграло известную положительную роль. Но революционные лозунги эсеров на деле оказались «революционной фразой», а практические действия свелись к участию в организации преждевременных изолированных выступлений, которые закончились трагически, как, например, в Свеаборге.

Восстание «Потемкина» подорвало престиж самодержавия, вызвало страх и растерянность правительства и крупной буржуазии. Одним из проявлений этого явилось начавшееся 17 июня 1905 г. падение цен на петербургской бирже. «Русская газета» и «Русское слово» прямо связывали события на бирже с событиями в Одессе. Столь же быстрой была реакция на июньское восстание деловых кругов Западной Европы: на биржах Берлина и Лондона упали курсы русских государственных и частных ценных бумаг³¹.

Реакция представителей имущих классов России на потемкинское восстание широко отражена в прессе того времени. Анализ публикаций позволяет расширить и конкретизировать представления об отношении либеральных и консервативных слоев русского общества к развитию революционного движения в войсках летом 1905 г.

Русская печать до 21 июня 1905 г. писала о революционных событиях в Одессе без упоминания «Потемкина». Но после выхода правительственного сообщения о восстании либеральная пресса стала освещать каждый шаг броненосца. Газета «Сын Отечества» даже опубликовала 26 июня изложение обращения потемкинцев «Ко всем иностранным державам». События в Одессе и Либаве либеральные круги верно определяли как «новое явление общественно-политической жизни», «небывалое еще в нашей истории», «беспримерное событие в истории не только русского, но и всех европейских флотов». Газета «Вечерняя почта» отмечала, что «старый порядок... начинает постепенно деморализоваться в самой глубине своей,— в организованной материальной силе». «Эти события,— писала «Наша жизнь»,— показывают, что море русской жизни взволновано до самого дна, что разлад между прави-

тельством и обществом проникает все глубже и глубже... в массу». Газета «Русские ведомости», полемизируя с официальным сообщением, считала, что «причины мятежа матросов... невозможно усматривать, как то делает сообщение «Правительственного вестника», в одной только революционной пропаганде каких-то студентов-евреев и других штатских: это все равно, что видеть причину пожара в огне, охватившем здание». Причину военных восстаний либералы справедливо видели в невыносимых условиях службы и быта солдат и матросов, в насквозь прогнившей системе организации и снабжения войск, в бесконтрольном произволе самодержавия³².

Либеральная печать выражала внешнее сочувствие восставшим в борьбе с самодержавием. «Либеральная буржуазия,— отмечал В. И. Ленин,— «порозовела» после 9-го января; она начинает «краснеть» теперь, после одесских событий, ознаменовавших (в связи с событиями на Кавказе, в Польше и т. д.) крупный рост народного восстания против самодержавия за полгода революции». Причины такого отношения либералов к росту революции, и в частности к восстанию «Потемкина», В. И. Ленин раскрыл в работе «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти». «Либеральная буржуазия,— писал он,— идет к народу. Это верно. Она вынуждена идти к нему, ибо без него она бессильна бороться с самодержавием. Но она боится революционного народа и идет к нему не как представительница его интересов, не как новый пламенный боевой товарищ, а как торгош, маклер, бегающий от одной воюющей стороны к другой»³³.

Либеральная буржуазия в июле 1905 г., сразу после восстания на «Потемкине», пыталась использовать развитие революции и растерянность правительства, чтобы добиться от царя буржуазных реформ. В. И. Ленин раскритиковал трусливый, двуличный характер либералов, их стремление к сделке с царизмом за счет народа. Истинные цели либералов наглядно отражены в их собственных статьях о «Потемкине». Например, газета «Наша жизнь» делала следующий вывод из потемкинских событий: «Необходимы радикальные реформы, которые установили бы прочную гармонию между стремлениями общества и действиями правительства, которые восстановили бы этим путем авторитет правительственной власти и которые дали бы

обществу возможность работать без помехи над поднятием в массе уровня просвещения и сознательного отношения к государственному и общественному делу». В этих словах ясно выражены цели либеральной буржуазии, ее страх перед народной революцией. Спасение от громадного роста народных волнений и выступлений в армии и флоте либералы искали в скорейшем созыве Государственной думы³⁴. Они были напуганы развитием революции.

Страшную угрозу самодержавию увидели в восстании «Потемкина» реакционные круги. Все ближайшее окружение Николая II было потрясено самим фактом восстания. Великий князь Константин Константинович 23 июня 1905 г. записал в свой дневник: «Ужасны, невероятны известия из Одессы. Это — полная революция. Небывалый, позорный случай на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический», где команда взбунтовалась и убила командира, моего милого товарища Женю Голикова и почти всех офицеров, тоже был бы невероятен, если бы не был действительным происшествием». Председатель комитета министров С. Ю. Витте назвал «историю» с «Потемкиным» «баснословной»³⁵.

Растерянность и страх перед грядущим возмездием охватили карательные органы самодержавия. 17 июня 1905 г., еще не зная всех обстоятельств восстания, крупный чин департамента полиции, заведующий внешним наблюдением Е. П. Медников писал сотруднику охраны А. И. Спиридовичу: «Какое страшное волнение мы переживаем, упаси бог каждого; что черноморцы-то откололи на «Потемкине»: часть офицеров убили, часть спустили (за борт.— Б. Г.) живьем, часть оставили невольниками командовать броненосцем, а за командира комитет образовали из 20 матросов, они-то и командуют кораблем; такая ужасная история произошла в Одессе, боже избави каждого врага от такой обстановки... Что творится в Одессе, ничего подобного еще в России не бывало, следовательно, надо ждать больших перемен...»³⁶.

События и значение восстания обсуждались правой прессой столь же широко, как и либеральной. «Вопрос о личном составе нашего флота есть вопрос первой и даже первостепенной важности», — подчеркивало «Новое время». Газета требовала немедленного сплочения и союза всех сил контрреволюции³⁷.

Махрово-черносотенная пресса писала о потемкинцах с дикой ненавистью, по ее словам, это была «свора бунтовщиков», «звери-грабители» и т. п. Черносотенцы утверждали, что «настоящих русских моряков на «Потемкине» не было» и что русская армия всегда будет «вне политики». «Армия — это до такой степени русское и православное учреждение, что у нее ничего общего с революционерами быть не может», — писала газета «Родная речь». Главной причиной выступлений в армии и на флоте черносотенцы объявили агитацию «поляков», «интеллигентов и евреев». Однако даже черносотенцы были вынуждены отметить прямую связь военных восстаний с рабочим движением: в числе зачинщиков бунта на «Потемкине» они называли матросов из запаса, среди которых имелись рабочие, и мастеровых Обуховского завода, находившихся на броненосце в начале восстания*. После восстания «Потемкина» черносотенные организации усилили контрреволюционную пропаганду в армии и на флоте, перейдя к выпуску специальных листовок для солдат, матросов и офицеров³⁸.

Царское правительство в поисках средств борьбы с революцией на флоте прибегло к смене высшего морского командования: 29 июня 1905 г. морским министром вместо Ф. К. Авелана был назначен вице-адмирал А. А. Бирилев. 5 августа были уволены со службы адмиралы А. Х. Кригер и Ф. Ф. Вишневецкий, а вместе с ними командиры «Георгия Победоносца» И. Е. Гусев и «Прута» А. П. Барановский³⁹.

Июньское восстание способствовало подъему рабочего движения. Все большевистские комитеты РСДРП призывали рабочих России последовать примеру команды «Потемкина». По инициативе Петербургского комитета рабочие крупнейших столичных предприятий организовали политическую стачку солидарности с революционными матросами⁴⁰.

Всеобщие забастовки солидарности прошли в Екатеринославе и Сморгони⁴¹.

Сообщения о «Потемкине» вызвали огромный революционный энтузиазм среди рабочих Варшавы, способствовали подъему революционных настроений среди рабочих Москвы, Баку и других городов⁴².

Пролетарии Саратова на митинге приняли резолю-

* Обуховских рабочих потемкинцы отправили на берег по приходе в Одессу.

цию о вооруженном восстании и образовании временного революционного правительства. Рабочие Бежицкого завода восхищались потемкинцами и выражали удивление, почему не был высажен десант. 18 сентября 1905 г. в Красноярске народ приветствовал ссылаемых на Дальний Восток моряков-черноморцев возгласами: «Да здравствуют солдаты, переходящие на сторону народа!», «Долой самодержавие!»⁴³

Восставшим потемкинцам сочувствовали моряки торгового флота. 15 июня вспыхнула забастовка на пароходе Добровольного флота «Николай II», который заканчивал заграничный рейс и должен был возвращаться из Константинополя в Одессу. Узнав о восстании на «Потемкине», главная контора Российского общества пароходства и торговли приказала задержать пароход в Константинополе. Команда парохода во главе с кочегарами и машинистами объявила забастовку и потребовала немедленно идти в Одессу. Контора РОПИТ распорядилась уволить команду и набрать новую, но моряки Константинополя поддержали бастующих. Капитану судна В. К. Буракову пришлось удовлетворить требование команды. 24 июня пароход пришел в Одессу, где по приказу генерал-губернатора К. А. Карангозова все моряки подверглись аресту⁴⁴.

16 июня в Измаиле началась забастовка на судне Русско-Дунайского пароходства «Болгария», команда которого открыто выражала солидарность с потемкинцами⁴⁵.

Известия о восстании «Потемкина» вселяли бодрость и веру в борцов революции, находившихся на каторге и в ссылке. Видный ученый-большевик С. Г. Струмилин, отбывавший в 1905 г. сибирскую ссылку, вспоминал: «Совершенно сказочное впечатление какой-то феерии произвело на нас потемкинское восстание черноморцев 14—24 июня, в результате которого русская революция впервые обрела свой собственный красноречивый броненосный флот»⁴⁶.

Восстание «Потемкина» оказало влияние и на развитие крестьянского движения на Юге России. Наиболее ярко непосредственная связь восстания с подъемом крестьянского движения кроме Одесского уезда проявилась в усилении борьбы крестьян Елизаветградского уезда Херсонской губернии⁴⁷.

Опыт «Потемкина» использовали рижские большевики при подготовке восстания в крепости Усть-Двинск.

Они считали необходимым соединить восстание гарнизона с борьбой рабочих и выдвинули в качестве главной тактической задачи решительные наступательные действия⁴⁸.

Обращение царского правительства к иностранным державам с просьбой о помощи в борьбе против «Потемкина», осуждение политики царизма мировой печатью свидетельствовали о большом международном значении восстания. События и значение июньского восстания широко обсуждались зарубежной печатью и политическими кругами Западной Европы. Например, английская «Вестминстер Газет» 1 июля 1905 г. в статье «Антиполитика и ее результаты» писала о потемкинцах: «...потрясающим фактом является не то, что они покорены, а то, что они вообще восстали. Для самодержавия это более значительный факт, чем все другие вспышки, о которых сообщалось за последнее время. Существующий в настоящее время в России режим полностью зависит от того, сможет ли он удержать власть над своими морскими и военными силами. Пока эта власть сохраняется, революция не может иметь успеха, если она будет потеряна, все может произойти». Далее в статье отмечались падение внешнеполитического престижа самодержавия и необходимость буржуазных реформ в России для сохранения царизма.

Турция использовала восстание на «Потемкине» в корыстных целях. В нарушение международных договоров она под предлогом борьбы с мятежным броненосцем дополнительно укрепила Босфор и Дарданеллы, не обращая внимания на протесты России. На случай появления в проливах «Потемкина» турки выставили минные заграждения в пять линий. Вместе с тем турецкое правительство опасалось повторения потемкинских событий и в своем военном флоте, поэтому оно поручило особой комиссии проверить состояние дисциплины и настроения матросов и офицеров. По той же причине был отменен поход трех турецких броненосцев в Ходейду для деблокады города, осажденного восставшими арабами⁴⁹.

Пролетарии других стран приветствовали борьбу русских матросов. На митингах и собраниях они выражали сочувствие их подвигу, солидарность с российской революцией.

Трудящиеся Румынии братски приняли в свою

семью русских матросов-эмигрантов. Газета румынских социалистов «Ромыния Мунчитоаре», приветствуя потемкинцев, писала: «Слава русским товарищам! Они нам дают доказательства глубины их веры и убеждений. Дело пролетариата и свободы всех народов будет делать успехи благодаря их усилиям»⁵⁰. В июле 1905 г. в Бухаресте было создано общество «По оказанию помощи русским морякам». Общество имело филиалы в других городах.

В 1911 г. героический броненосец опять появился в Констанце. На этот раз он пришел во главе эскадры с официальным визитом. Одна из румынских либеральных газет опубликовала статью «Приветствуем «Потемкина»!», в которой говорилось: «...мы приветствуем во имя румынской демократии броненосец революции, который мечтал построить величие России не на рабстве, а на свободе»⁵¹.

В сентябре 1908 г. в Англии был создан «Фонд «Потемкина»» для помощи потемкинцам-эмигрантам⁵².

Весьма популярно было восстание «Потемкина» в Венгрии, где народ поднимался на борьбу против монархии и буржуазии. Представители левого крыла Венгерской социал-демократической партии призывали народ следовать примеру потемкинцев⁵³.

Эпопея «Потемкина» вдохновила на революционную борьбу моряков других стран. 7 июля 1905 г. в Специи взбунтовались моряки итальянского броненосца «Франческо Морозини»⁵⁴. В Австро-Венгрии произошли выступления матросов на броненосце «Габсбург» и крейсере «Пантера», в Германии — на крейсере «Фрауэнлоб», в Англии — на крейсерах «Канада» и «Карнарвон». Имели место восстания на флотах Португалии и Бразилии.

15 декабря 1918 г. началось восстание на болгарском крейсере «Надежда», с которым «Потемкин» встречался в море. Крейсер в то время находился вместе с другими кораблями интервентов в Севастополе. Восставшие потребовали прекращения интервенции против Советской России и возвращения крейсера в Болгарию.

4 февраля 1933 г. около острова Суматра вспыхнуло вооруженное восстание на голландском броненосце «Семь Провинций». Корабль взял курс на Сурабайю, где местное население начало вооруженную борьбу против колониального ига Нидерландов. Боль-

шинство экипажа броненосца составляли индонезийцы. Моряки голландского происхождения присоединились к восстанию. Своим гимном восставшие избрали «Интернационал». Восстание было подавлено воздушной бомбардировкой. На суде моряки заявили, что использовали опыт «Потемкина»⁵⁵.

Потемкинское восстание не только потрясло всю Россию, но и приобрело мировое значение, превратив российскую революцию в международную силу. Уроки июньских событий способствовали дальнейшей разработке В. И. Лениным и большевиками революционной теории, заставили меньшевистское и эсеровское руководство из опасения потерять доверие масс фактически признать и поддержать большевистские лозунги о революции и восстании.

Революционный взрыв на «Потемкине» громовым эхом прокатился по стране. Борьба рабочих Одессы и моряков-черноморцев оказала сильное революционизирующее влияние на армию и флот, на развитие рабочего и крестьянского движения под руководством РСДРП, способствовала дискредитации самодержавия и консолидации сил революции. Восстание на броненосце «Потемкин» вызвало громадный всплеск революционного энтузиазма трудящихся масс, укрепило в них веру в конечную победу революции. По призыву потемкинцев на борьбу за свободу начали подниматься все новые и новые отряды матросов, солдат и рабочих. Восстание на «Потемкине» ускорило и углубило развитие революции, начав новую, высшую стадию революционной борьбы.

Заключение

Восстание на броненосце «Потемкин» было важным этапом революции 1905—1907 гг. в России, оно явилось первой попыткой образования ядра революционной армии. Потемкинское восстание не было заговором «Централки». Оно стало итогом общего подъема революции, роста революционных настроений черноморцев под влиянием развития борьбы рабочих и крестьян России и поражений царизма в русско-японской войне. В. И. Ленин указывал, что революция «подготавливалась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 года»¹.

Революционные восстания в армии возникают в результате взаимодействия объективных условий казарменного гнета и субъективных усилий партии по революционизированию войск. Только с развитием в армии партийной работы стихийное недовольство солдат и матросов приобретает политическую форму и внутри армии возникают условия для ее перехода на сторону борющегося народа. Июньское восстание в Черноморском флоте готовила РСДРП, опиравшаяся на революционные массы рабочих и крестьян, одетых в матросские форменки. Именно партия большевиков, руководствуясь ленинской теорией революции, сумела поднять матросов на политическую борьбу.

К июню 1905 г. на Юге России начала складываться благоприятная для восстания политическая ситуация. Процесс этот был еще далек от завершения, но обстановка на флоте была настолько накалена, что малейшая искра могла вызвать взрыв. Таким взрывом стало восстание на «Потемкине», вспыхнувшее в результате возмущения матросов произволом офицеров. При этом решающее воздействие на сознание матросов оказали известия о революционных событиях в стране, и в частности в Одессе, что отразило зависимость уровня революционного движения в войсках от размаха борьбы

пролетариата. Однако восстание началось ранее намеченного срока. И хотя потемкинцы интенсивно готовились к нему, значительная часть команды, как показал ход событий, оказалась не готова к восстанию. Социал-демократы пытались не допустить преждевременного выступления, но, когда из-за угрозы расстрела своих товарищей команда восстала, они сумели направить стихийное возмущение матросов в русло революционной борьбы, возглавить ее и провести захват корабля быстро и организованно в соответствии с намеченным планом. На первом этапе восстания выявились значение организующей и направляющей роли партии в революции, важность заблаговременной практической подготовки к революционной борьбе.

Наиболее активное участие в восстании приняли матросы технических специальностей или бывшие рабочие. В этом нашла свое проявление ленинская теория о гегемонии пролетариата в революции. В. И. Ленин отмечал, что в процессе революции «вполне обнаружилась руководящая роль пролетариата. Обнаружилось и то, что его сила в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения»². Именно с ростом пролетарской прослойки на флоте матросы стали на путь политической борьбы. Даже их экономическая борьба с начала 1905 г. стала выливаться в пролетарскую форму — забастовку. По свидетельству участников восстания на «Пруте», «в военном флоте более ярыми приверженцами правого дела были машинные команды, минеры и минные машинисты; за ними комендоры, т. е. артиллеристы, а дальше шли сочувствующие офицеры и молодые механики»³. Активное участие в подготовке и ходе восстания данной категории моряков свидетельствует о том, что работа партии на флоте опиралась на матросов технических специальностей, и в этом — ее специфика.

Восстанием на «Потемкине» руководили 29 социал-демократов большевиков. Представителей других партий, кроме РСДРП, в команде не было. Программа действий восставших соответствовала общему плану большевистской «Централки», который предусматривал захват Черноморского побережья, превращение его в базу всероссийского восстания и провозглашение республики.

Одной из заслуг потемкинцев в развитии революционного движения является образование ими судо-

вой комиссии — прообраза судовых комитетов 1917 г. Судя по тому, что аналогичная комиссия вне связи с «Потемкиным» возникла на «Пруте», эта форма революционной власти, вероятно, являлась заранее запланированной. Руководство в комиссии принадлежало социал-демократам.

Революционеры «Потемкина» во время восстания проявили лучшие человеческие качества, в том числе революционный гуманизм. Они делали все, чтобы сплотить матросскую массу, политически просветить ее и направить на путь борьбы. Однако далеко не всегда комиссии удавалось повести за собой команду. Причины этого заключались в отсутствии у членов комиссии опыта руководства восстанием и политической отсталости подавляющего большинства матросской массы. В. И. Ленин писал о вооруженных восстаниях 1905 г.: «Военное и политическое руководство, вот чего нам не хватало. Геройства, энтузиазма бездна». Восстание показало возрастание роли партии в революции как организующей и направляющей силы, подчеркнуло необходимость и своевременность создания широкой сети военных партийных ячеек. Оно подтвердило слова В. И. Ленина, сказанные в феврале 1905 г.: «Сугубое значение приобретает роль *партии*, как авангарда класса, воспитателя, организатора»⁴.

Анализ событий в Одессе и расстановки сил на «Потемкине» показывает, что десант был возможен даже при наличии разногласий среди потемкинцев. Усиление борьбы рабочих оказало влияние на несознательную часть команды и способствовало переходу потемкинцев к решительным действиям. Осуществлению плана Соединенной комиссии по захвату города помешали пассивная тактика потемкинцев и предательство меньшевистского руководства Одесской группы РСДРП, а также трудное положение Одесского большевистского комитета.

«Немой бой» показал бессилие царизма в борьбе с революционным движением на флоте. Однако план восстания «Централки» не мог быть выполнен вследствие недостаточного уровня революционно-классовой сознательности матросов эскадры и отсутствия на кораблях крепких партийных организаций в результате проведенной командованием чистки, а также из-за отказа потемкинцев от преследования эскадры вместе с «Георгием Победоносцем».

Восстанием на «Георгии Победоносце» также руководили социал-демократы, но революционные группы на нем были еще в большей степени ослаблены, чем на «Потемкине», и не имели достаточной подготовки. Наибольшую активность в восстании и здесь проявляли матросы технических специальностей. Недостаточно высокий уровень революционного руководства и промедление в борьбе с контрреволюционными элементами позволили врагам восстания осуществить контрреволюционный переворот. Присоединение «Георгия» к «Потемкину» означало образование революционной эскадры, создало благоприятные условия для развития восстания и позволило потемкинцам начать подготовку к десанту. Измена «Георгия» подорвала их веру в успех восстания, результатом чего явился первый поход в Румынию. События на «Георгии» подтвердили необходимость выполнения рекомендаций III съезда РСДРП и «Централки» о решительной борьбе с контрреволюционными элементами, о постоянной революционной пропаганде и агитации среди политически неосознательных участников восстаний.

Поход «Потемкина» в Румынию содействовал превращению российской революции в международную силу.

События в Феодосии еще в большей степени, чем одесский период, вскрыли необходимость связи восстаний в армии с борьбой пролетариата. Именно отсутствие этого явилось причиной трагических последствий феодосийского похода. Потемкинцы после неудачной попытки войти в контакт с местным комитетом РСДРП отказались от взаимодействия с рабочими Феодосии. В свою очередь внешняя изоляция от борьбы пролетариата усугубила положение на самом «Потемкине», где враги восстания вели контрреволюционную агитацию. Выступление контрреволюционеров привело к тому, что команда потребовала прекратить борьбу ввиду отсутствия поддержки со стороны других частей армии и флота, недостатка угля, провизии и пресной воды. Группа руководителей восстания сразу после высадки в Констанце в открытом письме в газету «Искра» писала по этому поводу: «...смеем уверить всех товарищей, что лишь непреодолимые технические трудности и абсолютная невозможность достать угля поставили нас в печальную и трагическую необходимость покинуть наш броненосец»⁵.

В ходе восстания значительно вырос уровень революционно-классового сознания рядовой массы его участников. В. И. Ленин указывал, что «только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»⁶.

События в Севастополе и на кораблях Черноморской эскадры показывают резкое ускорение процесса революционизирования самых широких слоев моряков под влиянием восстания на «Потемкине». Попытки выступлений в помощь потемкинцам оказались неудачными вследствие мероприятий командования по борьбе с революционными группами на кораблях и в экипажах (казармах), что привело к нарушению координации и разобщенности действий матросов, а также из-за замены значительной части команд на кораблях политически несознательными, отсутствия контакта с рабочими Севастополя и городским комитетом РСДРП, а также недостаточной конспирации.

Восстание вызвало колоссальный резонанс в России и за границей. Оно явилось первой крупной победой партии в борьбе за армию, доказало правоту большевистской тактики, содействовало дальнейшему развитию революции. Изучение В. И. Лениным июньских событий помогло ему в дальнейшей разработке проблем вооруженного восстания и революционной армии.

Потемкинское восстание содействовало поляризации и оформлению революционных и контрреволюционных сил, углублению кризиса самодержавия.

Само выступление и сочувствие ему значительной части флота и армии вызвали такой страх у царских властей, что они были готовы пойти на крайнюю меру — уничтожить «Потемкин», новейший броненосец российского флота, один из немногих, оставшихся после цусимского разгрома.

Июньское восстание занимало большое место в агитационно-пропагандистской работе партии по привлечению армии на сторону народа. Потемкинские события ознаменовали начало грандиозного переворота в сознании солдатских и матросских масс, открыли целую полосу военных восстаний. Между революцией и контрреволюцией развернулась острая борьба за армию, окончательную победу в которой одержала партия большевиков, опиравшаяся на ленинское учение.

Главные причины неудачи восстания в значительной мере были обусловлены его преждевременностью и незавершенностью подготовки. «Поражение революции...— указывал В. И. Ленин,— обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса...» Матросские массы не были вполне готовы к вооруженному выступлению, а руководители восстания не имели опыта его организации. «...В одесских событиях,— писал В. И. Ленин,— есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной «твердыни». Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы... Самодержавие *все* сделало для подготовки этой борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии»⁷.

Революция 1905—1907 гг. явилась школой для русского и международного революционного движения, «генеральной репетицией» Великого Октября. В огне этой первой революции большевики учились направлять энергию восставшего народа; руководить массами, накапливали опыт организации вооруженных восстаний, совершенствовали революционную работу в армии и на флоте. Главным итогом революционной деятельности партии в войсках и одним из важнейших результатов революции явилось начало открытого перехода отдельных частей армии и флота на сторону восставшего народа.

С самого начала революции перед партией встали острые проблемы классовой борьбы, организации революционной армии. Потемкинское восстание доказало возможность вовлечения царских войск в революционное движение и образования армии нового типа. Оно показало правоту большевистской тактики, но вместе с тем выявило и недостаточный уровень партийного руководства борьбой трудящихся. Опыт восстания и выводы, сделанные В. И. Лениным на его материале, обогатили революционную теорию и практику, внесли весомый вклад в грядущую победу социалистической революции в России. Ленинские положения о привлече-

нии армии на сторону революции подтвердились в Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революциях.

* * *

Герои-потемкинцы на всю жизнь сохранили верность революционным идеалам. Сразу же после окончания восстания департамент полиции разослал своим агентам за рубежом списки его участников, слежка за которыми велась вплоть до Февральской революции 1917 г. Продолжались и судебные процессы, так как многие потемкинцы нелегально переходили границу и возвращались в Россию. Департамент полиции направил начальникам жандармских управлений приграничных губерний секретное предписание с требованием «установить тщательное наблюдение за возвращением названных лиц (потемкинцев.— Б. Г.) из-за границы и в случае прибытия их на вверенный Вашему надзору пункт подвергнуть их тщательному обыску, арестовать и о последующем телеграфировать департаменту для получения дальнейших указаний»⁸.

Потемкинцев ждали на родине тюрьма и каторга. Например, матрос К. В. Меркушев и машинист А. Н. Надзянов вернулись в Россию сразу после восстания. К. В. Меркушев, бывший крестьянин села Оля ныне Лиманского района Астраханской области, был приговорен к каторжным работам, но через несколько лет бежал и до февраля 1917 г. скрывался на Кавказе. Во время гражданской войны он сражался с белогвардейцами, а с 1928 г. стал председателем рыбацкого Олинско-Федоровского товарищества ловцов в своем селе. А. Н. Надзянова осудили на восемь лет каторги, после чего сослали под надзор полиции в село Харабали Астраханской губернии. Здесь в 1917 г. он вступил в РСДРП (б). Боролся за Советскую власть в Енотаевском уезде. В 1918 г. участвовал в организации партийной ячейки и был избран председателем Харабалинского волостного комитета РКП (б). Ныне именем Надзянова названа улица в районном центре Астраханской области г. Харабали.

В 1910 г. вернулся в Россию матрос Ф. Х. Рыжих. Скрыться от полиции и ему не удалось. Суд приговорил его к шести годам тюрьмы. Впоследствии Ф. Х. Рыжих участвовал в гражданской войне⁹.

Накануне Февральской революции перешли границу

потемкинцы И. П. Суржиков и М. И. Павленков. Первого арестовали 26 января, а второго — 1 февраля 1917 г. Из тюрьмы их освободила Февральская революция¹⁰.

Некоторые потемкинцы благополучно переходили границу и продолжали революционную деятельность в России. В 1906 г. приехал на родину минный машинист Н. П. Рыжий, но в 1910 г. ему пришлось вернуться в Румынию.

В 1907 г. перешли границу кочегар М. А. Волобуев и маляр И. И. Старцев-Шишкарев. Последний вел революционную работу в Харькове. Но 25 января 1914 г. его схватили жандармы, и из царской тюрьмы он смог выйти только после революции в феврале 1917 г.¹¹

По-разному сложилась судьба потемкинцев, оставшихся в эмиграции. Группа руководителей восстания с помощью политэмигрантов из России создала в Бухаресте Объединенный матросский комитет. В него входили А. Н. Матюшенко, И. А. Лычев и др. Комитет ставил задачей организацию взаимопомощи потемкинцев и подготовку их к новой революционной борьбе¹². Существовал комитет недолго. Вместо него вскоре возникли коммуны потемкинцев. Наиболее известны коммуны в Кымпине, Констанце, Бухаресте и Галаце, которые стали для матросов с «Потемкина» своеобразными университетами политического самообразования: здесь они изучали революционную литературу, сюда приезжали к ним политические эмигранты из России. Потемкинцы выпускали листовки к русским солдатам и матросам, которые затем перепечатывались и распространялись в России. Эти листовки сыграли большую роль в подготовке новых революционных событий на Черноморском флоте. Командовавший флотом в то время вице-адмирал Г. П. Чухнин в августе 1905 г. специально отмечал: «Ежели гнездо, теперь свитое в Румынии, не будет тем или иным способом уничтожено нашей государственной властью, то надо приготовиться к жалкому влачению существования флота...»¹³ В сентябре 1905 г. Чухнин приказал просматривать всю переписку между Румынией и Севастополем. Но это не помогло.

15 октября заведующий политической частью департамента полиции П. И. Рачковский писал: «...в настоящее время пропаганда революционных идей среди

матросов все более и более усиливается, нахождение же в Румынии бывших матросов броненосца «Князь Потемкин-Таврический», поддерживающих оттуда письменные сношения с матросами Севастопольского порта, содействуя развитию революционного движения во флоте, угрожает весьма серьезными последствиями»¹⁴.

К ноябрю 1905 г. влияние потемкинцев-эмигрантов на матросов Черноморского флота усилилось настолько, что департамент полиции специально для борьбы с ним увеличил штат севастопольского жандармского управления и отпустил дополнительные средства на содержание агентуры¹⁵.

Революционные моряки с «Потемкина» продолжали бой с самодержавием даже за границей, помогая готовить ноябрьское восстание 1905 г. в Севастополе. Их организация в Румынии существовала вплоть до Октябрьской революции.

Участники восстания разъехались не только по всей Румынии, некоторые из них уехали в Австрию, Германию, Англию, США, Канаду и даже в Австралию.

В Румынии потемкинцы-эмигранты сочинили на мотив «Раскинулось море широко» песню о своем корабле*:

По бурным волнам черноморским
Чуть видно чернеет вдаль,
То сильный и грозный «Потемкин»
Из Тендры в Одессу валит.
Свершил он великое дело,
Он кровью за кровь отомстил
И всех кровожадных драконов
С презрением за борт пустил.
Не видно на нем офицеров,
И нет командира на нем.
Теперь для «Потемкина» мели
И битва с врагом нипочем.
Там равенство, братство, свобода,
Там нет уже светских забот,
Там клятва святая — до гроба
Стоять за рабочий народ.
Вот близится солнце к закату,
В Одессу «Потемкин» прибыл
И якорь огромный свой с борта
В спокойное море спустил.
Наутро товарища тело
С честью на берег свезли,

* Подвиг потемкинцев вдохновил и советских деятелей культуры — поэта М. Рудермана и композитора Б. Терентьева, написавших песню «Броненосец «Потемкин»» (Советский моряк. 1955. № 11, обложка).

Павшего жертвой за дело
От подлой дворянской руки.
И труп под навес положили
И флагом накрыли его,
На грудь ему лист положили
С историей смерти его.
У многих стоявших близ труп
Горячие слезы лились,
Иные молились сквозь слезы
И мстить до могилы клялись¹⁶.

Судьба разбросала потемкинцев по разным странам. Один из них, инженер-механик поручик Александр Михайлович Коваленко, преподавал математику в школе для детей русских эмигрантов в Женеве, где учился сын писателя А. М. Горького — Максим Алексеевич Пешков.

Но где бы ни жили потемкинцы, они оставались моряками революции. В Румынии, несмотря на обещание не заниматься политической деятельностью, они организовали первый в стране профессиональный союз, устраивали забастовки, демонстрации. За революционную деятельность потемкинцы подвергались преследованиям. Полиция города Плоешти заключила в тюрьму 82 потемкинца по обвинению в революционной пропаганде. Во время крестьянского восстания в Румынии в 1907 г. было арестовано более трети эмигрантов-потемкинцев — около 250 человек. В. И. Ленин в связи с этим отмечал: «В *«Europäischer Geschichtskalender»* за 1907 г. об этом восстании *только* правительственные сообщения... в коих указано, что русские матросы с «Потемкина» были «опасным элементом брожения»...»¹⁷

Румынские власти неоднократно арестовывали матроса З. И. Куликова, 22 арестам подвергался бывший комендор И. В. Гибельнов. В период режима Антонеску в концентрационном лагере содержались минный машинист Н. И. Алексеев и матрос Т. Л. Еремишко¹⁸.

В Турции в 1906 г. потемкинцы вели активную революционную пропаганду среди команд русских stationеров — канонерских лодок «Запорожец» и «Кубанец», находившихся в Константинополе¹⁹.

В 1908 г. в Иране матрос-потемкинец А. Гончаров командовал артиллерией в армии восставших крестьян.

Матрос Р. П. Пух вел революционную работу среди английских моряков.

В июле 1915 г. в Париже состоялось собрание потем-

кинцев в память десятой годовщины восстания. С рефератом «Восстание на броненосце «Потемкин» и его значение» выступил член судовой комиссии хозяин трюмных отсеков И. С. Спинов. На собрании присутствовало 50 человек²⁰.

Тяжело приходилось потемкинцам на чужбине. Без знания языка, с репутацией бунтаря трудно было устроиться на работу. Несколько человек умерло от нужды и лишений, среди них был и один из руководителей восстания — большевик Иосиф Алексеевич Дымченко, про которого потемкинцы говорили: «Дымченко с нами,— значит, не пропадем». Погиб он, заблудившись в аргентинской степи, от голода и укусов гнуса²¹.

Только после февральской революции 1917 г. смогли потемкинцы вернуться на родину, не опасаясь расправы. Они активно участвовали в Октябрьской революции и гражданской войне, в мирном строительстве первых пятилеток.

Потемкинцы Ф. Т. Бурмистров и Л. И. Летучев в октябрьские дни 1917 г. боролись за установление Советской власти в Москве: Летучев возглавлял отряд Красной гвардии в Замоскворечье, а Бурмистров был рядовым красногвардейцем, участвовал в бою за Кремль. На фронтах гражданской войны сражались за власть Советов потемкинцы И. Ф. Журавлев, А. С. Зиновьев, С. Ф. Зубко, Л. К. Коновалов, П. К. Кофанов, Т. Р. Курилов, А. П. Озеров, М. И. Павленко, Я. Д. Перепада, П. И. Подзолкин, Н. Ф. Рыжий, А. Ф. Царев и др.²² Кочегар И. Т. Чубук был комиссаром в красной кавалерии. Матрос Г. М. Кульков командовал стрелковым полком. Минер Т. М. Исаенко, вернувшись на родину в 1917 г., был избран первым председателем Николопокровского сельского ревкома. Добровольцем ушел на фронт, стал комиссаром батальона. 16 ноября 1919 г. Т. М. Исаенко погиб в бою с белоказаками на Дону у хутора Трехостровянки. В память о нем в 1965 г. на здании сельсовета в слободе Никольской Миллеровского района Ростовской области установлена мемориальная доска²³.

И. С. Спинов стал комиссаром Варнавинского отряда Красной гвардии на Кубани, а затем заместителем начальника контрразведки знаменитой Таманской армии. В 1919 г. он по заданию партии вел революционную работу среди военных моряков в Туапсе. Спинов обратился к ним со специальной прокламацией,

в которой писал: «Товарищи матросы Черноморья! На ваших глазах происходит небывалая в истории человечества борьба двух классов — класса буржуазии и класса рабочих. Рабочий класс под руководством Российской социал-демократической рабочей партии большевиков создал Красную Армию и Красный флот...

Мы, бывшие матросы восставшего броненосца «Потемкин», в 1905 году подняли красное знамя и пошли в наступление против царского правительства за социализм, продолжаем и до настоящего времени начатую нами борьбу.

Призываем и вас, товарищи матросы Черноморья, присоединиться к Красной Армии и общими силами свергнуть контрреволюцию в лице царских генералов, капиталистов и помещиков». Военные моряки, верные традициям «Потемкина», откликнулись на этот призыв, и, когда партизаны начали наступление на город, они обратили оружие против белогвардейцев. И. С. Спинов стал командующим флотилией²⁴.

Большевик М. М. Костенко приехал в Россию из Румынии весной 1918 г. На родине в селе Бейкуш близ Очакова крестьяне избрали его председателем сельсовета²⁵.

Матрос А. С. Сиротин после Октябрьской революции вернулся в родную Самарскую губернию из Аргентины. Во время мятежа белочехов он вел революционную пропаганду на железной дороге, впоследствии принимал участие в организации сельскохозяйственной артели²⁶.

В период коллективизации инициаторами создания колхозов в родных селах и деревнях были потемкинцы Ф. М. Антонов, Я. А. Бычинин, И. И. Васин, Е. Ф. Джоболда, И. Ф. Журавлев, Д. Т. Зыбалов, Е. Г. Костенко, П. К. Кофанов, С. П. Куницын, А. П. Мураха, А. П. Озеров, М. И. Павленко, П. К. Пазюк, И. Т. Переконный, Х. И. Тесленко и др.²⁷

Потемкинец И. А. Лычев, вернувшись в Россию в 1917 г., стал председателем сельского Совета в родном селе Обшаровке Самарской губернии. В 1918 г. он был заместителем председателя уездного и губернского исполкомов Советов. В 1923 г. его избрали секретарем губкома РКП(б). Затем он работал в органах Рабоче-крестьянской инспекции, был генеральным консулом СССР в Великобритании²⁸.

Комендор Г. К. Ракитин из Румынии переехал в Болгарию вместе с группой товарищей. Когда в Рос-

сии произошла революция, болгарское царское правительство не разрешило потемкинцам вернуться на родину. Только в 1927 г. с помощью болгарских друзей удалось Г. К. Ракитину достать лодку, на которой он 15 августа тайно вышел в море с девятью другими потемкинцами. На десятые сутки они увидели знакомые берега Одессы²⁹.

Не все потемкинцы вернулись в СССР. Например, руководители восстания большевики Василий Павлович Кулик и Степан Анисимович Денисенко умерли за границей, первый — в Бельгии в 1939 г., второй — в Канаде в 1956 г.

В 1955 г. правительство Румынской Народной Республики наградило всех оставшихся в этой стране потемкинцев орденами и медалями, установило им персональные пенсии.

Потемкинцы С. И. Кульшин и Я. В. Склярлов участвовали в Великой Отечественной войне³⁰, причем Я. В. Склярлов в 1942 г. вывел из окружения под Бугунжой отходившую от Туапсе 40-ю ордена Красного Знамени мотострелковую бригаду. Он работал в тех краях лесником и провел наших бойцов по известным только ему горным тропам. Командование наградило Склярова орденом Красного Знамени. Вернуться домой он отказался и остался воевать в бригаде.

И. Т. Чубук командовал партизанским отрядом в Ленинградской области³¹.

Герой крейсера «Варяг» и участник восстания на «Потемкине» матрос А. Д. Войцеховский вернулся в Россию в мае 1917 г. Он боролся за Советскую власть на Волыни, организовал в родном селе Погорелое колхоз. Войну с фашистской Германией встретил в деревне под городом Шепетовка. Эвакуироваться не успел. В 1943 г. гестапо узнало, что бывший потемкинец связан с партизанами. А. Д. Войцеховского схватили, но по дороге ему удалось бежать и уйти в лес к партизанам³².

Во время Великой Отечественной войны в битве за Москву отличился внук А. Н. Матюшенко — Василий Емельянович Матюшенко. 15 октября 1941 г. у Солнечногорска начальник поста наблюдения 4-й роты 1-го полка воздушного наблюдения, оповещения и связи старший сержант В. Е. Матюшенко, командуя группой бойцов, принял бой с вражескими танками. Двумя гранатами он уничтожил две фашистские машины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта

1942 г. награжден орденом Красного Знамени. Войну закончил офицером³³.

Родина никогда не забывала о подвиге потемкинцев. В 1925 г. на могиле Г. Н. Вакуленчука в Одессе был установлен памятник. В 1935 г. в ознаменование 30-летия восстания на «Потемкине» Президиум ЦИК СССР наградил группу потемкинцев грамотами. В 1955 г. в юбилейные дни восстания все оставшиеся в живых к тому времени потемкинцы были награждены орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Новому танкеру Черноморского пароходства было присвоено имя «Григорий Вакуленчук». 27 июня 1965 г. на площади Карла Маркса в Одессе был открыт памятник героям «Потемкина». Второй памятник соорудили там, где началось восстание,— у Тендровской косы. Командующий Черноморским флотом отдал приказ, чтобы каждый военный корабль, проходя мимо этого места, салатовал героям 1905 года.

Жизнь самого броненосца «Потемкин» оказалась неизмеримо короче его славы. Царское правительство и все силы реакции хорошо сознавали грозное значение примера потемкинцев. В мае 1908 г., выступая на заседании Государственной думы, известный монархист В. И. Пуришкевич говорил: «Каждый раз, когда отходит в плавание наша Черноморская эскадра, я боюсь, чтобы в ней не нашлось бы «Потемкина», а на «Потемкине» не оказался бы Матюшенко»³⁴. Само слово «Потемкин» стало для самодержавия символом революции. Царь настолько ненавидел его, что приказал переименовать броненосец, видя в этом одно из средств борьбы с традициями революционного движения на флоте. Наивные надежды Николая II помешать этим развитию революции вызвали насмешки даже со стороны реакционных кругов. Газета «Новое время» писала, что такое переименование «является чистейшим ребячеством, напоминая поступок дитяти, которое ушиблось по собственной неосторожности о пол, винит не себя, а бьет ручкою пол в наказание...»³⁵. Тем не менее по указу царя 26 сентября 1905 г. корабль переименовали в «Пантелеймон».

Но память о моряках «Потемкина» жила в народе, вдохновляя на борьбу с угнетением и несправедливостью. Хозяин народного ресторана в Констанце, где потемкинцы обедали в первый день после сдачи, повесил в зале фотографию экипажа революционного броненосца. С

тех пор моряки русских кораблей, приходивших в Констанцу, посещали этот зал и украшали фотографию цветами и лентами. Они старались разыскать участников восстания, приглашали их на свои суда и просили рассказать о героических днях революционной борьбы³⁶.

Не забыл народ и сам корабль — после февральской революции, в конце марта 1917 г., ему вернули прежнее имя, а 28 апреля по требованию команды присвоили другое — «Борец за свободу».

Корабль участвовал в первой мировой войне: обстреливал укрепления Босфора и Зонгулдака, топил турецкие транспорты, дважды в составе эскадры вел бой с германо-турецким линейным крейсером «Гебен», нанеся ему повреждения, поддерживал огнем действия Приморского отряда русской кавказской армии.

В 1917—1918 гг. его команда боролась за власть Советов в Крыму. В апреле 1918 г., когда Черноморский флот, выполняя тяжелейшие для Советской России условия Брестского мира, уходил из Севастополя в Новороссийск, «Борец за свободу» уйти не смог. На нем почти не осталось команды — матросы дрались на фронтах с белогвардейцами. Броненосец остался в Южной бухте вместе с другими старыми кораблями.

Германских оккупантов в Севастополе сменили петлюровцы, а затем белогвардейцы и интервенты — англичане, французы, итальянцы, греки. Перед уходом они грабили, уводили и топили корабли российского флота. 29 апреля 1919 г. по приказу командира английского крейсера «Калипсо» были взорваны машины «Борца за свободу». Когда Красная Армия освободила Севастополь и началось возрождение Красного Черноморского флота, специальная комиссия обследовала броненосец и признала его не подлежащим восстановлению как вследствие тяжких повреждений, так и по причине преклонного возраста и устарелости как типа боевого корабля. Молодой республике нужен был металл, и в 1922—1924 гг. броненосец разрезали на переплавку. Мастер севастопольского Морского завода И. Я. Шерстяков вспоминал: «Резали сразу целые секции и броневые листы. Один такой пятиметровый листик стали весил до пятнадцати тонн. Но резали мы с таким расчетом, чтобы после прокатки можно было получить броневую сталь, пригодную для новых кораблей»³⁷. Фок-мачту «Потемкина» сняли, и до 1957 г.

она служила маяком при входе в Днепровский лиман. Народ прозвал эти створы «потемкинскими». Одну из орудийных башен корабля установили на острове Березань в системе береговой обороны. В сентябре 1941 г. она до последней возможности стреляла по гитлеровским войскам у Очакова. Орудия «Потемкина» снова защищали революцию*.

Нет больше среди нас потемкинцев. Но память о них вечна, как вечны идеалы, за которые они боролись. Их великий пример вдохновил на борьбу за свободу тысячи моряков и солдат России. Восстание «Потемкина» явилось искрой, из которой разгорелось пламя революции на флоте. Военные моряки вплоть до октября 1917 г. не прекращали новых попыток восстания. Военные организации большевиков на флоте неоднократно подвергались разгрому жандармами и полицией, но возникали вновь и продолжали готовить матросов к последнему решительному бою. Влияние партии большевиков в матросских массах неуклонно росло, совершенствовался механизм партийной работы, накапливались силы и опыт революционной борьбы.

Крупные выступления произошли в Балтийском флоте в 1910 г.: 15 июня — на учебном судне «Океан», 30 июня — на крейсере «Громобой», 29 июля — на учебном броненосце «Петр Великий».

Начало революционного подъема в 1912 г. вызвало новые попытки организации вооруженных восстаний на флоте. В апреле моряки Балтики готовили общее восстание, намечая его на 8 мая. С помощью Военно-революционного комитета РСДРП(б) в Гельсингфорсе они установили связь с черноморцами и договорились о единстве действий. Но подготовка была сорвана агентами охранки, последовали аресты и расправы. Однако они не сломили балтийцев, которые уже в июне вновь начали разработку плана восстания. Через месяц все

* Судьба других кораблей, принявших участие в потемкинском восстании, менее примечательна: миноноска № 267 в 1907 г. была переоборудована в тральщик № 9 и прослужила до 1913 г., после чего пошла на слом. «Георгий Победоносец» во время первой мировой войны использовался как штабной корабль. В 1918 г. он не смог уйти с эскадрой в Новороссийск, был захвачен белогвардейцами и в 1920 г. уведен П. Н. Врангелем в Бизерту, где впоследствии сдан на слом. «Прут» 20 октября 1908 г. был переклассифицирован в транспорт, а с 1 декабря 1909 г. стал заградителем. 30 октября 1914 г. при встрече с германо-турецким линейным крейсером «Гебен» во избежание захвата последним затоплен командой.

было готово, но опять провокаторы донесли командованию о подготовке восстания, и она снова завершилась неудачно.

Летом 1912 г. В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому писал: «А в Балтийском флоте кипит!.. Настроение у матросов боевое...» Оценивая общее положение в стране и попытки восстания балтийцев, черноморцев и саперов под Ташкентом, В. И. Ленин в статье «Восстания в армии и во флоте» указывал, что «восстания еще *преждевременны*. Только *соединенный* натиск рабочих масс, крестьянства и лучшей части армии может создать условия *победоносного*, т. е. *своевременного* восстания... Только во главе натиска миллионов, только в теснейшем, неразрывном союзе с ними может победить и победит царскую монархию революционная часть русского войска!»³⁸.

На Черноморском флоте подготовка всеобщего восстания не прекращалась со времен «Потемкина». Весной 1912 г. крейсер «Кагул» (бывший «Очаков») посетил Румынию. Члены его команды встретились с бывшими потемкинцами, получили от них нелегальную литературу и воззвание с призывом завершить революционную борьбу «Потемкина» и «Очакова».

Черноморцы начали подготовку к восстанию с учетом опыта «Потемкина», детально разработали планы захвата оружия и кораблей. В революционной работе наибольшую активность проявляли команды линейных кораблей «Пантелеймон» и «Иоанн Златоуст», крейсеров «Кагул» и «Память Меркурия». В июне — июле по доносам агентов охранки в Черноморском флоте прошли аресты. Однако намеченной цели они не достигли: революционные настроения матросов продолжали расти, и 3 августа командование ввело в Черноморском флоте военное положение. Последовали новые аресты, суды и расстрелы.

Временные неудачи не остановили моряков. Революционная деятельность и подготовка новых восстаний под руководством РСДРП(б) продолжались и на Балтике, и на Черном море, и на Тихом океане. Совершенствовалась и крепла система партийной работы, возникали новые большевистские организации. В матросской массе не утихала ненависть к самодержавному строю, эксплуатации и произволу.

Во время первой мировой войны, в сентябре 1915 г., в Балтийском флоте произошли стихийные возмущения

команд на крейсерах «Баян», «Громобой», «Россия», учебном судне «Николай I».

19 октября 1915 г. вспыхнули серьезные волнения на линкоре «Гангут». Матросы других кораблей решили поддержать товарищей и начать восстание. Большевикам пришлось сделать большие усилия, чтобы убедить матросов в необходимости отложить восстание, пока не сложится благоприятная обстановка в России.

В июле 1916 г. готовилось восстание на крейсере «Аскольд», который находился тогда в Тулоне.

В феврале 1917 г. моряки военных флотов и флотилий приняли активное участие в борьбе за свержение самодержавия. 28 февраля восстал Кронштадт, 2 марта — Ревель, 3 марта — Гельсингфорс, на следующий день — Свеаборг. 5 марта начались революционные события в Севастополе. Падение самодержавия приветствовали матросы Амурской, Каспийской, Северной и Тихоокеанской флотилий.

В октябрьские дни 1917 г. моряки флотов и флотилий явились одной из главных ударных сил социалистической революции. История восстания «Потемкина» оказалась неразрывно связанной с историей военных моряков. И глубоко символично, что именно выстрел военного корабля — крейсера «Аврора» возвестил начало социалистической революции. Выстрелы «Потемкина» на одесском рейде явились предвестниками выстрела «Авроры» на Неве и слились в один громовой залп по угнетению и эксплуатации. Революционные традиции потемкинцев были преумножены советскими моряками в Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войнах.

Героизм моряков «Потемкина» незабываем, уроки восстания актуальны и сегодня для революционного движения в странах, в которых еще предстоит свершить социалистическую революцию.

Резолюция собрания матросов Черноморского флота. 20 марта 1905 г.

Мы, матросы Черноморского флота, собравшиеся в количестве 194 человек, присоединяемся к голосу всей поработанной России и вместе с передовой выразительницей интересов рабочего класса — Российской социал-демократической рабочей партией требуем свержения ненавистного самодержавия и замены его демократической республикой. Мы уверены, что только Учредительным собранием, созданным на основе прямого, равного, тайного и всеобщего голосования, мы восстановим самодержавие народа.

Мы знаем, что лично в своих интересах затеял царь гнусную войну, и потому требуем немедленного ее прекращения.

Пусть наш голос присоединится к голосу всей пробудившейся гражданской России. Пусть за протестом черноморских моряков последуют протесты всей армии и флота. Пусть поймет, наконец, царь, что последний его оплот рухнет. Ближе наше освобождение, и потому мы зовем в свои ряды, в ряды Российской социал-демократической рабочей партии, всех, кого гнет и давит самодержавие. Мы не оставим до тех пор борьбы, пока не добьемся полного освобождения человечества из-под ига капиталистов-пауков. Мы боремся за социализм.

Долой самодержавие с царем во главе! Долой войну!

Да здравствует учредительное собрание; Да здравствует демократическая Республика; Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия; Да здравствует социализм!

Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года.

Док. и матер. М., 1957. С. 55.

Заявление восставших матросов с «Потемкина», «Геоργия Победоносца», госпитального судна «Веха» и миноноски № 267 командующему Одесским военным округом.

17 июня 1905 г.

Г-ну командующему войсками Одесского военного округа.

Заявление.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», броненосца «Геоργий Победоносец», миноносца № 267 и госпитального судна «Веха», ввиду возможного на нее нападения остальной части Черноморской эскадры, считает своим долгом заявить, что она твердо решила вступить в этот бой за великое дело освобождения всего угнетенного народа России.

Поэтому, во избежание могущих произойти несчастных жертв и повреждений как с жителями порта и города, так и с различными судами, наша эскадра ставит вам в обязанность немедленно принять

все надлежащие меры для самого широкого оповещения жителей об угрожающей опасности горожанам и частным судам.

Командир флагманского судна эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Приложена судовая печать.

Дня 17 июня 1905 г.

1905. Армия в первой революции. Очерки и матер./Под ред. М. Н. Покровского. М.; Л., 1927. С. 206.

Обращение потемкинцев, написанное К. И. Фельдманом.

Ко всему цивилизованному миру.

Граждане всех стран и всех народов!

Перед Вашими глазами просходят грандиозные события великой освободительной борьбы — угнетенные и поработанные народы России не вынесли векового гнета и своеволия деспотического самодержавия. Разорение, нищета и бесправие, до которого русское Правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного негодования и возмущения.

Могучий крик многомиллионной груди: «ДОЛОЙ РАБСКИЕ ЦЕПИ ДЕСПОТИЗМА И ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА» как гром раскатился по всей необъятной России. Но Правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов льется целыми потоками по всей России. Однако самодержавие забыло одно — что темная и забытая армия, это сильное оружие его кровавых замыслов, есть тот же самый народ, есть сыны тех же самых трудящихся, которые решили добиваться свободы. И вот мы, КОМАНДА ЭСКАДРЕННОГО БРОНЕНОСЦА «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ», решительно и единодушно делаем этот первый великий шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль на улицах и полях, снимут с нас свое проклятье, как их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его, и наш общий девиз: смерть или свобода для всего народа. Мы требуем немедленной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Маньчжурии. Мы требуем немедленного созыва всенародного УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы вместе с нашим броненосцем пасть в бою или добиться победы. Мы глубоко уверены, что честные граждане всех стран и народов откликнутся горячим сочувствием нашей ВЕЛИКОЙ БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ.

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267.

Приложена судовая печать.

Центральный ордена Красной Звезды музей Вооруженных Сил СССР.

Обращение к иностранным державам, написанное А. П. Березовским.

Ко всем европейским державам.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая

об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Приложена судовая печать.

Армия в первой революции. С. 208.

Листовка матросов социал-демократов.

23 июня 1905 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи матросы!

Вы уже знаете, что команда броненосца «Князь Потемкин» открыто объявила войну русскому правительству, открыто стала на сторону угнетенного народа. Матросы, вместе с народом, решили бороться за счастье и лучшую долю для всей поработанной России.

Товарищи! Присоединимся же к команде «Потемкина» и вместе с ней и всем народом сплотимся на борьбу за политические права, так нужные народной России!

Товарищи! Неужели для нас дороги интересы русского правительства, которое так мучает весь русский народ, в том числе и нас?

Неужели для нас дороги интересы наших мучителей — начальников всякого сорта?!

Товарищи! Нам дали глупую присягу и послали убивать своих же братьев — матросов, послали воевать с восставшим народом!.. Не будем же делать этого, товарищи!

Не станем слушаться начальников и попов: они нарочно затуманивают наши головы для того, чтобы мы без зазрения совести делали то, что они нам прикажут!

Товарищи! Кто нам дороже: царское правительство со своими скорпионами-начальниками или бедный, бесправный народ, вконец разоренный правящей шайкой, тот самый народ, из которого мы сами вышли и к которому вернемся по окончании царской службы?..

Товарищи! Мы — дети народа — должны защищать народ от царского произвола, должны защищать тех, кто борется за его, народа, свободу!

Присоединимся же к восставшим братьям!

Ведь от нас самих, от самого русского народа зависит его судьба!

Царское правительство в своей беспощадной борьбе с русским народом довело страну до окончательного разорения. Оно убивает беззащитных женщин и детей, оно убивает стариков, оно убивает русских рабочих, оно решилось соединиться и против нас, матросов! Лживыми сообщениями и подлой клеветой оно пытается нас обмануть! Не дадим же ему этого сделать!

Вместе с остальными матросами, вместе с армейскими солдатами и всем рабочим народом заявим, что господству царской шайки воров и убийц должен быть положен решительный конец и чем скорее, тем лучше!

На бой же с правительством и всей сворой собак: Чухинными, Афанасьевыми, Кригерами и прочей сволочью!..

Откажемся стрелять в матросов, перестанем слушаться начальства!..

Вместе со всем восставшим народом потребуем немедленного созыва Учредительного собрания!

Долой самодержавие царя!

Да здравствует самодержавие народа!

Да здравствует борющийся Черноморский флот!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Матросы социал-демократы,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года.

С. 64—66.

Листовка матросов социал-демократов.

Июнь 1905 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ, НЕ УНЫВАЙТЕ!

Товарищи, не унывайте! Еще не все погибло... Гнилое царское правительство далеко не все задавило во флоте. Есть еще там люди, которые с честью высоко держат славное знамя социалдемократии. Не падайте ж духом, товарищи! Не падайте духом, а набирайтесь отваги, запасайтесь храбростью, и со всею силою, на какую только вы способны, продолжайте великую борьбу за святое дело освобождения народа от царского гнета и от гнета капитала. Будем тверды, как закаленная сталь. В этой борьбе пусть сердца наши не знают пощады, не знают жалости к нашим злейшим врагам. «Коленом в грудь и руками за горло» — пусть этот призыв станет нашим лозунгом.

Товарищи! На этот раз мы не сумели помешать русскому правительству безнаказанно арестовать наших товарищей, но мы должны отомстить за них; русский царь еще раз напьется горячей народной крови — но дело освобождения народа от этого не замрет... Нет! За нас сама жизнь, она толкает нас на борьбу с самодержавием. Никаким царям не совладать с разбушевавшимся океаном справедливого народного гнева, и уже недалеко то время, когда в освобожденной от царского самовластия России рабочий класс [пролетариат] поведет свою последнюю борьбу, борьбу с капиталистическим укладом общества и быстро пойдет навстречу социалистическому строю...

Товарищи! Наше правительство не первый раз подавляет революционное движение части народа: вспомните 9 января в Петербурге, где самодержавие омыло свои преступные руки кровью многих тысяч наших братьев рабочих. Но разве от этого прекратилась борьба народа с правительством? Как раз наоборот. Эта борьба стала более упорной, более ожесточенной: восстал Кавказ, восстает Польша, грозно волнуется вся внутренняя Россия. Российский пролетариат хорошо уже понял, что чем скорее он свергнет самодержавие, тем скорее он придет к своему окончательному освобождению от всякого гнета. И уже близок день победоносного восстания российского пролетариата, он уже выпрямил свою согнутую спину... еще один мощный взмах и... от самодержавия останется только позорная память.

Не падайте духом, товарищи! Не приходите в отчаяние! Далеко не все потеряно. Быстро сомкнем наши разрозненные ряды и плечом к плечу с восстающим пролетариатом поведем освободительную борьбу. На бой же, товарищи! На славный, кровавый бой за народное благо!

Долой ненавистного нам царя!
Да здравствует народная свобода!
Да здравствует социализм!

Матросы социал-демократы.

*Севастопольское вооруженное восстание в ноябре
1905 года. С. 68—69.*

Листовка Севастопольского комитета РСДРП
в связи с судом над участниками восстания на «Пруте».
Июль 1905 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Суд над матросами

Сегодня судят матросов...

Самодержавное правительство произнесет свой суровый приговор над нашими товарищами матросами, смело присоединившимися к той великой борьбе, которую давно уже ведет рабочий класс.

Над Черноморским флотом взвился красный флаг революции и заставил содрогнуться сердце хищников самодержавной шайки, грабителей народа... Самодержавие почувствовало, что рушится последняя опора обгащенного кровью трона, войско переходит на сторону борцов за народное дело! Потоками крови, тысячами трупов и виселицами правительство думает отсрочить час своего падения.

Не остановится оно и теперь перед смертными приговорами и каторгой, чтоб достойно наказать крамольный флот.

Но правительство забывает, что в потоках крови оно захлебнется само, что тысячи трупов придавят его своей тяжестью...

Жертвы неизбежны, но они приведут весь русский народ к окончательному избавлению от ненавистных угнетателей народной жизни.

Только перешагнув через труп самодержавного правительства, освобожденная Россия сумеет быстро приблизиться к царству свободы, равенства и братства...

Час падения самодержавия близок. Вот оно судорожно барахтается в морях народной крови, лезет через трупы сынов народа!

Но нет ему спасения!

Товарищи матросы! В великой борьбе ваших товарищей найдите силу для того, чтобы продолжить их святое дело!

Помните, что только общими силами и общей борьбой мы добьемся улучшения своей и народной жизни. Не дайте же совершить над вашими товарищами страшнейшего насилия, требуйте их освобождения! Все как один человек поднимитесь на их защиту, вырвите их из кровавых когтей самодержавных палачей!

Товарищи рабочие! Присоединяйтесь к матросам и вместе с ними требуйте освобождения осужденных за наше общее славное дело!

Граждане! Кровь борцов революции вопиет об отмщении!.. Всеми силами и способами протестуйте против шемакина суда над матросами!

Требуйте их полного освобождения!

Долой правительство палачей и убийц!

Долой произвол и насилие царской шайки!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует революционный Черноморский флот!
Честь и слава подсудимым матросам — борцам за народное
дело!

Севастопольский комитет Крымского союза РСДРП.
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙТЕ ТОВАРИЩАМ.

*Севастопольское вооруженное восстание в ноябре
1905 года. С. 69—70.*

Введение (с. 3—11)

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 372.
- ² Там же. Т. 38. С. 306.
- ³ Правда. 1985. 3 янв.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 337; Т. 11. С. 236, 351.
- ⁵ Там же. Т. 10. С. 348, 349.
- ⁶ Маевский Е. 1905 год: Очерк революционного движения. Пг., 1917. См. также: Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. Ч. II. СПб., 1910.
- ⁷ Герасимов А. Красный броненосец: Вооруженное восстание в 1905 году на броненосце «Потемкин-Таврический». Л., 1925; Он же. Первый революционный броненосец. М., 1925; Камшицкий В. 1905 г. в Севастополе. Симферополь, 1925; Платонов А. П. Восстание в Черноморском флоте в 1905 году в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе. Л., 1925, и др.
- ⁸ См. об этом: Всемирная история. Т. 2. М., 1960. С. 323; Советская историческая энциклопедия. Т. XI. Стб. 967—968.
- ⁹ Гришин П. П. Уроки «Потемкина» и тактика вооруженного восстания. М.; Л., 1932.
- ¹⁰ Федоров А. В. Революционные восстания в Черноморском флоте в 1905 г. Л., 1946; Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. 1825—1917. М.; Л., 1948.
- ¹¹ См., например: Богущая Л. В. Очерки по истории вооруженных восстаний в революции 1905—1907 гг./Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1956; Губенко Г. Н. Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. Симферополь, 1955, и др.
- ¹² Мельников Р. М. Броненосец «Потемкин». Л., 1980.
- ¹³ Столяренко М. А. Непобежденная территория революции. М., 1975; Томилов С. А. Броненосец «Потемкин»: Очерк. Одесса, 1975.
- ¹⁴ Georgeseu T., Marcu G. Potemkinistii în România. Bucuresti, 1955.
- ¹⁵ Hough R. The Potemkin mutiny. N. Y., 1961; Desroches A. Les révoltes du Potemkine/ Miroir de l'Histoire. 1962. N 151.
- ¹⁶ Desroches A. Ibid. P. 30.

Глава I (с. 12—54)

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 129; Т. 7. С. 11.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 81, 303.
- ³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1898—1917. М., 1983. С. 73.
- ⁴ Там же. С. 125.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 289, 320.

- ⁶ III съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 111—112.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 87.
- ⁸ Запорожская правда. 1955. 26 июня; ЦВМС, док. фонд. № 11793/4м.
- ⁹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 2, д. 771, л. 8—10 об.; д. 770, л. 12 об.; д. 771, л. 4; Каторга и ссылка. 1925. № 5. С. 51.
- ¹⁰ Лычев И. Воспоминания потемкинца. М.; Л., 1925. С. 18.
- ¹¹ Социал-демократ. 1905. № 7. 10 июня, прил. С. 2.
- ¹² Пролетарий. 1905. № 2. 3 июня (21 мая). С. 11—12.
- ¹³ Советская Молдавия. 1962. 29 марта.
- ¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 2, д. 771, л. 3 об.
- ¹⁵ Там же, ф. 407, оп. 1, д. 2669, л. 1; д. 2989, л. 3—3 об.; Кассесинов Н. Ф. Письмо адвокату Н. К. Муравьеву / Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг.: Воспоминания и письма. М., 1956. С. 163.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 30.
- ¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 2669, л. 1; д. 2989, л. 1, 3—3 об.; Атамасов И. И. Вместе с потемкинцами / Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1955. С. 364.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 318.
- ¹⁹ Искра. 1902. № 22, июль.
- ²⁰ Революционная Россия. 1905. № 70. 1 июля. С. 4; № 75. 15 сент. С. 12.
- ²¹ Яхновский И. Из истории революционной работы РСДРП (в 1900—1905 гг.) в Черноморском флоте / Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 91—92.
- ²² Сенчакова Л. Т. Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX — начале XX в. (1879—1904 гг.). М., 1972. С. 166—167.
- ²³ Яхновский И. Революционная работа в Черноморском флоте / Каторга и ссылка. 1925. № 5. С. 25; Бойко В., Полторацкий Г. Так всходила заря / Советская Украина. 1955. № 8. С. 146; Лычев И. А. Потемкинцы. М., 1965. С. 35.
- ²⁴ ЦГАВМФ, ф. 609, оп. 8, д. 4, л. 206; ф. 2, оп. 1, д. 142, л. 4.
- ²⁵ Революционное движение в Крыму (1880—1904; 1905—1907 гг.): Сб. док. и матер. Симферополь, 1940. С. 91.
- ²⁶ ЦГАВМФ, ф. 609, оп. 8, д. 4, л. 206.
- ²⁷ ЦВММ, р. 35909, л. 2; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 238.
- ²⁸ См., например: Шестидесятый И. Начало борьбы / Советский моряк. 1955. № 11. С. 3.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 316; Т. 11. С. 350.
- ³⁰ ЦГАВМФ, ф. 609, оп. 8, д. 4, л. 95—95 об.; Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. Док. и матер. М., 1957. С. 5, 77—80.
- ³¹ ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 410, л. 74; ф. 609, оп. 8, д. 4, л. 52 об.—69.
- ³² Социал-демократ. 1905. № 14. 15 сент. С. 5.
- ³³ ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 410, л. 119, 1—2 об., 71—75.
- ³⁴ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. С. 56.
- ³⁵ Социал-демократ. 1905. № 9. 7 июля. С. 9.
- ³⁶ Пролетарская революция. 1925. № 12. С. 93; Социал-демократ. 1905. № 14. 15 сент. С. 4; ЦМР, ГИК, № 20016/14; Атамасов И. И. Указ. соч. С. 365; Лычев И. А. Потемкинцы. С. 63.
- ³⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 37, л. 23—24.
- ³⁸ Алексеев П. В. Восстание на броненосце «Князь Потемкин-

Таврический» // 1905 год. Революционное движение в Одессе и Одессине. Кн. 2. Одесса, 1926. С. 209.

³⁹ Царев А. Ф. Воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин» // Известия Молдавского филиала АН СССР. 1955. № 7. С. 122.

⁴⁰ Денисенко С. Потемкинское восстание // Каторга и ссылка. 1925. № 5. С. 29—30; Атамасов И. И. Указ. соч. С. 367.

⁴¹ ЦМР, ГИК, № 12334/52—55; № 12334/107.

⁴² Томилов С. А. Броненосец «Потемкин»: Очерк. Одесса, 1975. С. 13—15.

⁴³ Атамасов И. И. Указ. соч. С. 363; ЦМР, ГИК, № 12335/107; Столяренко М. А. Непобежденная территория революции. М., 1975. С. 35; Днепровская правда (Никополь). 1955. 26 июня.

⁴⁴ Томилов С. А. Указ. соч. С. 16, 21—22.

⁴⁵ ЦМР, ГИК, № 12335/107.

⁴⁶ ЦВММ, р. В-10771/1-10, л. 190б.; Рыжий Н. П. О подготовке к восстанию на «Потемкине» // Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 38; ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 4, д. 1981, л. 174—175; ЦМР, ГИК, № 20016/14; Царев А. Всегда с народом // Советский моряк. 1955. № 11. С. 4.

⁴⁷ ЦГАВМФ, ф. 609, оп. 8, д. 4, л. 51, 129, 161, 163, 198; ЦГАОР, ф. 102, ДП 7, 1905 г., оп. 202, д. 2843, л. 4.

⁴⁸ Царев А. Ф. Воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин». С. 122.

⁴⁹ См.: Коничев К. Потемкинец // Дальний Восток. 1955. № 3. С. 166.

⁵⁰ Мельников Р. М. Крейсер «Варяг». 2-е изд. Л., 1983. С. 220—221, 224; Он же. Броненосец «Потемкин». Л., 1980. С. 205; Московский комсомолец. 1955. 26 июня.

⁵¹ ЦМР, ГИК, № 12335/107; Советская Белоруссия. 1955. 26 июня; Московский комсомолец. 1955. 17 апр.; Царев А. Ф. Воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин». С. 121.

⁵² Столяренко М. А. Указ. соч. С. 30; Евстигнеев И. М. Начало восстания на «Потемкине»: Из воспоминаний // Военный вестник. 1925. № 24. С. 42; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 2; Вестник Юга. 1905. 6 июля.

⁵³ Исторический архив. 1955. № 3. С. 127.

⁵⁴ Денисенко С. Указ. соч. С. 31; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 17 об.; д. 36, л. 23—24.

⁵⁵ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2. Ч. I. Киев, 1955. С. 383; Алексеев П. В. Указ. соч. С. 209.

⁵⁶ ЦМР, ГИК, № 12335/107; Черноморская здравница. 1970. 27 июня.

⁵⁷ ЦМР, ГИК, № 12335/107.

⁵⁸ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 25—26 об., 68—78; д. 20, л. 4, д. 127, л. 68.

⁵⁹ Гаркавенко Д. А. Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма // История СССР. 1968. № 5. С. 41.

⁶⁰ Попов М. Я. В. И. Ленин о вооруженных восстаниях 1905 года в Черноморском флоте // Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР. Днепропетровск, 1970. С. 110.

⁶¹ ЦМР, ГИК, № 12413/60, л. 2 об.; Алексеев П. В. Указ. соч. С. 209.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 236.

⁶³ Перельгин К. Указ. соч. С. 232.

⁶⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 2, 40, 169; *Перелыгин К.* Указ. соч. С. 232.

⁶⁵ Советская Киргизия. 1967. 27 июня; *Лакий Е. Г.* Из воспоминаний // Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 54; *Лычев И. А.* Подготовка и восстание на броненосце «Потемкин» // Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. С. 332; *Рыжий Н. П.* Указ. соч. С. 39.

⁶⁶ Запорожская правда. 1955. 26 июня; *Перелыгин К.* Указ. соч. С. 232.

⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 199; *Матюшенко А.* Матросы Черного моря: Правда о «Потемкине» // Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»: Восп., док. и матер. М.; Пг., 1924. С. 293—294.

⁶⁸ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 46.

⁶⁹ *Алексеев П. В.* Указ. соч. С. 211; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 84.

⁷⁰ Днепровская правда. 1955. 26 июня; Бакинский рабочий. 1955. 21 июня.

⁷¹ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 294; *Перелыгин К.* Указ. соч. С. 233; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 84; *Алексеев П. В.* Указ. соч. С. 211—212.

⁷² *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 295.

⁷³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 47, 75; д. 18, л. 70 об.; *Рыжий Н. П.* Указ. соч. С. 40; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 218.

⁷⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 66—66 об., 67, 67 об., 68, 163, 221; *Пономарев И. И.* Герои «Потемкина». М., 1956. С. 258—260, прил.

⁷⁵ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 53—54, 63 об., 66 об.—67, 110, 221.

⁷⁶ Там же, д. 17, л. 84.

⁷⁷ Там же, д. 18, л. 12; *Рыжий Н. П.* Указ. соч. С. 40; ЦМР, ГИК, № 12334/8, 9.

⁷⁸ Советская Киргизия. 1967. 27 июня; *Евстигнеев И. М.* Указ. соч. С. 43; *Лычев И. А.* Потемкинцы. С. 70—71; Московский комсомолец. 1955. 17 апр.; Запорожская правда. 1955. 26 июня; *Полторацкий Г. Н.* Указ. соч. С. 56; *Старцев И. И.* Мои воспоминания о восстании на броненосце «Потемкин» // Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. М., 1956. С. 48; *Токарев С. П.* Воспоминания о восстании на броненосце «Князь Потемкин» // Там же. С. 62; Правда. 1935. 27 июня; Труд. 1935. 27 июня.

⁷⁹ Знамя коммунизма (Одесса). 1960. 26 июня; Бакинский рабочий. 1955. 21 июня; *Лакий Е. Г.* Указ. соч. С. 54; *Перелыгин К.* Указ. соч. С. 234; Днепровская правда. 1955. 26 июня; *Царев А. Ф.* Воспоминания участника восстания на броненосце «Потемкин». С. 123; Днепровская правда. 1955. 26 июня.

⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 66 об., 86; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 245, прил.

⁸¹ *Богущая Л. В.* Очерки по истории вооруженных восстаний в революции 1905—1907 гг. / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1956. С. 56—57; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. 1825—1917. М.; Л., 1948. С. 116; *Платонов А. П.* Указ. соч. С. 47; *Столяренко М. А.* Указ. соч. С. 49; *Федоров А. В.* Революционные восстания в Черноморском флоте в 1905 году. Л., 1946. С. 43.

⁸² *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 296; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 67, 86; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 245, прил.; ЦМР, ГИК, № 12335/50—55.

⁸³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 84, 113 об., 114; ЦМР, ГИК, № 28288а.

⁸⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 84, 88, 114 об.

⁸⁵ Там же, л. 47; *Денисенко С.* Указ. соч. С. 32—33.

⁸⁶ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 297; *Перельгин К.* Указ. соч. С. 235; *Коваленко А.* Одиннадцать дней на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» / // *Былое*. 1907. № 1. С. 98; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 246—247, прил.; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 13, 140 об.

⁸⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 198—200 об.

⁸⁸ *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 266—267, прил.

⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 191—192 об., 198—200 об.

⁹⁰ Труд. 1935. 27 июня.

⁹¹ *Полторацкий Г. Н.* Указ. соч. С. 57.

⁹² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 100—101; д. 39, л. 28.

⁹³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 156, 220 об., 17 об., 94—94 об., 140—140 об.; *Евстигнеев И. М.* Указ. соч. С. 44.

⁹⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 140—140 об.; *Коваленко А.* Указ. соч. С. 93—94.

⁹⁵ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 67, 110 об.; д. 17, л. 26 об., 69, 70; д. 20, л. 10; ф. 920, оп. 6, д. 429, л. 82; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 260, прил.

⁹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 342.

⁹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 68—78, 100—101; д. 18; д. 96, л. 2—3; ЦМР, ГИК, № 5138, 12334/17-21, 12335, 12413, 18165/33, 20016/14, 22930/72, 31464/919; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 243—268, прил.; *Потемкинские дни 1905 года на Черном море: Сб. матер. и док.* Харьков, 1925. С. 13, 107—124; *Искра*. 1905. № 105. 15 июля. С. 5—6; *Лычев И. А.* *Потемкинцы*. С. 58, 127; *Пролетарий*. 1905. № 9. 3 июля (20 июня). С. 10.

⁹⁸ *Зиновьев А.* О самом памятном / *Пропагандист и агитатор*. 1955. № 10. С. 24; *Поликов П.* Развивайте дальше лучшие традиции русского флота! / *Там же*. С. 26; *Лычев И. А.* *Потемкинцы*. С. 35, 54, 58, 61, 77; *Знамя коммунизма* (Одесса). 1955. 22 июня; *Исторический архив*. 1955. № 3. С. 132, примеч. 11.

⁹⁹ *Рыжий Н. П.* Указ. соч. С. 37.

¹⁰⁰ *Исторический архив*. 1955. № 3. С. 123.

¹⁰¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 6.

¹⁰² ЦМР, ГИК, № 12335/113, л. 2 об.; *Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»*. С. 267.

¹⁰³ Цит. по: *Лычев И. А.* *Потемкинцы*. С. 126.

¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 19.

¹⁰⁵ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 67 об.—68; д. 96, л. 2.

¹⁰⁶ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18; ЦМР, ГИК, № 12334/17-21; *Пономарев И. И.* Указ. соч. С. 243—268, прил.; *Московский комсомолец*. 1955. 26 июня.

¹⁰⁷ *Кирилл*. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С. 113; *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». М., 1964. С. 64; *Найда С. Ф.* Указ. соч. С. 117; *Гришин П. П.* Уроки «Потемкина» и тактика вооруженного восстания. М.; Л., 1932. С. 64.

¹⁰⁸ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 229.

¹⁰⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 201—202.

¹¹⁰ Советская Киргизия. 1967. 27 июня.

¹¹¹ Там же; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 43.

¹¹² Революционная Россия. 1905. № 72. 1 авг. С. 8, прил.

¹¹³ Там же; *Фельдман К. И.* Указ. соч. С. 153; *Ленин В. И.*

Полн. собр. соч. Т. 30. С. 319.

¹¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 3, д. 1178, л. 1 об.—2; ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 13—23 об.

¹¹⁵ Лычев И. А. Потемкинцы. С. 35.

¹¹⁶ Кирилл. Указ. соч. С. 97—101.

¹¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 5; д. 18, л. 73; Красный флот, 1940, 27 июня; ЦМР, ГИК, № 18165; № 22930/72, л. 70 об.; Исторический архив. 1955. № 3. С. 121.

¹¹⁸ Кирилл. Указ. соч. С. 236—237.

¹¹⁹ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 20—21; Матюшенко А. Указ. соч. С. 310.

Глава II (с. 55—85)

¹ Пролетарий. 1905. № 2. 3 июня (21 мая). С. 16.

² Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2. Ч. I. Киев, 1955. С. 218; Штернштейн Я. М. Борьба большевиков Одессы за союз рабочего класса и крестьянства в период первой русской революции//Труды Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова. Т. 146. Сборник, посвященный 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг. Одесса, 1956. С. 64; Пролетарий. 1905. № 2. 3 июня (21 мая). С. 16.

³ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2. Ч. I. С. 226—227; Судба А. Забастовка 1905 г. на заводе И. И. Гена в Одессе//1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине. Кн. 2. Одесса, 1926. С. 167.

⁴ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2. Ч. I. С. 225.

⁵ Там же. С. 226—231.

⁶ Пролетарий. 1905. № 6. 3 июля (20 июня). С. 16; Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 90; Иллюстрированные биржевые ведомости. 1905. 24 июня.

⁷ Штернштейн Я. М. Указ. соч. С. 64—65.

⁸ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. Харьков, 1925. С. 64; Пролетарий. 1905. № 7. 10 июля (27 июня). С. 10.

⁹ Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1957. С. 241, 246; ЦГАОР, ф. ДП 00, 1905 г., д. 5, ч. 4, лит. Б, л. 11.

¹⁰ Шаповалов А. С. Указ. соч. С. 243—246.

¹¹ Ленинский сборник. Т. XXVI. М., 1934. С. 433.

¹² Шаповалов А. С. Указ. соч. С. 243.

¹³ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 64.

¹⁴ ЦГАОР, ф. ДП 00, 1905 г., д. 5, ч. 4, лит. Б, л. 18 об.; ф. 1741, оп. 1, д. 14673.

¹⁵ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 65; Революционная Россия. 1905. № 70. 1 июля. С. 13—14.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 102, ДП 7, 1905 г., оп. 202, д. 34046, л. 85—91; 1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине. С. 274—287.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 175, 183; Пономарев И. И. Герой «Потемкина». М., 1956. С. 267, прил.

¹⁸ Старцев И. И. Мои воспоминания о восстании на броненосце «Потемкин»//Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. М., 1956. С. 49; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 183—184 об.; Кирилл. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С. 105—106.

¹⁹ 1905. Армия в первой революции. Очерки и материалы/Под ред. М. Н. Покровского. М.; Л., 1927. С. 201.

- ²⁰ ЦМР, ГИК, № 12335/13—16; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 169 об.
- ²¹ Кирилл. Указ. соч. С. 102.
- ²² Ачканов Г. Воспоминания о революции 1905 г.//1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине. Кн. 1. С. 194—195.
- ²³ Знамя коммунизма. 1955. 26 июня.
- ²⁴ Там же; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 20, л. 26; Жигалов И. Непобежденная территория революции: К 50-летию восстания на броненосце «Потемкин»//Советский воин. 1955. № 11. С. 2; Исторический архив. 1955. № 3. С. 110.
- ²⁵ Портной Ю. Л. К июньскому восстанию 1905 г. в Черноморском флоте//Одесский гос. ун-т. Труды исторического ф-та. Т. 1. Одесса, 1939. С. 59—63.
- ²⁶ Исторический архив. 1955. № 3. С. 120.
- ²⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 49; Революционная Россия. 1905. № 73. 15 авг. С. 23.
- ²⁸ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 183 об.; Поликов П. Развивайте дальше лучшие традиции русского флота//Пропагандист и агитатор. 1955. № 10. С. 26.
- ²⁹ 1905. Армия в первой революции. С. 200.
- ³⁰ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 185.
- ³¹ Исторический архив. 1955. № 3. С. 108.
- ³² Пролетарий. 1905. № 9. 3 июля (20 июня). С. 11; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 183.
- ³³ ЦМР, ГИК, № 12335/23—26.
- ³⁴ Революционная Россия. 1905. № 72. 1 авг. С. 4—5, прил.; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». М., 1964. С. 78.
- ³⁵ Исторический архив. 1955. № 3. С. 116.
- ³⁶ Найдя С. Ф. Революционное движение в Черноморском флоте в годы первой русской революции//Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1955. С. 43; ЦГВИА, ф. 400, оп. 23/612, д. 7, л. 5, 6, 8—11, 13; Пролетарий. 1905. № 9. 3 июля (20 июня). С. 12.
- ³⁷ Кирилл. Указ. соч. С. 120—121.
- ³⁸ ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, 1905 г., оп. 233, д. 790, ч. 2, л. 2; Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 79.
- ³⁹ Исторический архив. 1955. № 3. С. 119; ЦМР, ГИК, № 12413/60, л. 2 об.; Кирилл. Указ. соч. С. 117—118.
- ⁴⁰ ЦГВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 49.
- ⁴¹ Каторга и ссылка. 1925. № 5. С. 36; Кирилл. Указ. соч. С. 110.
- ⁴² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 18; д. 18, л. 16, 18 об., 20 об.—22, 95; д. 27, л. 69; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 241; ЦМР, ГИК, № 12335/23—26, л. 7; Былое. 1907. № 2. С. 129; Лычев И. Воспоминания потемкинца. М.; Л., 1925. С. 42; Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». М.; Пг., 1924. С. 271; Перельгин К. К событию на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический»//Там же. С. 247.
- ⁴³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 17, 34.
- ⁴⁴ Там же, л. 17.
- ⁴⁵ Там же, л. 34.
- ⁴⁶ Исторический архив. 1955. № 3. С. 121.
- ⁴⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 18.
- ⁴⁸ Там же, л. 19, 39; д. 18, л. 215—215 об.; ф. 920, оп. 6, д. 484, л. 14—15; Кирилл. Указ. соч. С. 124—125.
- ⁴⁹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 30; Фельдман К. Потем

кинское восстание (14—25 июня 1905 г.). Воспоминания участника. Л., 1927. С. 28.

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 34.

⁵¹ Кирилл. Указ. соч. С. 87; Каторга и ссылка. 1925. № 5. С. 36.

⁵² Пономарев И. И. Герои «Потемкина». С. 249, прил.; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». М., 1964. С. 83; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 11, л. 15—16 об.; ф. 408, оп. 1, д. 1197, л. 14.

⁵³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 11, л. 177.

⁵⁴ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 93.

⁵⁵ Революционный броненосец. Восстание в Черноморском флоте // По материалам «Искры» и «Социал-демократа». Женева, 1905. С. 38.

⁵⁶ Пролетарий. 1905. № 7. 10 июля (27 июня). С. 12.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, 1905 г., оп. 233, д. 1300, л. 6 об.; ф. 1741, оп. 1, д. 14673; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 187—187 об.

⁵⁸ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 81—82; ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, 1905 г., оп. 233, д. 1300, л. 5, 9 об.

⁵⁹ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 131.

⁶⁰ Пролетарий. 1905. № 9. 13(26) июля. С. 12; Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 95.

⁶¹ Революционный броненосец. С. 40—41.

⁶² Левенок. Воспоминания о «Потемкине» // Революция в Крыму. Сб. 2. Симферополь, 1925. С. 17.

⁶³ Сын Отечества. 1905. 2 июля.

⁶⁴ Кирилл. Указ. соч. С. 128—130; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 91—92, 94; Гришин П. П. Уроки «Потемкина» и тактика вооруженного восстания. М.; Л., 1932. С. 31. Столяренко М. А. Непобежденная территория революции. С. 75; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 16; ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1, д. 14673.

⁶⁵ 1905. Армия в первой революции. С. 200—201.

⁶⁶ Революционная Россия. 1905. № 73. 15 авг. С. 24.

⁶⁷ Ростоцкая Н. Потемкинские дни в Одессе. СПб., 1906. С. 25—26.

⁶⁸ Революционная Россия. 1905. № 73. 15 авг. С. 23; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 203—204; Пролетарий. 1905. № 9. 3 июля (20 июня). С. 9—10; ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1, д. 14673.

⁶⁹ Исторический архив. 1955. № 3. С. 122; Ростоцкая Н. Указ. соч. С. 29.

⁷⁰ Лычев И. А. Потемкинцы. М., 1965. С. 89—90; Перелыгин К. Указ. соч. С. 241; Известия. 1975. 13 марта (восп. Я. В. Склярова); Старцев-Шишкарёв И. И. Восстание на броненосце «Потемкин» // Пути революции (Харьков). 1925. № 1. С. 12; Кирилл. Указ. соч. С. 144—145; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 98; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 16 об.

⁷¹ Былое. 1907. № 2. С. 129—131; Матюшенко А. Матросы Черного моря: Правда о «Потемкине» // Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 301.

⁷² Орлов К. Отрывок из воспоминаний // Там же. С. 323; Бакинский рабочий. 1955. 21 июня.

⁷³ Маевский Е. 1905 год: Очерк революционного движения. М.; Пг., 1917. С. 44; Камшицкий В. 1905 г. в Севастополе: Восстание на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков». Симферополь, 1925. С. 43; Платонов А. П. Восстания в Черноморском флоте в 1905 году в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе. Л., 1925. С. 67—68; Гришин П. П. Указ. соч. С. 32; Питерский А. 35-летие восстания на

броненосце «Потемкин» // Флот нашей Родины. М.; Л., 1940. С. 136; *Питерский А.* Восстание на броненосце «Потемкин» // Московский пропагандист. 1955. № 6. С. 67; *Герасимов А.* Красный броненосец. Л., 1925. С. 45.

⁷⁴ *Авдеев Н.* Восстание на броненосце «Потемкин» // 1905 год: История революционного движения в отдельных очерках. Т. 2. М.; Л., 1925. С. 207; *Федоров А. В.* Революционные восстания в Черноморском флоте в 1905 году. Л., 1946. С. 53—55; *Заднепровский Н., Соколов Н.* Афанасий Матюшенко. Харьков, 1958. С. 26.

⁷⁵ *Норицын Д.* Революция на море. М.; Л., 1925. С. 16; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. С. 129; *Мельников Р. М.* Указ. соч. С. 156; *Столяренко М. А.* Указ. соч. С. 79—80; *Томилов С. А.* Броненосец «Потемкин»: Очерк. Одесса, 1975. С. 47—48.

⁷⁶ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 94—95; *Кирилл.* Указ. соч. С. 139, 140; Русское слово, 1905. 25 июня; Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 83.

⁷⁷ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 96—98.

⁷⁸ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 264.

⁷⁹ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 301.

⁸⁰ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 84; Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 113; Красный флот. 1940. 27 июня.

⁸¹ Исторический архив. 1955. № 3. С. 110—111.

⁸² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 39.

⁸³ Былое. 1907. № 2. С. 130; *Кирилл.* Указ. соч. С. 144—146, 148.

⁸⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 39—40, 68; д. 18, л. 164—164 об.; *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 301; *Перельгин К.* Указ. соч. С. 241; Красный флот. 1940. 27 июня.

⁸⁵ Русское слово. 1905. 24 июня.

⁸⁶ *Кирилл.* Указ. соч. С. 150—153; Бакинский рабочий. 1955. 21 июня.

⁸⁷ 1905 год. Армия в первой революции. С. 200.

⁸⁸ Пролетарий. 1905. № 9. 3 июля (20 июня). С. 12.

⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 170 об.—171.

⁹⁰ Вестник Юга. 1905. 24 (7) июля.

⁹¹ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 362.

⁹² Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 85.

⁹³ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 104—105.

Глава III (с. 86—124)

¹ *Волгин М. Л.* В тылу красного броненосца: Воспоминания участника // Царский флот под красным стягом: Док. и воспоминания об участии матросов в революционном движении / Под ред. В. А. Плескова и Н. Ф. Чужака. М., 1931. С. 20, 23.

² Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 235; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 106; ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 37; ЦМР, ГИК, № 23119/6, л. 15.

³ *Кардашев Ю. П.* Новые сведения о восстании на броненосце «Потемкин» // Вопросы истории КПСС. 1965. № 11. С. 57; Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2. Ч. I. Киев, 1955. С. 381; *Попомарев И. И.* Герои «Потемкина». М., 1956. С. 134; Несостоявшиеся

казнь. Подг. Ю. П. Кардашев//Советские архивы. 1970. № 5. С. 64—67.

⁴ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг.: Сб. док. и матер. Симферополь, 1955. С. 65—66.

⁵ Вопросы истории КПСС. 1965. № 11. С. 58.

⁶ Правительственный вестник. 1905. 18 июня.

⁷ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. Харьков, 1925. С. 160.

⁸ ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, 1905 г., оп. 233, д. 790, ч. 2, л. 2—3.

⁹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 3023, л. 111; ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 23.

¹⁰ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 160; Исторический архив. 1955. № 3. С. 113.

¹¹ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 236; ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 42.

¹² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 90, 95, 105.

¹³ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 235.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 96; *Безбах Н. У царський флоті*. Харків, 1932. С. 18—19.

¹⁵ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 62; д. 28, л. 23.

¹⁶ Днепровская правда, 1955. 26 июня; *Волгин М. Л.* Указ. соч. С. 22.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 37.

¹⁸ *Волгин М. Л.* Указ. соч. С. 19—20, 24.

¹⁹ ЦВММ, р. 35890, л. 120.

²⁰ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 160—161; ЦВММ, р. 35909, л. 2 об.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 20; Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 85.

²² ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 21; ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 182.

²³ Там же, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 20 об.; *Кирилл*. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С. 158—160.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 6; Былое. 1907. № 2. С. 134; ЦМР, ГИК, № 12413/60.

²⁵ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 108, 109; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 172 об.—173.

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 183.

²⁷ Там же, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 21, 24—25.

²⁸ *Лычев И. А.* Потемкинцы. С. 87. *Федоров А. В.* Революционные восстания в Черноморском флоте в 1905 году. Л., 1946. С. 79; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 183; *Платонов А. П.* Восстание в Черноморском флоте в 1905 году в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе. С. 156, прил.

²⁹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 183, 190, 212.

³⁰ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 236.

³¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 208.

³² Там же, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 190, 191, 212; ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 22.

³³ ЦМР, ГИК, № 12413/60, л. 5 об.—6; *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 111; *Царев А. Ф.* Воспоминания о жизни в Румынии//Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. М., 1956. С. 108.

³⁴ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 111.

³⁵ Былое. 1907. № 2. С. 135—136.

³⁶ *Кирилл*. Указ. соч. С. 168.

- ³⁷ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 22, 23 об.—24; ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 212—213; ЦВММ, р. 35890, л. 120; Платонов А. П. Указ. соч. С. 161, прил.
- ³⁸ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 249.
- ³⁹ Былое. 1907. № 2. С. 138.
- ⁴⁰ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 22, 24—25; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 236.
- ⁴¹ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 48; ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 47, 51.
- ⁴² Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 161.
- ⁴³ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 23—25.
- ⁴⁴ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 162.
- ⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 123—124, 192, 213; ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 48; д. 33044, л. 24.
- ⁴⁶ Там же, ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 48.
- ⁴⁷ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 163.
- ⁴⁸ Былое. 1907. № 3. С. 139; *Перельгин К.* Указ. соч. С. 243—244; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 192, 213.
- ⁴⁹ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 162.
- ⁵⁰ *Перельгин К.* Указ. соч. С. 244; *Волгин М. Л.* Указ. соч. С. 28—29; *Орлов К.* Указ. соч. С. 324; ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 23.
- ⁵¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 192, 213; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 237.
- ⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 336—337.
- ⁵³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 27 об.—29 об., 106, 109—109 об.; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 238, 244—262.
- ⁵⁴ Социал-демократ. 1905. № 16. 14 окт. С. 10.
- ⁵⁵ Былое. 1907. № 3. С. 48.
- ⁵⁶ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 237.
- ⁵⁷ *Безбах Н.* Указ. соч. С. 21.
- ⁵⁸ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 244, 246—259.
- ⁵⁹ Там же. С. 244, 251; *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 118; *Мельников Р. М.* Броненосец «Потемкин». Л., 1980. С. 164.
- ⁶⁰ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 237, 245; *Безбах Н.* Указ. соч. С. 22; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 28, л. 34 об.
- ⁶¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 28, л. 23; д. 27, л. 203, 194, 37; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 251.
- ⁶² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 47—47 об.; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 247.
- ⁶³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 32, 63—64, 137—138.
- ⁶⁴ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 116—117; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 237; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 195 об.
- ⁶⁵ *Кирилл.* Указ. соч. С. 175—176; ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 49.
- ⁶⁶ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 208 об.; д. 27, л. 64—65, 138; *Кирилл.* Указ. соч. С. 174—176; Крымская правда. 1955. 26 июня.
- ⁶⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 65; ф. 870, оп. 1, д. 33017, л. 49; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 238.
- ⁶⁸ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 104—105.
- ⁶⁹ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 119; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 237.
- ⁷⁰ *Кирилл.* Указ. соч. С. 179.
- ⁷¹ *Безбах Н.* Указ. соч. С. 25; Красный архив. 1925. Т. 4 б. С. 241, 247—251; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 60.

- ⁷² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 66.
- ⁷³ Былое. 1907. № 2. С. 141.
- ⁷⁴ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 62.
- ⁷⁵ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 193, 213; ф. 407, оп. 1, д. 3652, л. 12 об.; *Платонов А. П.* Указ. соч. С. 162, прил.
- ⁷⁶ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 23—24; Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 386; *Кирилл.* Указ. соч. С. 183.
- ⁷⁷ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33043, л. 24 об., 25; ф. 407, оп. 1, д. 166, л. 12.
- ⁷⁸ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 93, 96.
- ⁷⁹ Там же. С. 85, 96; Правительственный вестник. 1905. 19 июня; Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 353.
- ⁸⁰ ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1, д. 30027; Одесский листок. 1905. 22 июня; Одесские новости. 1905. 7 июля.
- ⁸¹ Наша жизнь (СПб.). 1905. 18 июня (1 июля).
- ⁸² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 177 об.; *Кирилл.* Указ. соч. С. 184; *Безбах Н.* Указ. соч. С. 26.
- ⁸³ *Безбах Н.* Указ. соч. С. 25—26.
- ⁸⁴ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 124; Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 241—242.
- ⁸⁵ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 122—123.
- ⁸⁶ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 38.
- ⁸⁷ *Безбах Н.* Указ. соч. С. 25.
- ⁸⁸ *Кирилл.* Указ. соч. С. 190; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 38; Былое. 1907. № 3. С. 52.
- ⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 38.
- ⁹⁰ *Кирилл.* Указ. соч. С. 191.
- ⁹¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 28, л. 10, 16, 17.
- ⁹² *Кирилл.* Указ. соч. С. 192.
- ⁹³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 38.
- ⁹⁴ Там же, л. 33, 38, 70.
- ⁹⁵ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 87.
- ⁹⁶ *Кирилл.* Указ. соч. С. 195.
- ⁹⁷ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 87.
- ⁹⁸ *Кирилл.* Указ. соч. С. 195—196.
- ⁹⁹ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 130—132.
- ¹⁰⁰ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 96 об.; д. 27, л. 33, 35, 38, 70; *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 134.
- ¹⁰¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 180, 70, 147 об.
- ¹⁰² Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 151—152.
- ¹⁰³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 38, 34.
- ¹⁰⁴ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 151; *Кирилл.* Указ. соч. С. 196—197.
- ¹⁰⁵ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 153.
- ¹⁰⁶ *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 135; *Мельников Р. М.* Указ. соч. С. 167; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 38; д. 28, л. 11.
- ¹⁰⁷ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 28, л. 5, 11; д. 27, л. 34.
- ¹⁰⁸ Там же, д. 18, л. 96 об.
- ¹⁰⁹ Там же, д. 27, л. 38, 34, 212; ЦМР, ГИК, № 12334/56—59.
- ¹¹⁰ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 116; *Бакинский рабочий.* 1955. 21 июня.
- ¹¹¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 27, л. 34; Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 116, 121.
- ¹¹² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 96 об.; д. 27, л. 34; *Фельд-*

ман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 137—139.

¹¹³ Безбат Н. Указ. соч. С. 27; Токарев С. П. Указ. соч. // Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 64; 1905. Армия в первой революции. С. 207.

¹¹⁴ Красный архив. 1935. Т. 2—3. С. 87—88; Платонов А. П. Указ. соч. С. 100.

¹¹⁵ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 246; Пролетарий. 1905. № 9. 3 июля (20 июня). С. 12.

¹¹⁶ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 17, л. 41, 44, 26.

¹¹⁷ Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. М., 1955. С. 47—48.

¹¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 20.

Глава IV (с. 125—163)

¹ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 19 об.

² Кирилл. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1907. С. 216—217.

³ Там же. С. 217—218; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 20 об.; Потемкинские дни 1905 года на Черном море: Сб. матер. и док. Харьков, 1925. С. 95.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 348.

⁵ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 95—96; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 153; Кирилл. Указ. соч. С. 238, 221; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 21; д. 132, л. 2.

⁶ Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 138.

⁷ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг.: Воспоминания и письма. М., 1956. С. 20—21.

⁸ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 240—241 об.

⁹ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 21; Матюшенко А. Матросы Черного моря: Правда о «Потемкине» // Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 310.

¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 242; Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 22.

¹¹ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 22.

¹² Там же. С. 22—23.

¹³ Кирилл. Указ. соч. С. 228—229; Стеклов А. П. Революционное движение в войсках Кавказского военного округа // Революционное движение в армии в годы первой русской революции. М., 1955. С. 381; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 152; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 20 об.

¹⁴ Кирилл. Указ. соч. С. 231.

¹⁵ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 23.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 348.

¹⁷ Сын Отечества. 1905. 21 июня.

¹⁸ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 196.

¹⁹ Там же. С. 195—196.

²⁰ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 24; Красный флот. 1940. 27 июня; Знамя коммунизма. 1955. 22 июня; Коваленко А. Одиннадцать дней на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» // Былое. 1907. № 3. С. 66—67; Фельдман К. И. Броненосец «Потемкин». С. 154.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26486, л. 64; Революция 1905 года:

Материалы и официальные документы. Харьков, 1925. С. 147.

²² ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 100.

²³ Былое. 1918. № 12 (5). С. 146.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 120.

²⁵ Там же, ф. 417, оп. 1, д. 26486, л. 208.

²⁶ Там же, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 145—146, 156; Революция 1905—1907 гг. на Украине. Киев, 1955. Т. 2. Ч. I. С. 384.

²⁷ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 265; *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 310.

²⁸ Крымская правда. 1955. 26 июня.

²⁹ *Кирилл.* Указ. соч. С. 240—241; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 89 об.—90; Новое время. 1905. 4 июля.

³⁰ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 266; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 90—90 об.; Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг.: Сб. док. и матер. Симферополь, 1955. С. 82.

³¹ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 266; Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. С. 82.

³² *Кирилл.* Указ. соч. С. 249.

³³ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. С. 83; Южный курьер. 1905. 21 июня; Русское слово. 1905. 24 июня; Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 267.

³⁴ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. С. 82; *Кирилл.* Указ. соч. С. 254—257.

³⁵ *Кирилл.* Указ. соч. С. 260—261.

³⁶ ЦМР, ГИК, № 30803.

³⁷ Вечерняя Москва. 1955. 25 июня.

³⁸ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 311; *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 160; Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 268.

³⁹ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 311—312.

⁴⁰ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 19, л. 45—46; *Фельдман К. И.* Броненосец «Потемкин». С. 162, 184.

⁴¹ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. С. 83.

⁴² *Кирилл.* Указ. соч. С. 273.

⁴³ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. С. 83; *Перельгин К.* К событию на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический»//Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 251.

⁴⁴ *Перельгин К.* Указ. соч. С. 251.

⁴⁵ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 313.

⁴⁶ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 19, 24; *Ольховский П. Н.* Воспоминания//Там же. С. 102.

⁴⁷ *Матюшенко А.* Указ. соч. С. 313—314.

⁴⁸ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 243.

⁴⁹ *Лакий Е. Г.* Из воспоминаний//Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 55; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 20, л. 41.

⁵⁰ *Коницев К.* Потемкинец//Дальний Восток. 1955. № 3. С. 169 (восп. И. Т. Чубука).

⁵¹ *Шестидесятый И. П.* Из воспоминаний//Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 77.

⁵² *Коваленко А.* Одиннадцать дней на броненосце «Князь По-

темкин-Таврический» // *Былое*. 1907. № 3. С. 63.

⁵³ Уланский И. Е. Севастопольский пожар // *Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг.* С. 424—426.

⁵⁴ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. Док. и матер. М., 1957. С. 93; *Назаренко Н. Т.* Волнение и его причины в Севастопольской крепостной саперной роте в ноябре 1905 года // *Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг.* С. 231.

⁵⁵ Уланский И. Е. Указ. соч. С. 425—426.

⁵⁶ Исторический архив. 1955. № 3. С. 113—114; *Революция 1905—1907 гг. на Украине*. Т. 2. Ч. I. С. 373, 384.

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 56; ф. 417, оп. 1, д. 26486, л. 240; д. 3023, л. 64.

⁵⁸ Там же, ф. 417, д. 4178, л. 72; д. 3023, л. 79; *Революция 1905—1907 гг. на Украине*. Т. 2. Ч. I. С. 379.

⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 347.

⁶⁰ *Близнюк А. М.* Рейс «Стремительного» // *Вопросы истории*. 1975. № 6. С. 212—214.

⁶¹ *Платонов А. П.* Восстание в Черноморском флоте в 1905 году в июне в Одессе и в ноябре в Севастополе. С. 120.

⁶² ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26486, л. 461—462.

⁶³ *Атамасов И. И.* Вместе с потемкинцами // *Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг.* М., 1955. С. 368—369; *Революция 1905—1907 гг. на Украине*. Т. 2. Ч. I. С. 215, 222, 226, 228, 231, 369.

⁶⁴ *Атамасов И. И.* Указ. соч. С. 369.

⁶⁵ Там же. С. 369—370.

⁶⁶ Исторический архив. 1955. № 3. С. 127—128.

⁶⁷ *Атамасов И. И.* Указ. соч. С. 370—371; *Петров А. М.* Письмо к защитнику Г. Купернику // *Пролетарская революция*. 1925. № 12. С. 94—95.

⁶⁸ *Атамасов И. И.* Указ. соч. С. 371—372; *Петров А. М.* Указ. соч. С. 95; ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 23, л. 36.

⁶⁹ ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 33328, л. 32—33; *Атамасов И. И.* Указ. соч. С. 372—373; ЦГАВМФ, ф. 1025, доп. оп., д. 23, л. 51.

⁷⁰ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 166, л. 46; *Пролетарий*. 1905. № 23. 31(18) окт. С. 10; *Петров А. М.* Указ. соч. С. 91; ЦГАВМФ, ф. 1025, доп. оп., д. 23, л. 336.

⁷¹ *Пролетарий*. 1905. № 23. 31(18) окт. С. 10.

⁷² ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 18, л. 181 об.

⁷³ Там же, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 62.

⁷⁴ Там же, ф. 1025, доп. оп., д. 23, л. 51, 62; *Потороко М. Д.* Матрос с мятежного корабля. Алма-Ата, 1967. С. 36.

⁷⁵ *Атамасов И. И.* Указ. соч. С. 375—377; Исторический архив. 1955. № 3. С. 130.

⁷⁶ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 361—362.

⁷⁷ Там же. С. 362, 364.

⁷⁸ *Революция 1905—1907 гг. на Украине*. Т. 2. Ч. I. С. 382; Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. С. 63—64.

⁷⁹ Уланский И. Е. Указ. соч. // *Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг.* С. 426; *Пролетарий*. 1905. № 26. 25(12) нояб. С. 17; ЦВММ, р. 34620, л. 21.

⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 90.

⁸¹ Там же, ф. 1025, оп. 2, д. 1, л. 21.

- ⁸² Цит. по: *Полянский Н. Н.* Царские суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958. С. 66.
- ⁸³ ЦГАВМФ, ф. 1025, оп. 2, д. 33, л. 7—8; *Затарченко И. Г.* С крейсера на баррикады//Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. С. 386.
- ⁸⁴ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 359.
- ⁸⁵ ЦГАВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 26486, л. 206.
- ⁸⁶ *Наша жизнь.* 1905. 25 июня.
- ⁸⁷ Революционное движение в Таврической губернии в 1905—1907 гг. С. 79; ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 136.
- ⁸⁸ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. С. 64—67.
- ⁸⁹ ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 6, д. 428, л. 163—164.
- ⁹⁰ *Платонов А. П.* Указ. соч. С. 212, прил.; Революция 1905—1907 гг. на Украине. Т. 2. Ч. I. С. 384.
- ⁹¹ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». С. 365.
- ⁹² *Известия.* 1935. 27 июня.
- ⁹³ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. С. 68—69.
- ⁹⁴ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 25.
- ⁹⁵ *Мельников Р. М.* Броненосец «Потемкин». Л., 1980. С. 182.
- ⁹⁶ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 25; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 346.
- ⁹⁷ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 25.
- ⁹⁸ *Пономарев И. И.* В поисках героев-моряков: Записки журналиста. Краснодар, 1968. С. 93.
- ⁹⁹ *Мельников Р. М.* Указ. соч. С. 182—183.
- ¹⁰⁰ ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 166, л. 46.
- ¹⁰¹ Там же, ф. 1025, оп. 2, д. 26, л. 87.
- ¹⁰² *Полянский Н. Н.* Указ. соч. С. 181; ЦГАВМФ, ф. 407, оп. 1, д. 166, л. 47—48.
- ¹⁰³ *Пролетарий.* 1905. № 23. 31(18) окт. С. 12—13; Там же. № 19. 3 окт. (20 сент.). С. 11.
- ¹⁰⁴ *Полянский Н. Н.* Указ. соч. С. 70.
- ¹⁰⁵ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. С. 111, 112.
- ¹⁰⁶ Потемкинские дни 1905 года на Черном море. С. 126—138; ЦВММ, р. В-55115.
- ¹⁰⁷ *Пономарев И. И.* Герои «Потемкина». М., 1956. С. 179.
- ¹⁰⁸ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года. С. 512.
- ¹⁰⁹ *Пономарев И. И.* В поисках героев-моряков. С. 162—164; ЦГАОР, ф. ДП 00, 1905 г., д. 1667, ч. 1, л. 109а—109в об.; Красный архив. 1925. Т. 1. С. 253.
- ¹¹⁰ ЦГАВМФ, ф. 2, оп. 1, д. 142, л. 3 об.—4; ЦГАОР, ф. ДП 00, 1905 г., д. 2540, т. 7, ч. 1, л. 73.
- ¹¹¹ ЦГВИА, ф. 801, оп. 4, д. 81, л. 45, 64; Красный архив. 1926. Т. 4. С. 223—225.
- ¹¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 351.
- ¹¹³ *Корабль-скиталец//Пролетарий.* 1905. № 10. 2 авг. (20 июля). С. 6.
- ¹¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 135.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 335—337.
- ² Там же. С. 337.
- ³ Кардашев Ю. Попытка образования ядра революционной армии...: В. И. Ленин и восстание на броненосце «Потемкин»//Морской сборник. 1980. № 6. С. 61.
- ⁴ Революция 1905—1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Док. и матер. Куйбышев, 1955. С. 96.
- ⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 328—331; Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М. 1972. С. 101—102; Кардашев Ю. П. Указ. соч. С. 65.
- ⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 337.
- ⁷ Там же. Т. 13. С. 373, 374.
- ⁸ Там же. Т. 10. С. 348.
- ⁹ Там же. Т. 11. С. 236.
- ¹⁰ Там же. С. 136.
- ¹¹ Социал-демократ. 1905. № 9. 7 июля. С. 1; № 8. 24 июня. С. 2—3; № 9. 7 июля. С. 15.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 141.
- ¹³ Социал-демократ. 1905. № 9. 7 июля. С. 2—3.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 172.
- ¹⁵ Плеханов Г. В. Дневник социал-демократа. Б.м., 1905. № 2. С. 52; № 7. С. 13.
- ¹⁶ Кардашев Ю. Указ. соч. С. 63; Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. Ч. 1. М., 1956. С. 92—94, 116—123, 256—258, 303—304, 330—332, 786—787, 800—801; Ч. 2. С. 98—100, 166—169, 512—515.
- ¹⁷ Листовки большевистских организаций в первой русской революции... Ч. 1. С. 586—587, 692—694, 849—850, 874—876; Ч. 2. С. 317—318, 445—447, 492—496; Листовки Кавказского союза РСДРП. 1903—1905 гг. М., 1955. С. 362—364; ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1, д. 11226, 12169, 12556, 27052, 30577.
- ¹⁸ Листовки большевистских организаций в первой русской революции... Ч. 1. С. 336—340, 789, 790, 616, 617, 735—739.
- ¹⁹ Там же. С. 341—342; ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1, д. 30390.
- ²⁰ Листовки большевистских организаций в первой русской революции. Ч. 1. С. 132; Ч. 2. С. 129—131, 552—555.
- ²¹ Пролетарий. 1905. № 8. 17 июля (4 июня); № 11, 9 авг. (27 июля).
- ²² Ульяновский В. Мятеж гренадер/ В царской казарме: Солдаты и матросы в первой революции. М., 1929. С. 98.
- ²³ Фабричный П. Из казармы — на каторгу/ Там же. С. 150.
- ²⁴ Сын Отечества. 1905. 2 июля.
- ²⁵ Революционная Россия. 1905. № 72. 1 авг. С. 20; № 74. 1 сент. С. 18; Стеклов А. П. Революционное движение в войсках Кавказского военного округа//Революционное движение в армии в годы первой русской революции: Сб. статей/Под ред. В. И. Коновалова. М., 1955. С. 381; Владивосток: Сб. историч. док. Владивосток, 1960. С. 75.
- ²⁶ Пролетарий. 1905. № 8. 17(4) июля. С. 8, 9.
- ²⁷ Никифоров П. Муравьи революции: Биографическая повесть//Красная новь. 1929. № 11. С. 159.
- ²⁸ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года: Док. и матер. М., 1957. С. 344, 345, 385; Черноморская здравница.

1970. 27 июня; Красное знамя (Харьков). 1955. 23 июня; Пономарев И. И. Герои «Потемкина». М., 1956. С. 211.

²⁹ Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964. С. 160; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 33.

³⁰ Революционная Россия. 1905. № 70. 1 июля. С. 13; № 72. 1 авг. С. 27.

³¹ Русское слово. 1905. 18 июня; Сын Отечества. 1905. 22 июня.

³² Вечерняя почта. 1905. 14 июля; Русские ведомости. 1905. 24 июня; Наша жизнь. 1905. 22 июня.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 149, 156.

³⁴ Наша жизнь. 1905. 22 июня; Русские ведомости. 1905. 25 июня.

³⁵ Из дневника Константина Романова / /Красный архив. 1931. Т. 1. С. 133; Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. 1984— октябрь 1905. Царствование Николая II. М., 1960. С. 554.

³⁶ Красный архив. 1926. Т. 4. С. 214.

³⁷ Новое время. 1905. 18 июля; 8 июля.

³⁸ Родная речь. 1905. 24 июля; 10 июля; 4 дек.; ЦГАОР, ф. 1741, оп. 1, д. 13359, 13360.

³⁹ Правительственный вестник. 1905. 1 июля; 5 авг.

⁴⁰ Кораблев Ю. И. Революционное движение в войсках Петербургского военного округа / /Революционное движение в армии в годы первой русской революции. С. 117.

⁴¹ Пролетарий. 1905. № 12. 16 (3) авг. С. 15, 16.

⁴² Кон Ф. За пятьдесят лет. Т. 3—4. М., 1936. С. 261; Пролетарий. 1905. № 18. 26 (13) сент. С. 16; № 21. 17 (4) окт. С. 23; Социал-демократ. 1905. № 12. 18 авг. С. 7.

⁴³ Пролетарий. 1905. № 12. 16 (3) авг. С. 17—18; Революционная Россия. 1905. № 74. 1 сент. С. 18; Социал-демократ. 1905. № 16. 14 окт. С. 8.

⁴⁴ Портной Ю. Л. К июньскому восстанию 1905 г. в Черноморском флоте / /Одесский гос. ун-т. Труды ист. ф-та. Т. 1. Одесса, 1939. С. 59—63; Наша жизнь. 1905. 25 июня; Новое время. 1905. 12 июля.

⁴⁵ Знамя коммунизма (Одесса). 1973. 19 окт.

⁴⁶ Струмилин С. Г. Из пережитого. М., 1957. С. 197.

⁴⁷ Революция 1905—1907 гг. на Украине. Киев, 1955. Т. 2. Ч. I. С. 316—317.

⁴⁸ Суриков В. П. Революционное движение солдат и матросов в Латвии / /Революционное движение в армии в годы первой русской революции. С. 275.

⁴⁹ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 197; Сын Отечества. 1905. 24 июня; Иллюстрированные биржевые ведомости. 1905. 26 июня.

⁵⁰ Цит. по: Спиваковский Е. И. Подъем революционного движения в Румынии в начале XX века. М., 1958. С. 66.

⁵¹ Спиваковский Е. И. Материалы о революционной деятельности потемкинцев / /Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. С. 30.

⁵² Там же. С. 31.

⁵³ Рети Л. Значение первой русской революции в формировании левого крыла Венгерской социал-демократической партии / /50 лет первой русской революции: Материалы научной сессии ИМЛ при ЦК КПСС. М., 1956. С. 191—192.

⁵⁴ Вестник Юга. 1905. 9 июля.

⁵⁵ Бельский А. Б. Мятельный броненосец. М., 1973.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 337; Т. 19. С. 367.
- ² Там же. Т. 3. С. 13.
- ³ Пролетарий. 1905. № 23. 31 (18) окт. С. 14.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 403; Т. 9. С. 406.
- ⁵ Искра. 1905. № 105. 15 июля. С. 5.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 314.
- ⁷ Там же. Т. 17. С. 360; Т. 10. С. 337.
- ⁸ Большевикское знамя (Одесса). 1940. 29 июня.
- ⁹ Волга (Астрахань). 1955. 27 июня.
- ¹⁰ Красный архив. 1925. Т. 1. С. 251.
- ¹¹ Старцев И. И. Мои воспоминания о восстании на броненосце «Потемкин» / Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. / Под ред. И. М. Богачева. М., 1956. С. 52.
- ¹² Советский моряк. 1955. № 11. С. 4.
- ¹³ Цит. по: Кардашев Ю. П. Борьба самодержавия с революционной деятельностью потемкинцев в эмиграции / История СССР. 1975. № 1. С. 146.
- ¹⁴ Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года: Док. и матер. М., 1957. С. 99.
- ¹⁵ ЦГАОР, ф. 102, ДП 00, 1905 г., оп. 233, д. 1667, ч. 1, л. 65 об.
- ¹⁶ Пономарев И. И. В поисках героев-моряков. Записки журналиста. Краснодар, 1968. С. 164—165.
- ¹⁷ Кардашев Ю. П. Указ. соч. С. 151; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 663—664.
- ¹⁸ Пономарев И. И. Указ. соч. С. 172.
- ¹⁹ Кардашев Ю. П. Указ. соч. С. 148.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Лычев И. А. Потемкинцы. С. 169—170.
- ²² Пономарев И. И. Герои «Потемкина». М., 1956. С. 194—197, 210—211; Запорожская правда. 1955. 26 июня.
- ²³ Ленинградская правда. 1955. 7 апр.; Пономарев И. И. В поисках героев-моряков. С. 195, 176.
- ²⁴ Пономарев И. И. В поисках героев-моряков. С. 179—183.
- ²⁵ Столяренко М. А. Непобежденная территория революции: Восстание на броненосце «Потемкин». С. 113.
- ²⁶ Краеведческие записки. Вып. IV. Куйбышев, 1976. С. 97—98.
- ²⁷ Пономарев И. И. Герои «Потемкина». С. 208, 214; Коммунист Таджикистана. 1955. 26 июня; Самойленко Н. Потемкинцы // Неделя. 1980. № 23 (1055). 2—8 июня. С. 4.
- ²⁸ Лычев И. А. Потемкинцы. С. 3—4, 186—188.
- ²⁹ Пономарев И. И. В поисках героев-моряков. С. 199—201.
- ³⁰ Заря Востока. 1946. 12 окт.; Известия. 1975. 13 марта.
- ³¹ Ленинградская правда. 1955. 7 апр.
- ³² Пономарев И. И. В поисках героев-моряков. С. 32—33.
- ³³ Красная Звезда. 1976. 22 окт.
- ³⁴ Цит. по: Шацлло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968. С. 183.
- ³⁵ Новое время. 1905. 2 июля.
- ³⁶ Фельдман К. Красный флот: Черноморский флот и революция (1905—1917 гг.). Пг., 1917. С. 25—26.
- ³⁷ Огонек. 1968. № 51. С. 18.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 84; Т. 22. С. 3, 4.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Первая революция в России и начало восстания на «Потемкине»	12
Глава II. Броненосец «Потемкин» и революционная Одесса	55
Глава III. «Немой бой»	86
Глава IV. Последние попытки	125
Глава V. Значение восстания на «Потемкине» для развития революции	164
Заключение	181
Приложения	199
Источники и литература	205

Борис Иванович Гаврилов

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Заведующий редакцией *В. С. Антонов*

Редактор *Т. В. Мальчикова*

Младший редактор *Ю. В. Сокортова*

Оформление художника *В. П. Григорьева*

Художественный редактор *И. А. Дутов*

Технический редактор *Т. В. Лячина*

Корректор *Э. Н. Смирнова*

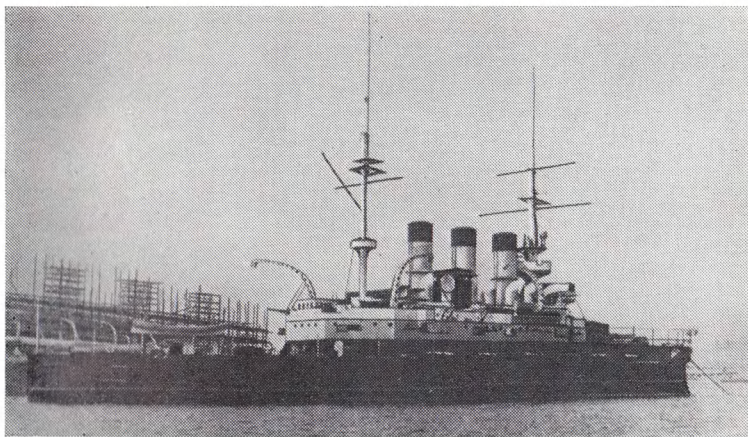
ИБ № 3253

Сдано в набор 16.09.86. Подписано в печать 18.03.87. А 11155. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура Бодони. Печать высокая. Усл. печатных листов 13,44 с вкл. Усл. кр.-отт. 13,44 Учетно-издательских листов 14,61. Тираж 50 000 экз. Заказ № 945. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

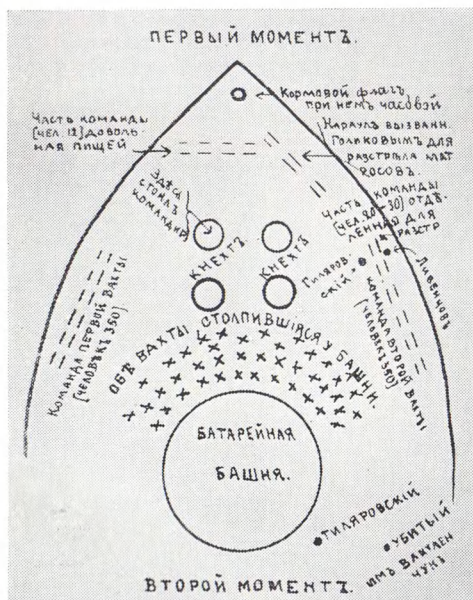
Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валуевская, 28

Отпечатано с готовых диапозитивов в московской типографии № 11 Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105. Москва, Нагатинская, 1

Броненосец «Потемкин» в 1903—1904 гг.

Начало восстания на «Потемкине».
Рисунок А. Н. Матюшенко

Восстание на «Потемкине».
С картины И. А. Владимирова

Григорий Никитич Вакуленчук,
возглавивший большевиков
на «Потемкине»

Афанасий Николаевич
Матюшенко — один из руко-
водителей восстания
на «Потемкине»

Анатолий Петрович Березовский — социал-демократ, один из руководителей восстания на «Потемкине»

Константин Исидорович Фельдман — социал-демократ, один из руководителей восстания на «Потемкине»

Участники восстания на броненосце «Потемкин»

Ермей Григорьевич Лакный

Алексей Федорович Царев

**Александр Николаевич
Заулошнов**

**Михаил Матвеевич
Костенко**

**Илларион Павлович
Шестидесятый**

**Александр Васильевич
Макаров**

**Тимофей Венедиктович
Скребнев**

**Григорий Иосифович
Мартынов**

**Леонтий Иванович
Летучев**

**Иван Иванович Старцев-
Шишкарев**

Степан Бессалав — матрос-большевик с «Потемкина»

**Степан Васильевич
Зубко**

**Адольф Доминикович
Войцеховский, герой
«Варяга», участник восста-
ния на «Потемкине»**

**Иван Спиридонович
Спинов**

**Алексей Спиридонович
Сироткин**

**Тимофей Михайлович
Исаенко**

**Петр Варлаамович
Алексеев**

**Исаак Егорович Уланский,
матрос крейсера «Очаков»,
участник подготовки вос-
стания в Севастополе
18 июня 1905 г.**

**Посетители всей страны, соединитесь!
Косым рабочим и солдатам г. Москвы**

Товарищи! Из газет вы все уже знаете, что Одесса объявлена на военном положении: что царское правительство собирается захватывать там садовую по приятной стране: что в рабочих уже шла стрельба на улицах Одессы; что палатки и горят склады Русского Общ. пар. и торговые компании Нахичеви и Российского Транспортиного Общества. Но что же случится в Одессе? Чем вызвано все это? А вот чем. Нарезные чиновники по обыкновению всегда и всюду грабили и грабят народ и на счет солдат и рабочих набирают себе карьеры. Мы все знаем, что солдаты в Манчжурии голодают от недостатка в припасах благодаря тому, что чиновники царские, саги и родня его, растрачивают собранные с народа деньги. И в Черноморском флоте произошло то же. Неостерпел матросам есть туловое мясо по милости высокопоставленных перлов. И вот почта принесла «жизнь Потемкин» и моряк заявил чертабыранного матроса десурному офицеру о недовольстве матросов и о выстрелах из револьвера, которыми убили выбранного командира. Выдуманный такой расстрел матросов пополнился, как один человек. Они бросили на своих мучителей, которые всегда издевались и измывались над ними, на своих командиров и офицеров, и побросали их в море. Нанесли среди офицеров и поручиков человека, которые стали на сторону матросов и соединились с ними. Поняли и мы, что не избавиться им от мучительства и издевок, пока существует царское правительство, пока народ не восстанет и не завоюет себе прав и свободы. И решили они грудью стать за народное дело. Ночью на мачтах крепостных знамен, брошенных «жизнь Потемкин» и два знамени вошли в Одесский порт. Тут одесские матросы трупа убитого товарища на берег и взошли на гору, ему вставание, что он умер за правду за своих товарищей и братьев. Начальству же заявили, что будут стрельба на мачтах, если оно не встанет на их сторону. Тысячи народа стеклись к трупу. Тысячи народа смотрели на жертву царского произвола и насилия. И вспоминали они, как в Петербурге, Варшаве, Лодзи, Иваново-Вознесенске, на Кавказе по приказу царя убивали и избивали беззащитных рабочих за то, что осмелились они бороться за лучшую долю с капиталистами да с биржевыми спекулянтами. Вспоминали они, как офицеры царские грабят народ и для своей выгоды тысячами убивают солдат на бойню в Манчжурью, Лодзи, и о том, что и сейчас собирают заложников для отправки на ту же бойню, за то, чтобы стрельба, и своих же братьев, рабочих и крестьян, матросов и солдат, которые осмелились хоть слово сказать своим грабителям и мучителям. И донорилось в их сердцах чувство горькой любви и желание мести, желание сбросить с себя иго рабства и насилия. Под влиянием матросов этих военных судов на всех изволах в Одессе рабочие и матросы забастовали, фабрики и заводы остановились, и весь народ поднялся против своих угнетателей. Вызвали были войска. Раздались выстрелы — и кровь, пенных и безоружных рабочих обгарила улицы Одессы. Против флотских вызвали позаружной войска Черноморский флот, против рабочих вызвали войска, и начал из без числа на разных концах России, чтобы убивать братьев и сестер Черноморцы не были однако духом. Они сгорделивы чинам врага и глумились и заправляли орудия против жизни своих угнетателей. Рабочие Одессы тоже встали на защиту своих прав и в защиту обиженных матросов. Запало царское правительство в Русском обществе крупнейшие выдающиеся все великие личности, загорелось общество угнетателей — капиталистов, заведящих всегда в банках — начавшись народное восстание.

Товарищи рабочие! Революция началась. Пора и нам отшутиться пора и нам исходить за свои права, поддержать наших товарищей в Лодзи, Одессе, Иваново-Вознесенске, пора и нам объявить всеобщую стачку и податься с оружием в руках на бой с царскими самодержавцами. Нам не и дальше будем умирать руки в крови наших товарищей?

Товарищи капиталисты! Пошли ли вы на бойню на Дальний Восток бороться с нашими угнетателями? Пошли ли мы проливать кровь наших братьев в Одессе, Лодзи и других городах и деревнях русских? Нет, товарищи, не пошли сажают убиенных и вора! Отказывайтесь же от проклятой и злобной кровопийцы царя и его приспешников, его друзей, капиталистов и помещиков!

Товарищи солдаты! Неужели вы и теперь будете защищать царское правительство и убивать своих братьев и товарищей рабочих, крестьян, солдат и ма? Нет! Видя завтра же на нас повернут ружья и пушки, других солдат, ади-наши ваш выстрел убивает нашу свободу и мучит или плет. Берите правду с наших товарищей с Черноморского флота. Соединитесь с народом и бейте своих врагов: царских саг и офицеров. Уже войска стали переходить на сторону народа. Отказывайтесь же стрелять в народ и поверните ваше оружие против ваших врагов, самодержавного царского правительства. В союз с вами народ не пойдан.

**Долой самодержавие! Да здравствует всеобщая стачка!
Да здравствует народное восстание!**

Да здравствует Учредительное Собрание, избранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов!

Стыжитесь от посягания на свободу и равенство! Отказывайтесь от военной службы! Отказывайтесь стрелять в народ!

Московский Комитет РСДРП

«Ко всем рабочим и солдатам г. Москвы». Листовка Московского комитета РСДРП. Фотокопия. Ленинградский музей Революции

ОТЪ КОМАНДЫ БРОНЕНОСЦА
„КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ“

Просия немедленно всѣхъ казаковъ и армію положить оружіе и соединиться всѣмъ подъ одну крышу на борьбу за свободу, пришла послѣдній часъ нашего страданія, дождь самодержавіе! У насъ уже свобода, мы уже действуемъ самостоятельно, безъ начальства. Начальство истреблено. Если будетъ сопротивленіе противъ насъ, просимъ мирныхъ жителей выбраться изъ города. По сопротивленію городъ будетъ разрушенъ.

Печатано въ типографіи
Одесской группы Р. С. Д. Р. П.

«От команды броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Воззвание к жителям Одессы

**Из дневника Николая II.
Фотокопия**

15th June 1949.[illegible]

Коллекция архивных документов
из Вукопа и т.д., и т.д. и т.д.
прислуживать тому и тому, кому
Политический Комитет Вукопа
хочет, противу правосудия и ослеплен
судом! Убогого Вукопа и т.д.
Вукопа! Вукопа не вернется!

20c Hong Kong

[illegible]

протока транскрипта в Евлампийский
мостъ въ устье, упирающъ въ по-
бережье Ембальскаго залива, омывающъ
Ембальскъ. Вдоль берега протекает
песчаный ил и мелководье, въ котором
иногда затоплены устья и впадины
и моря, образуя каналы. Вдоль берега
расположены низменные, болотистые
земли.

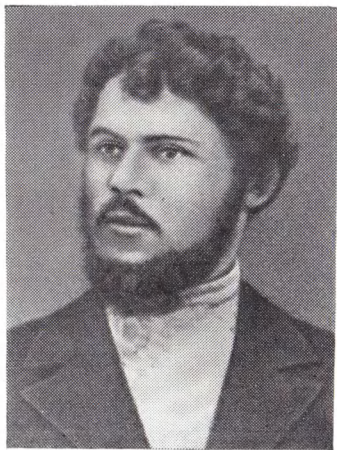

Михаил Иванович Васильев-Южин — революционер-большевик

Лидия Михайловна Кишпович — секретарь Одесского большевистского комитета РСДРП

Иван Тимофеевич Яхновский — матрос-большевик, один из организаторов «Централки»

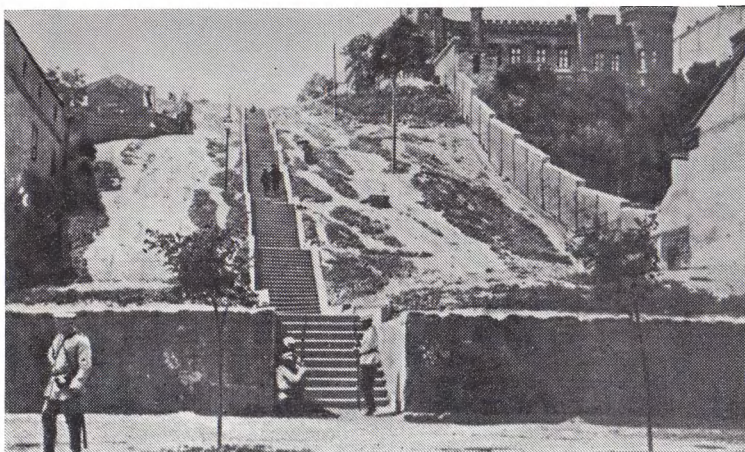
Александр Сидорович Шоповалов — член Одесского большевистского комитета РСДРП

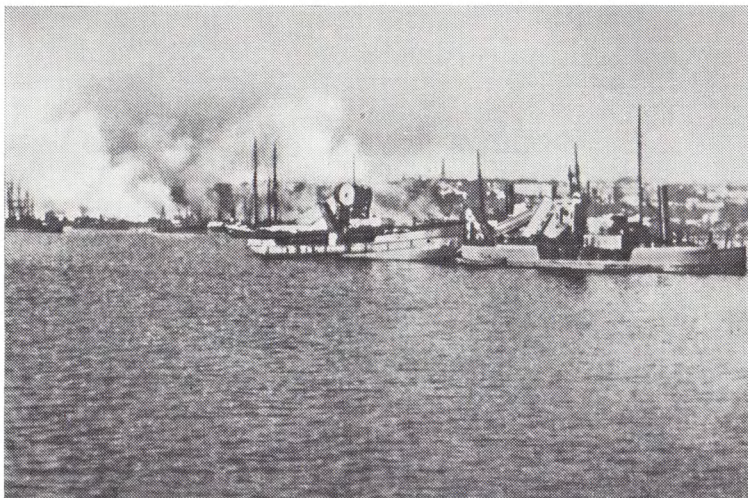

**Соборная площадь в Одессе, охраняемая
копным нарядом городских**

**Охраняемый проход в Александровскую га-
вань в Одессе**

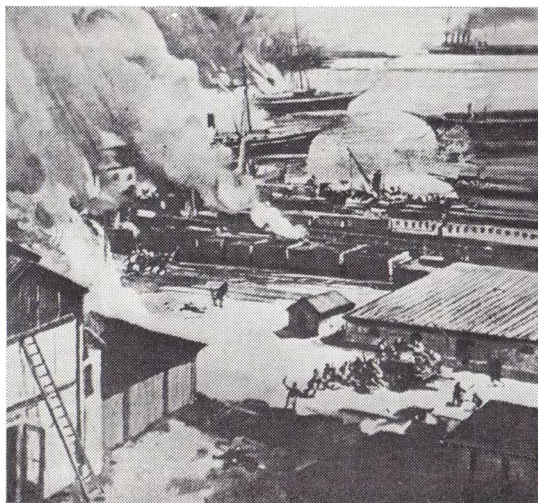

Пожар в Одесском порту. 15 июня 1905 г.
Ленинградский музей Революции

Горят пакгаузы. 15 июня 1905 г.
Ленинградский музей Революции

Жертвы расстрела в Одесском порту

**Правительственные войска, участвовавшие
в подавлении выступления в Одессе,
на Соборной площади**

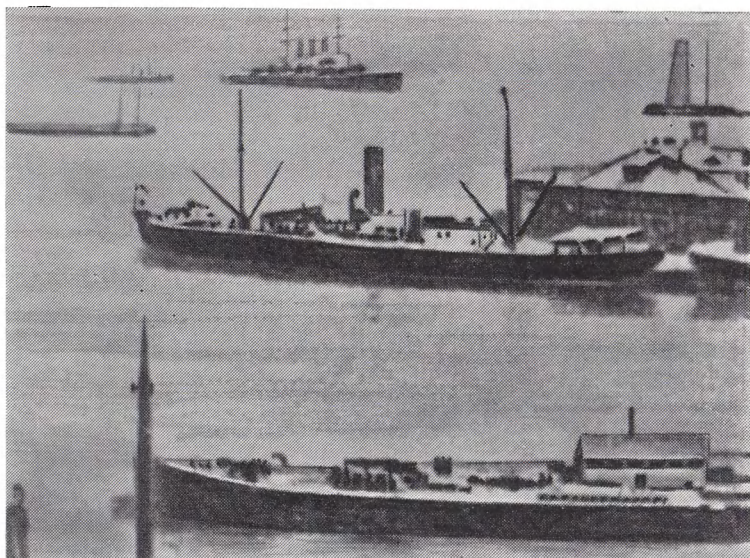

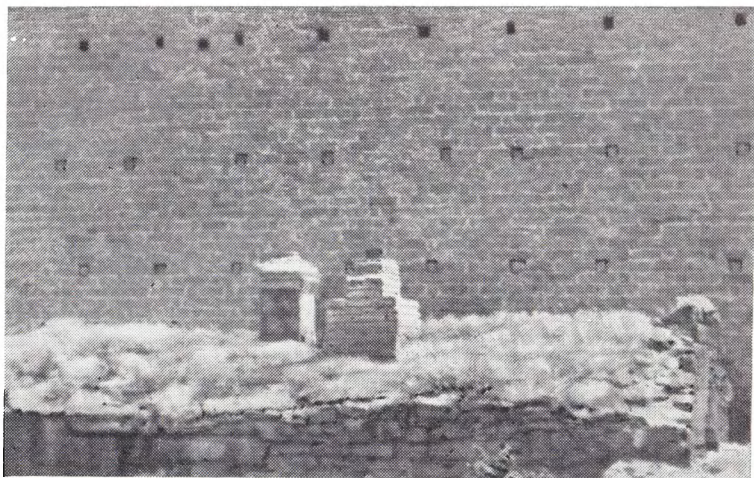

В Одессе у тела Г. И. Вакуленчука.
 Рисунок Г. Баба из французского еженедельника
 «Иллюстрасьон»

Броненосец «Потемкин» и миноноска № 267
 на одесском рейде

**Стена дома Стрепетова на Бугаевке, в который
попал снаряд с «Потемкина».**
Центральный музей Революции СССР

Демонстрация в Одессе 15 июня 1905 г.

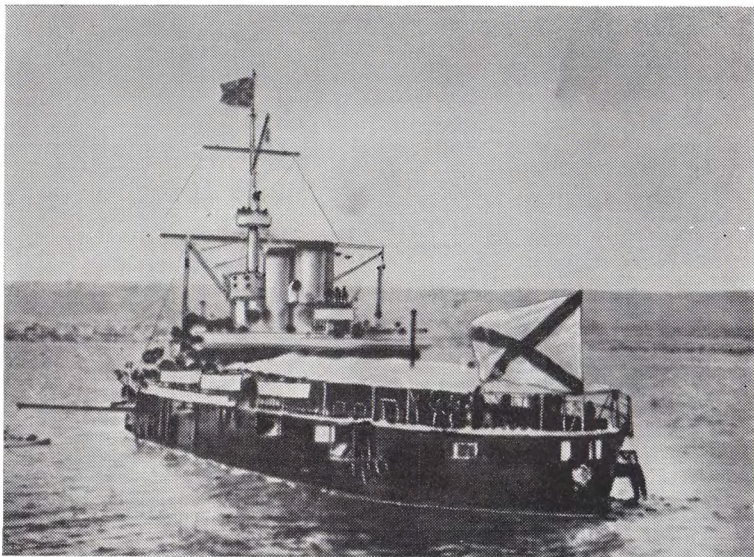

**Платоновский мол, у которого стал
«Георгий Победоносец» после контрреволю-
ционного переворота**

«Георгий Победоносец» на одесском рейде

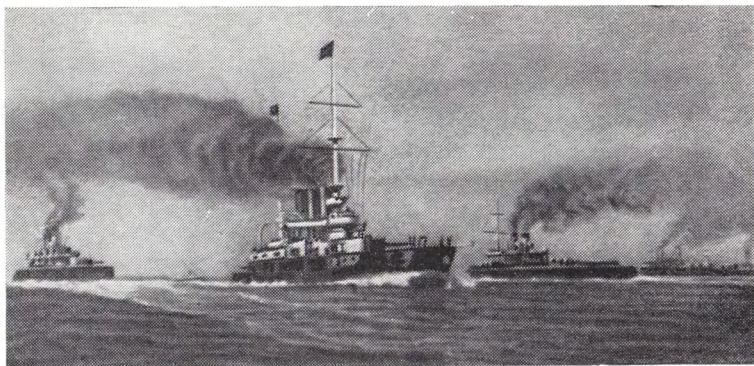

**Бронепосец «Потемкин» вступил в строй
босвых кораблей**

**Миноноска № 267.
Центральный музей Революции СССР**

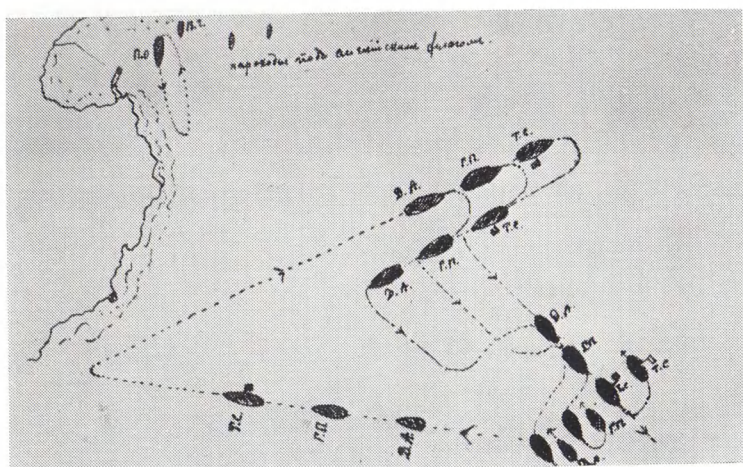

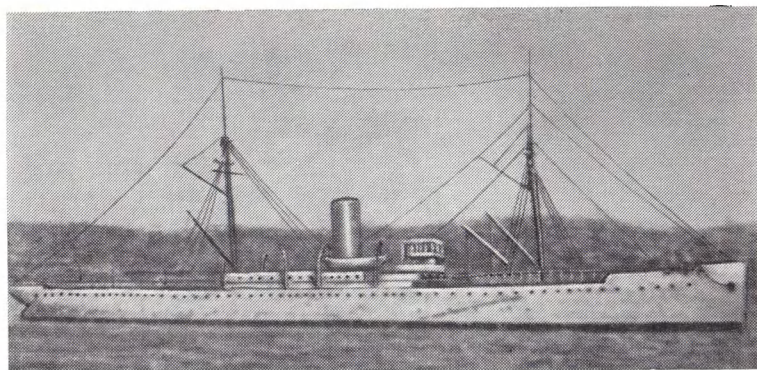

«Потемкин» прорезает строй правительственной эскадры.
С картины Семенова

Встреча «Потемкина» с первой эскадрой.
Рисупок из флагаманского журнала
контр-адмирала Ф. Ф. Вишневецкого

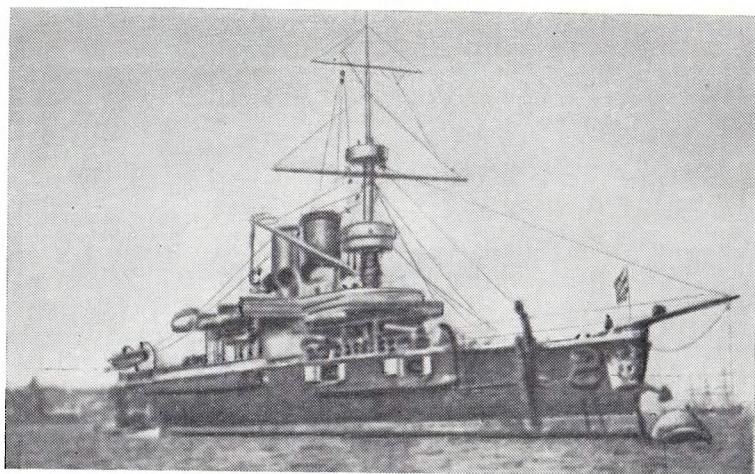

Учебное судно «Прут» на Спасском рейде в Николаеве

Митинг восставших матросов на учебном судне «Прут».
С рисунка В. Морозова

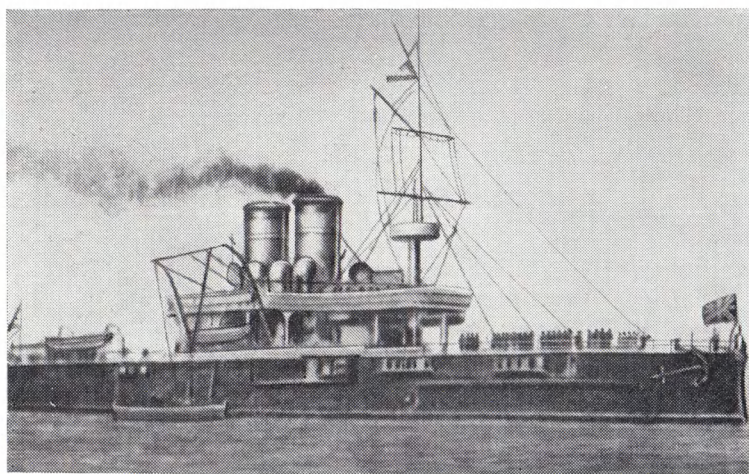

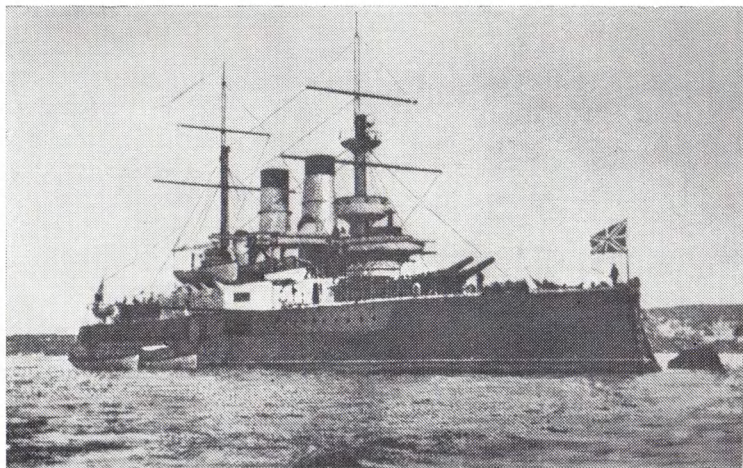

Эскадренный броненосец «Георгий Победоносец»

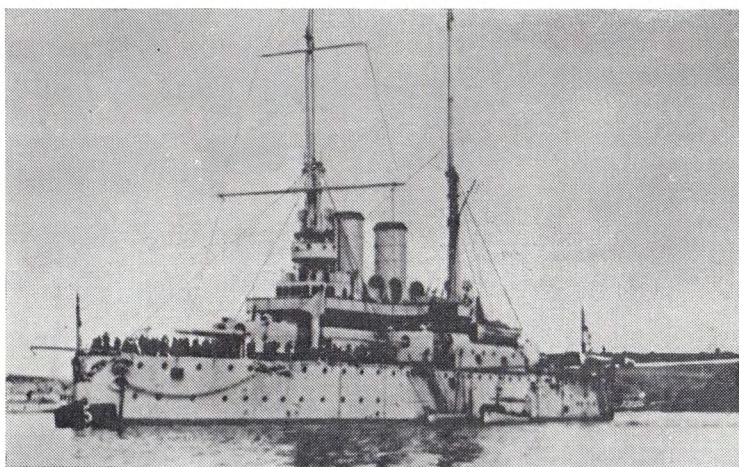
Эскадренный броненосец «Екатерина II»

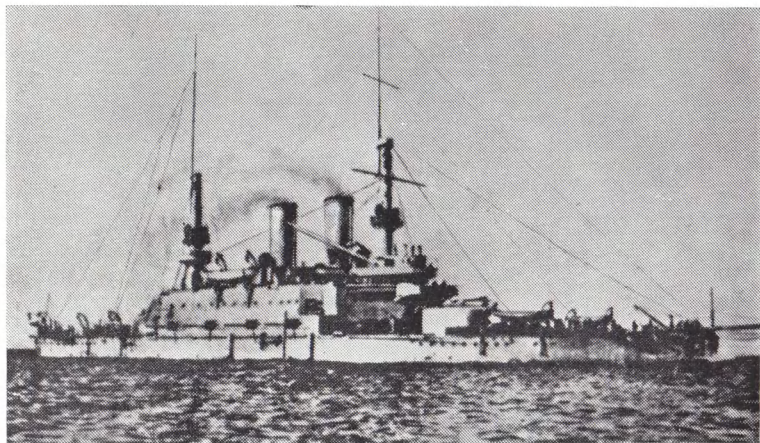

Эскадренный броненосец «Двенадцать Апостолов»

Эскадренный броненосец «Ростислав»

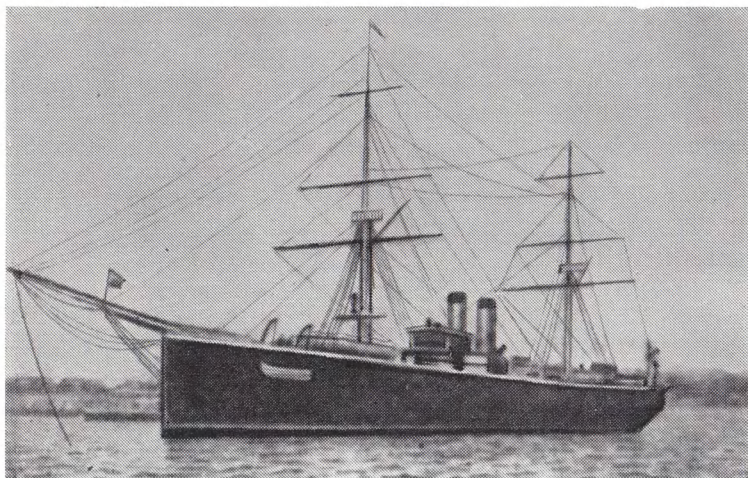

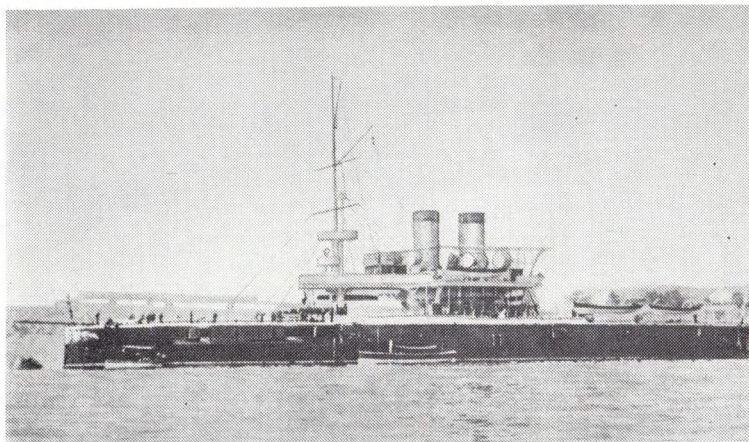

Эскадренный броненосец «Три Святителя»

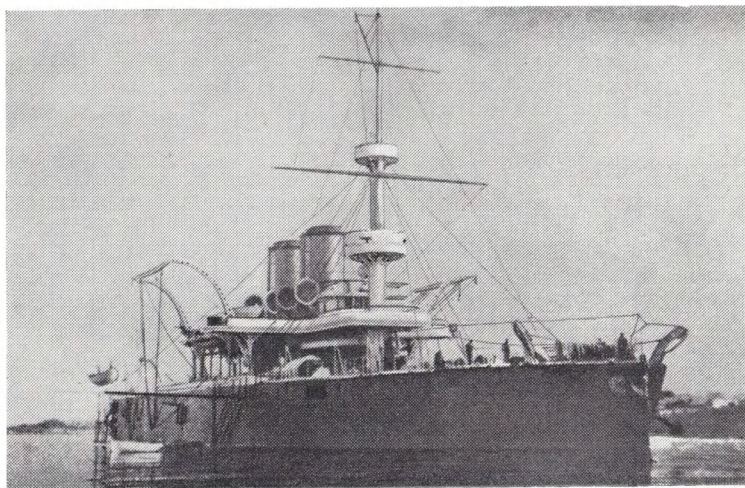
Учебный крейсер «Березань»

Эскадренный броненосец «Чесма»

Эскадренный броненосец «Синноп»

Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Передъ Вашими глазами пренесаются грандіозныя событія великой освободительной борьбы - угнетенные и поработанные народы Россіи не вынесли вѣкового гнета и своеволія деспотическаго самодержавія. Разореніе, нищета и безправіе, до котораго русское Правительство довело многострадальную Россію переполнили чашу терпѣнія трудящихся. По всѣмъ городамъ и селамъ возманили уже пожаръ народнаго негодованія и возмущенія.

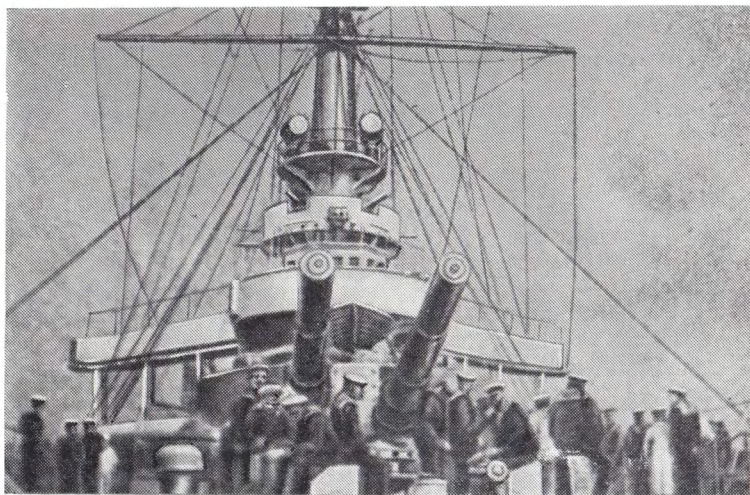
Могучій крикъ многомилліонной груди "ДОЛОЙ РАВСКІЯ ЦѢПИ ДЕСПОТИЗМА И ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ СВОБОДА" какъ громъ разкатился по всѣмъ необъятной Россіи. Но Правительство рыскало, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. Я не знала кровъ самоотверженныхъ борцовъ, льется цѣлыми потоками по всѣмъ Россіи. Однако самодержавіе забыло одно - что темная и забитая армія, это сильное орудіе въ его кровавыхъ замыслахъ, есть тотъ же самый народъ, есть силы тѣхъ же самыхъ трудящихся, которые рыскали добиваться свободы. И вотъ мы, КОМАНДА ЭСКАДРЕННАГО БРОНЕНОСЦА "КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ", решительнаго и единодушно дѣлаетъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братья - рабочіе и крестьяне, которые пали отъ солдатскихъ пуль на улицахъ и поляхъ скинутъ съ насъ свое проклятіе, какъ мы убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа, а защитники его и имеемъ одинъ девизъ : смерть или свобода для всѣхъ народа. Мы требуемъ немедленной приостановки бессмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манчжуріи. Мы требуемъ немедленнаго созыва всенароднаго УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго изъ протѣльнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы вмѣстѣ съ нашими броненосцами пасть въ бою или добиться побѣды. Мы глубоко увѣрены, что честные граждане всѣхъ странъ и народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей ВЕЛИКОЙ БОРЬБѢ ЗА СВОБОДУ.

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВІЕ. ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

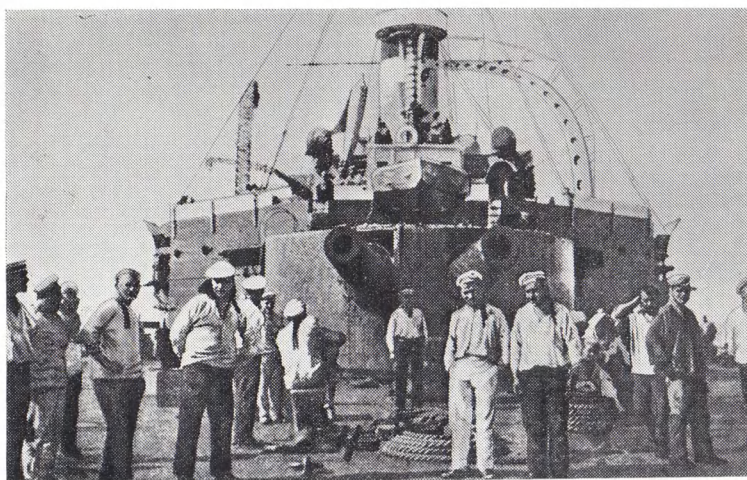
Команда эскадреннаго броненосца "Князь Потемкинъ Таврическій" и
многоносца № 267.

**На баке «Потемкина»
у орудий главного калибра**

**На юте «Потемкина»
у кормовых орудий главного калибра**

Прибытие потемкинцев на румынский берег.
Вдали — броненосец «Потемкин»

Потемкинцы в порту Констанца

Потемкинцы сходят на берег в Констанце

А. Н. Матюшенко в Констанце

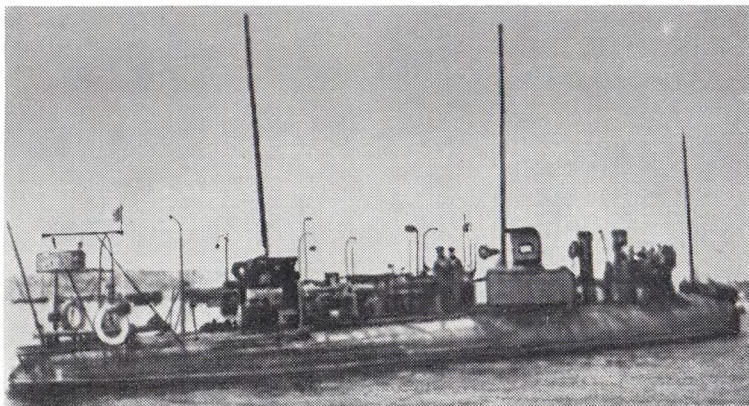

**«Потемкин» под румынским флагом
на рейде в Констанце**

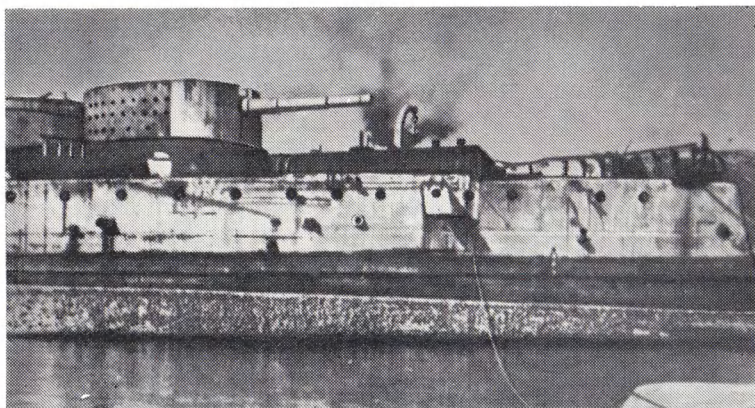
Миноноска № 267 перед уходом из Констанцы

Беседа В. И. Ленина с А. П. Матюшенко в Женеве.
С картины М. Н. Труфанова и Н. Телесова

Последние дни «Потемкина»

Ученики и преподаватели Новой русской школы-пансионата А. А. Фидлера в Женеве. В верхнем ряду десятый слева — преподаватель математики Александр Михайлович Коваленко, бывший инженер-механик «Потемкина», участник восстания. 1907—1908 гг. Из семейного архива А. Н. и И. А. Бах

Памятник потемкинцам в Одессе

Могила Г. П. Вакуленчука в Одессе. 1955 г.

